Шакир Джексенбаев

И ГОРЕК ДЫМ ВОЙНЫ

Молодому соседу — полков-
нику авиации — лауреату
Государственной премии Георгию
Георгиевичу Волкову и его жене
Нелле Филипповне в знак
большого уважения от автора

Д. Шекспитов

26 декабря 1985 года
г. Москва

Шакир
Джексенбаев

И ГОРЕК ДЫМ ВОЙНЫ

(ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)

Литературная запись
Мирбулата Сулейменова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
АЛМА-АТА —1985

Р 2
Д 40

Рецензент Юрий Плашевский

Джексенбаев Шакир.
Д 40 «...И горек дым войны»: Воспоминания / Лит. запись М. Сулейменова./ — Алма-Ата: Жалын, 1985.—212 с.

Книга о фронтовой жизни и боевых подвигах советских воинов-химиков во время Великой Отечественной войны. Автор — первый из казахов генерал советских вооруженных сил, ныне генерал-майор технических войск в отставке.

Издание посвящается 40-летию Победы в Великой Отечественной войне и предназначается для широкого круга читателей.

Д $\frac{4702010200—100}{408\,(05)\,85}$ 250—85 Р 2

© Издательство «Жалын», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания генерал-майора технических войск в отставке Шакира Джексенбаевича Джексенбаева являются первой работой мемуарного плана о советских военных химиках.

Это воспринимается всеми нами, как долгожданное событие прежде всего потому, что нашей военной мемуарной литературой незаслуженно обойдена тема ратного труда представителей этого рода войск.

И как завоевание советской национальной политики расценивается факт, что воспоминания генерала специального рода войск, служба в которых требует глубоких специальных знаний и высокой технической подготовки, принадлежат перу сына казахского народа, испытавшего до Великой Октябрьской социалистической революции тягчайший социальный и колониальный гнет.

Бесконечно интересно было познакомиться и с редкими страницами истории Казахской республики, в становлении и развитии которой автор принимал горячее участие. Личный опыт, опыт большевика-ленинца, красной нитью проходит через книгу. Явственно ощущаешь: в ней бьется сердце, и заметим, горячее, молодое. Молодое прежде всего тем, что оптимизм ее — непримиримый, воинствующий. Она, безусловно, имеет огромный воспитательный заряд, молодому поколению приоткрываются такие суровые, без прикрас таинства жизни, связанные с войной, что равнодушным это не может никого оставить.

Важнейшие преобразования, происшедшие в экономике нашей страны в годы первой и второй пятилеток, вывели СССР в число крупнейших индустриальных держав мира. Красная Армия превратилась в передовую современную армию. По своей организационной структуре, соотношению видов и родов войск, их техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических государств, неизмеримо превосходя их в морально-политическом отношении.

Получили развитие и химические войска. Валовая продукция химической промышленности СССР к 1938 году превысила уровень 1913 года почти в 15 раз. Это позволило обеспечить Советские Вооруженные Силы надежными средствами противохимической защиты, а химические войска — современной военной техникой

для ведения химической разведки и дегазации местности, машин и имущества.

К тому времени чрезвычайно обострилась международная обстановка. Объединение фашистских Германии и Италии, империалистической Японии в откровенно антисоветский «Антикоминтерновский пакт» особенно ярко выражало агрессивную политику этих стран и подготовку ими военных действий против СССР. События тридцатых годов показали, что эти государства не только готовились применить химическое оружие, но и применяли его в своих агрессивных целях — захватнической войне Италии против Эфиопии (Абиссинии) в 1936 году, а также во время войны Японии против Китая в 1937—1938 годах. Все это не могло пройти мимо внимания Коммунистической партии и Советского правительства при решении задачи всемерного укрепления оборонной мощи СССР.

Задача подготовки, воспитания и расстановки военных кадров в годы второй пятилетки решалась в тесной связи с проблемой подготовки советской интеллигенции из представителей народа. Без ее решения невозможно было успешно осуществить ни индустриализацию страны, ни коллективизацию сельского хозяйства, ни культурную революцию, ни поднять на высокий уровень военное строительство. Страна нуждалась в кадрах, в том числе в военных кадрах нового типа, обладающих техническими знаниями, широким общественно-политическим кругозором, беззаветно преданных делу социалистического строительства и активно борющихся за претворение в жизнь ленинских идей, политики партии.

Мы, представители младшего поколения, детство которых пришлось на первые годы Советской власти, встретились с ними, уже испытанными борцами за новую жизнь, на огненных фронтах Великой Отечественной. Их мужество и непреклонная воля к победе, гибкое тактическое мышление и высокое воинское мастерство служили для нас всегда непревзойденными примерами. А ненависти к фашизму нашим юным сердцам, потрясенным событиями в Испании, было не занимать.

Впервые я узнал о Ш. Д. Джексенбаеве в Калининском военно-техническом училище, где он был командиром курсантского батальона. Можно сказать, что курсанты знали его не понаслышке: в училище было всего два полковника — его начальник и Джексенбаев. И было неудивительно, что в мае 1942 года, будучи начальником химической службы полка, я сразу же признал его даже, в прямо скажем, незавидной ситуации — в передовых траншеях под свист и грохот пуль и снарядов. В ту пору он был уже начальником химических войск Брянского фронта и прибыл на передний край обороны нашей дивизии, чтобы лично проконтролировать, как организована противохимическая защита наших войск. Эта преданность делу в большом и малом, стремление к изучению обстановки непосредственно на месте, где разворачивались решающие события, умение инициативно использовать все возможности для успешного химобеспечения боевых операций снискали Шакиру Джексенбаевичу глубокое уважение общевойсковых командиров, командующих фронтами и армиями, простых солдат. Для нас это было глубоко поучительно и вызывало законную гордость за принадлежность к специальному роду войск.

Мы только теперь в полной мере можем оценить силу личного примера Шакира Джексенбаевича, его такт и гибкость в воспитании молодых командиров. Ведь в ту пору подчиненными ему фронтовыми отдельными батальонами химической защиты командовали офицеры, которым едва минуло двадцать лет, за которыми, как говорится, был нужен глаз да глаз. Однако Шакир Джексенбаевич доверял нам, поощрял инициативу, умело проверял и при надобности давал нам прочувствовать нашу вину.

В кратком предисловии невозможно, да в этом, очевидно, нет и особой необходимости, раскрыть все узловые моменты воспоминаний. Однако нельзя не отметить искренность и страстность повествования, скромность автора, его любовь и уважение к боевым товарищам, как живым, так и павшим, независимо от служебного положения.

Безусловно, следует ожидать, что со временем в печати появятся и другие воспоминания военных химиков, прошедших горнило войны. Однако многие поколения будут безгранично благодарны автору за то, что он уже не в молодые годы взялся за перо, чтобы поведать людям, причем вдохновенно и страстно, о том, что выношено им в сердце и дорого всему советскому народу.

П. Е. Красота, генерал-лейтенант технических войск.

В КРАЮ ЛИМАНОВ И ЛЕГЕНД

— Эге-ге-гей!— голос мой раскатисто разбежался, разнесся по трепещущей серебристо-серой глади степи, отдаленно отозвался в лилово-голубых барханах, распадках и лощинах, забежал, рассеялся, растворился в зеленых зарослях густого камыша, усеявшего приозерья и лиманы.

Такова моя степь. Мой родной край. Голос одного человека она усилит, удесятерит, размножит, а душу его, словно родная мать, взлелеет, обласкает, в минуту горести — укрепит и поддержит.

Каждый раз, когда я приезжаю в родные края, невзирая на возраст, на груз прожитых лет, я без устали хожу и хожу по степи, жадно вдыхая ее вольный воздух. И странное радостное чувство: будто и не носила меня вовсе нелегкая судьба воина по тернистым и мглистым дорогам второй мировой войны. Догадываюсь и осознаю я: запах родной земли, вольный ветер ее, звуки ее голоса, свет ее простора как бы раскрепостили меня от пережитого, очистили, освободили душу от увиденного и выстраданного. И остались: легкий бег облаков в бескрайней небесной сини, серебристая игра султанчиков ковыля, горький полынный дух и такой знакомый, такой родной говор «красных соколов» и перебивающее их мерное ржание лошадей.

Сердце сжимается от боли: ведь это же детство и юность! Это изначальный свет моей жизни!

...Аул Шунгай[1]. Здесь я родился, вырос, познавая мир

[1] В настоящее время относится к Урдинскому району Уральской области.

и людей. Аул берет свое название от огромного живописного лимана, который в весенние паводки наполнялся снеговой водой, а летом прорастал изумрудным камышом.

Окрестная степь не отличалась разнотравьем, лишь полынь и ковыль простирались серебристым ковром до самого горизонта. Но эти травы, известно, скот не балует вниманием, поэтому летом камышовые лиманы напоминали шар солнца, центр, к которому сходились лучиками со всех сторон коровьи, овечьи и козьи тропы, следы от телег; батраки косили камыш для скота своих хозяев. Только в бесснежье животные разбредались по степи, усердно поглощая горькую траву — полынь.

Вообще, местность, откуда я родом, старые люди окрестили «краем лиманов и легенд». К северу от нашего аула гигантской подковой богатырского коня разлегся лиман Далбун. В двухчасовом конном переходе от него тенью огромной юрты — лиман Сайхин, возле которого в настоящее время расположен одноименный поселок — центр Урдинского района Уральской области.

В тех краях и поныне из уст в уста передается одна легенда. Сказывают люди, что батыр Ер-Таргын (подробно о нем повествует казахский народный эпос «Ер-Таргын») как-то охотился в наших степях с ловчей птицей на зверя. И в пылу охоты случилось непредвиденное: в какой-то миг беркут, выпущенный на обмершего со страху серого зайчонка, с тревожным клекотом взмыл ввысь, к облакам, с каждым взмахом могучих крыльев, набирая высоту, со свистом разрезая прозрачный воздух, вопреки обыкновению не кинулся стремительно и отвесно на зверя, а беспокоенно закружил в вышине. Затем свернул куда-то в сторону и стал удаляться, пока совсем не исчез из виду. У батыра Ер-Таргына сердце замерло от предчувствия близкой беды. Он хлестнул коня камчой и устремился за птицей. Тулпар его полетел быстрее ветра. Хозяюшка не успела бы продеть нитку в игольное ушко, как он был уже у своего становища. Враги сожгли его белую юрту, увели любимую жену. С гиканьем батыр помчался им вослед. Яростна и неистова была его месть. Ер-Таргын косил врагов направо и налево, точно траву. А любимая его жена была спасена беркутом, который полетел вперехват и отбил ее у врагов.

То ли по легенде, то ли из-за необычайного сходства в народе лиман Далбун стали называть: «след тулпара

Ер-Таргына», а лиман Сайхин — «становище Ер-Таргына».

Лиманы рассеялись по степи, как тюльпаны весной. Местность эта проходит по самой кромке Прикаспийской низменности и расположена в междуречье Волги и Урала. Годы унесли в даль памяти глубинное водостояние на этой земле Кулзума (Каспия), несметное количество нерестящихся рыб, ленивый полет над ними белокрылых чаек, глухой ропот могучих морских волн. Лишь только изобилие лиманов, редкие пятнышки белых валунов, там и сям разбросанные по степи, да соленая вода в окрестных озерцах, напоминают о том времени, как называют его в народе, времени Великого разлива.

К востоку от моего родного аула Шунгай начинаются Нарын-пески — полоса волнистых серых песков с крутым переменчивым нравом, особенно в зимнюю пору, которые кое-где обрываются лазурными оазисными островками с сочной зеленой травой и зарослями джиды и краснотальника.

Точно в таком же оазисном местечке, в небольшой цветущей долине с бьющим из-под земли прозрачным родником со студеной водой, садами-виноградниками и сосновой рощей обосновалась бывшая ханская Ставка, позже переименованная в поселок Урду. Этому небольшому поселку было суждено впоследствии оказаться в центре многих политических бурь. Стены некоторых его зданий до сих пор хранят выщербины от ударов сабель и отверстий от пуль — здесь прошла неукротимым валом волна народного гнева, вылившаяся в восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, рассказы о котором каждый казах впитал с молоком матери, здесь проходили ожесточенные схватки красных «соколов» с белогвардейцами.

До революции в наших краях всем заправляли шесть семейств ханских потомков Букейхановых, которые владели всеми окрестными пастбищами и сенокосными угодьями. Голытьба и обездоленный люд нанимались к ним в батрачество, ухаживали за их скотом, охраняли его, прислуживали по дому за харчи и за жалкие гроши, а малоимущие шли к ним в кабалу в надежде найти пропитание для своего скота. Достаточно сказать, что из 100-120 дворов нашего аула только двадцать жили безбедно, и то будучи в родственных отношениях с ханскими отпрысками. Остальные, к ним принадлежала и наша семья, круг-

лый год пасли байский скот, а в начале июля подряжались косить сено на лиманах. Выезжали все трудоспособные мужчины, для приготовления пищи из каждой семьи выделялись женщины. За скотом ухаживали оставшиеся дети, старики, старухи. Каждый косарь вооружался короткой, наполовину срезанной косой, ею удобно подрезать камыш. Время от времени кое-кто из взрослых мужчин навещал нас на джайляу, привозил новости, проверял исправность колодца, при надобности чинил его.

В конце августа, начале сентября сенокос обычно завершался, баи расплачивались за косьбу камыша, как правило, одной-четвертой частью или половиной скошенного сена. Бедняки, как мне помнится, были очень дружны, помогали друг другу свозить заработанное сено. Семьи, не имевшие рабочих рук для косьбы камыша, покупали его за неимоверно высокую плату у Букейхановых или взамен на кабальных условиях стригли у них баранов и верблюдов, строили дома. Осень обычно заставала бедняков нашего аула на отхожих промыслах: кто-то уезжал ловить рыбу в Астрахань и другие прикаспийские города, кто-то добывать соль на соляных озерах Баскунчак и Эльтон, кто-то батрачить к кулакам Царицынского уезда Саратовской губернии, как тогда именовалась Волгоградская область, или к немцам Поволжья. Зажиточные крестьяне, имевшие верблюдов и лошадей, осенью и зимой перевозили купеческие товары (керосин, муку, мануфактуру и т. п.) из Царицына в Ханскую ставку. Вернувшись в свой аул с посторонних заработков, бедняки принимались за подготовку к зиме: чинили жилые дома, помещения для скота. Зимы в наших краях славятся лютыми морозами и свирепыми метелями. Не раз случалось, что путники замерзали в степи вместе с лошадьми.

Как я уже писал, Букейхановы, внуки и правнуки Букея и Джангира, бывших правителей Букеевской степи[1], всевластно распоряжались пастбищами и строго следили за тем, чтобы каждый пас свой скот там, где ему отведен участок. Букейхановы же свой скот направляли в урочище Карагай, где травостой был по пояс, а из-под земли били ключи. Все лучшие водные источники были также в ведении Букейхановых.

---

[1] Букеевская степь, Букеевская орда — в прошлом феодально-кочевое государство, основанное на территории нынешнего Западного Казахстана ханом Букеем в начале XIX века.

Остальное население пользовалось колодцами с их позволения. Малейшее ослушание или нарушение этих порядков сурово наказывалось старейшиной волости или старшиной аула (на эти должности обычно выбирались кто-нибудь из Букейхановых или их прихвостней). В редких случаях дело доходило до правителя части[1], который также оберегал интересы аульных богатеев, раболепствовал перед ними, получая от них соотвествующую мзду.

Отдельные ханские потомки добивались дворянства, княжества, других титулов и привилегий, заканчивали гимназии, реальные училища, семинарии, сельскохозяйственную академию. Их сыновья, как правило, женились на богатых и знатных девушках, а дочери выходили замуж соответственно своему имущественному положению, нарушая иной раз даже законы родовой сословности.

Мы, сыновья и внуки батраков, особенно остро сознавали бесправие своего социального, экономического и политического положения.

По рассказу моего деда Жексенбая, от его имени и возникла моя фамилия, прадед мой Холеткен был неимущим батраком, мангышлакским адайцем. В поисках пропитания для себя и своей семьи он вместе с тремя сыновьями и двумя дочерьми в середине XIX века пешком перебрался из Мангышлака в Букеевскую орду. Все-таки не ближний свет, им пришлось пройти в сезон обильных дождей и сильных ветров ни много ни мало — что-то около тысячи километров по современным меркам. Преодолев тяготы пути, озябшие и голодные, они прибыли в Ханскую ставку в предзимье. Прадед мой Холеткен на первых порах определился истопником у одного из сыновей хана Джангира. Трех своих сыновей он пристроил у этого ханского потомка пастухами. Так и вышло, что его старший сын — мой дед Жексенбай более 40 лет пропас баранов у Науши Букейханова.

Пастухи, как известно, так же как и другие представители беднейших слоев населения, зарабатывали гроши, лишь сравнительно редко, кое-кому выпадала удача при-

---

[1] Правителями в Букеевской орде высшие органы губернии назначали чиновников из местного населения, обычно из богачей. Они управляли так называемой частью (или участком), состоящей из 10-12 волостей.

обрести небольшое хозяйство, скот. Так мой дед Жексенбай обзавелся хозяйством, что дало ему возможность жениться, создать свою семью. В 1908—1910 годах он настолько поправил свои дела, материально окреп, что отошел от пастушеского дела и занялся исключительно ведением собственного хозяйства. К тому времени подросли его дети. Сыновья его уже имели свои семьи. Но все они с семьями жили вместе со своим отцом под одной крышей. Дед мой Жексенбай был главой большой семьи из 20 человек. У них все было общее: всем миром строили дом, следили за хозяйством, делили радости и печали.

Деду Жексенбаю день ото дня становилось все труднее заниматься делами, поэтому мой отец Айталий Джексенбаев и два его брата Орынбай и Шанабас, а также его сестры стали на полных правах вести хозяйство.

Дядя мой Орынбай был искусным сапожником. Скажу походя, бегло, что в ту пору редкий из казахов не умел портняжить, башмачить, кузнечить. Скорее всего это было связано с тем, что полукочевой образ жизни в первую очередь требовал от степняка постижения именно этих ремесел. Люди же, избравшие эти ремесла своей профессией, должны были быть истинными мастерами своего дела, умельцами, трудягами, в некотором роде даже виртуозами. Дядя Орынбай был именно таким человеком.

Я еще вижу сладкие сны, когда во дворе раздается методичный стук его молотка. Выбегая из дома и жмурясь от солнечных лучей, я первым делом вижу склоненную непослушную шевелюру дяди Орынбая, его умные, сосредоточенные глаза, его жилистую руку, державшую молоток. В погожие дни он обычно устраивался со своим ящиком и небольшой доской для сидения на нашем большом подворье, а в непогодицу — в углу дома. Я всегда завороженно следил за ловкими, изящными движениями его сильных рук, внимательно слушал песни в его исполнении. Их он знал великое множество и всегда напевал своим несильным тягучим голосом. Бывало я ночи напролет просиживал с ним, оказывая ему нехитрые услуги, прослушивая новые песни. Дядя Орынбай день-деньской выкладывался на этой нелегкой работе, а получал за нее копейки. По характеру он был веселый, добросердечный, общительный и отзывчивый человек.

Второй дядя, Шанабас, в 1916 году был мобилизован

на тыловые работы в период первой мировой империалистической войны. Вернулся он домой через год, в 1917-м, после свержения самодержавия, весь под властью впечатлений от происходивших событий. Странствия по чужим краям произвели ломку его взглядов на мир и на людей. По его возвращении мы обнаружили в нем необычную для него невозмутимость, сдержанность. Кроме того, он научился читать, писать и изъясняться на русском языке, что по тем временам было значительным фактом. Все вопросы он решал со спокойной совестью, хладнокровно и рассудительно. От него веяло уверенностью и силой. Позже он принимал активное участие в установлении и укреплении Советской власти в Шунгае, в соседних аулах.

Но все это будет позже, а тогда в течение восьми лет, с 1908-го по 1916 год, каждый раз после завершения сенокосной страды отец мой с братьями выезжал на заработки на соляное озеро Баскунчак. От нашего аула до него было конным ходом день пути. Так повелось, что они нанимались на два месяца к купцам-промышленникам ломщиками соли. В ту пору многие процессы добычи соли производились вручную. Представьте себе огромную — куда ни кинешь глаз — соляную белую равнину, которая заполнена людьми, верблюдами и колымагами. Люди полураздеты, босы, пот льет с их тела нескончаемым градом. Ломщики, к ним принадлежали физически сильные люди, ломом откалывали куски твердой соли с верхнего края залежей, затем измельчали ее деревянным молотком, промывали в рапе — соляной воде — так, что, в конечном счете, получались прозрачные отполированные до блеска осколки соли, по виду напоминающие сахар-рафинад. Это был первый способ добычи соли. Второй заключался в том, чтобы совковой дырчатой лопатой собирать рассыпанную вокруг ослепительно-белую соль в кучи, а затем загружать ее на колымажку и вывозить на бугор, к железнодорожной ветке. Нет слов, работа на соляных приисках была тяжелой, безотрадной. С рассветом отовсюду собирался народ, волоча ломы, лопаты, молотки, вытирая красные от недосыпания глаза, подгоняли верблюдов фурщики-дети. Фурщиками тогда называли возчиков соли. Можно сказать, что моя трудовая деятельность началась именно на соледобыче в Баскунчаке. Там я обычно работал до сентября фурщиком — возил выработанную соль к железнодорожным составам.

Я понаторел в этом деле, претерпевая и холод и зной. Но порой было тягостно и особенно — мука мученская в ненастье — дороги размывали сильные проливные дожди, а верблюды противились, упирались, не желая ступать по хляби, да и соль становилась неизмеримо тяжелее, как-никак колымага была весом в полутонну. Не раз при этом горячие слезы обжигали мои глаза, и я в бессилии опускал руки. Но как только я припоминал о том, что отец и дяди работают под хлесткими холодными струями сентябрьского дождя и ворочают ломами, вероятно, из последних сил, и при этом ничуть не выказывают своей слабости, я брал себя в руки и недовольный и раздосадованный собой принимался с жаром погонять, нахлестывать заартачившихся животных.

Условия существования нашей семьи были таковы, что отец со своими братьями вынужден был день ото дня проявлять неослабную заботу о громадном семействе, обеспечивать всех пищей, одеждой, обувью. Только Великая Октябрьская социалистическая революция круто изменила их жизнь в лучшую сторону, их мечту о благосостоянии сделала явью. В 1918 году все они дружно вступили в первый сельскохозяйственный кооператив в нашем краю — сельскохозяйственную трудовую артель «Ак Ниет» и стали заниматься общественным земледелием. Неожиданно выяснилось, что у моего отца и его братьев в душе неизъяснимо жила любовь к возделыванию родной земли, облагораживанию ее. Возможно, это объяснялось близким соседством с плодородной Саратовской губернией, где земледелие было в особенном почете. К тому же Шунгай пролегал на перекрестке больших торговых путей: Царицын — Ханская ставка, Сайхин — Баскунчак, Астрахань — Саратов; и любая мало-мальская новость, относящаяся к земледельческим вопросам, неизбежно становилась достоянием старших. И потому я не удивился, когда однажды, вернувшись со встречи с ровесниками, увидел дома крестьянина с хутора Житкур Царицынского уезда, расположенного от нас километрах в сорока. Разговор, судя по всему, шел о том, как провести пахоту и посевные работы артели «Ак Ниет».

В 1929 году в наших краях началась коллективизация хозяйств. Этот процесс шел туго, с перебоями, люди еще не совсем осознали всю важность этих перемен для своей жизни. Только бедняки, решительно стояли за новое, уяснив, что только возрождение коллективной формы

жизни — решение вопросов всем «миром» — настоятельная необходимость времени.

Мой отец Айталий Джексенбаев по примеру таких же, как он, бедняков в одночасье без колебаний вступил в Шунгайский колхоз и проработал там несколько лет рядовым колхозником. Примерно в 1932—1933 годах этот колхоз объединился с колхозом имени М. И. Калинина с центром в Караколе. В этом хозяйстве отец трудился до 1935 года, то есть до последних дней своей жизни. Я видел и поражался тому, как бедняки, объединив свои хозяйства в коллективные, денно и нощно не покладая рук работали, сознавая, что этим они крепят завоевания революции, утверждают новую жизнь.

Отец моей матери Алекен Бисенбаев тоже сызмальства батрачил на баев. Последние десять лет своей жизни он был табунщиком ханского потомка Нареша Букейханова. Как сейчас помню его подтянутую ловкую фигуру, стройность осанки, блеск в глазах, когда он, охваченный внутренним огнем, молодцевато гарцуя на копе, подъезжал к нашему дому. Позже, когда я вступил в Первый образцовый кавалерийский казахский полк, мне необычайно пригодились его «уроки» езды на конях, его советы в обращении с этими животными. «Конь,— говорил он,— все равно что человек. Это умнейшее среди других животное. Иной раз поражаешься тому, как он до удивления понимает своего хозяина. С ним надо обращаться как с равным, как с другом, временами балуя его, временами строго умеряя его пыл. Будешь так делать — конь никогда не подведет тебя».

У деда моего Алекена было двое детей: дочь, моя мать Джамиля и сын Пазыл. Дядя Пазыл долгое время батрачил вместе со своим отцом, после Великой Октябрьской революции работал на железной дороге по ремонту путей участка станции Сайхин. Он умер совсем молодым, оставив жену Шарипу и трех сыновей. Двое его сыновей в настоящее время работают в совхозах, а старший его сын Муса умер несколько лет тому назад.

Вот, пожалуй, и все о моих предках и родных по отцовской и материнской линии, о людях, которые невероятно близки и дороги мне, и каждое соприкосновение с Памятью о них отзывается щемящей болью в сердце, горечью утраты, невозвратностью того светлого и радостно-огромного, что с ними связано. Отрадно то, что и я своей жизнью как бы вошел в их Бытие, слился с ними, продол-

жая их мысли, их дела, их жизнь, пронизанный светом их разума и доброты, боролся, добивался и защищал мир на такой живой и такой хрупкой земле.

И это былое с его прозреньями придет на память лишь позже, но с той неотвратимой силой, на какую только способна жизнь после тридцати лет, а пока... я был юн, весел, жизнерадостен, с детским упорством верил в будущее, плохо еще различая светлые и теневые стороны бытия.

Во мне неистребимо жила жажда к грамоте. В ту пору по известным причинам образованных людей в нашем селении было до крайности мало. И когда в начале века в нашем ауле появились муллы, принявшиеся было обучать детей мусульманскому вероучению по корану, многие аульчане отвели своих отпрысков к ним на обучение.

Мечеть была сооружена в наиболее населенной части Шунгая. Муллы были главным образом из приезжих татар. И мечеть была построена в основном на средства верующих, к коим относились почти все. Но никто тогда не задумывался над простой вещью: как муллы, не обладая способностью переводить коран и толком разобраться в смыслах слов этого, по их разумению, «священного писания», могли без дураков, по настоящему обучить детей грамоте. Муллы были, как правило, фанатиками и, приобщая прихожан к вере, вовлекая их в круг своих убеждений, не гнушались ничем, даже откровенной ложью. Удивляло то, что они сами не предпринимали никаких попыток постичь и познать содержание корана и в свою очередь раскрыть, доступно растолковать его прихожанам. Но удивление это проходило при осмыслении того, что муллам это было вовсе невыгодно и безынтересно. Как в смысле материальном, так и в смысле политическом. Они, надо полагать, прежде всего опасались идейного созревания трудового люда, их протеста, это бы в значительной мере сократило число прихожан, поубавило их казну, пошатнуло их авторитет. Да и вообще сызмальства они были приучены слепо принимать все на веру, почитать догмы, не допуская даже мало-мальского колебания во взглядах. Понятно, чему могли учить детей такие муллы. Но люди, не сознавая той огромной, неизмеримой опасности, которую таило их вероучение, с безграничной убежденностью в чистоте их помыслов вели к ним своих детей. Но и само учение, состоящее в упорном, настойчивом, тщательном вызубривании той или иной суры

корана, бумерангом било по этим священнослужителям, отталкивая и отвращая от них учеников. И оттого несказанно великой была радость как детей, так и их родителей, когда в 1908 году учитель — семинарист Гимран-Мамаев открыл в нашем ауле казенную начальную школу, называвшуюся тогда одноклассным училищем с четырехлетним сроком обучения. Она располагалась в оживленной густонаселенной части Шунгая, и возможность посещать ее имели многие.

Мне тогда было восемь лет, в отличие от многих своих сверстников, я рано познал тяжелый крестьянский труд. Но больше всего мне тогда хотелось учиться. И когда школа Г. Мамаева разместилась почти под боком, через улицу от нашего дома, я безмерно возликовал и стал учиться в ней.

Учитель наш был человек образованный, просвещенный и относился ко всем нам, ученикам, с одинаковой строгостью и внимательностью. Он ревностно прививал нам любовь к наукам, к познанию истории и культуры своего народа, не щадя сил и времени, занимался с нами уроками русского языка, щедро делился своими знаниями и житейским опытом. Благодаря его неустанным трудам и заботам мы изучили русский язык, что позже дало нам возможность поступить в Ханско-Ставочное высше-начальное училище, которое по программе обучения можно приравнять к восьмому классу современной средней школы.

Ханско-Ставочное высше-начальное училище было прекрасным учебным заведением для того времени. Оно давало хорошие познания русского языка, математики, литературы, предметов истории, географии, рисования.

В училище работали образованные педагоги, прогрессивно мыслящие люди. В моей памяти глубокий, неизгладимый след оставили директор училища Г. П. Николаев, его предшественник Д. И. Кочуров, молодые учителя А. Н. Марченко, П. И. Апухтин, воспитатели Ф. И. Белов и И. С. Ткаченко.

Как выяснилось позже, большевик Григорий Петрович Николаев отбывал в Урде ссылку и находился под негласным надзором полиции. Во многом благодаря ему в Ханско-Ставочном училище царил неукротимый дух демократии и свободомыслия. Благожелательное либеральное отношение к нам преподавателей способствовало развитию среди соучеников независимых суждений,

взаимного уважения и чувства товарищества. Никогда не забыть мне таких товарищей по училищу, как Хамид Чурин, Хусаин Ишанов, Нурсултан Бекетов и других. Несмотря на несхожесть характеров и интересов нас объединяла крепкая дружба.

Хамид Чурин после окончания училища, стал учиться в восьмом классе гимназии в городе Саратове вместе с Нурсултаном Бекетовым. Весной 1916 года, вернувшись в аул, он стал работать в Торгунском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в котором в августе 1918 года по рекомендации старого большевика, члена партии с 1908 года, Степана Петровича Милютина, его избрали председателем. Через месяц Х. Чурин вступил в Коммунистический союз молодежи, немногим позже вошел в группу сочувствующих РКП(б). В этот период он занимался исключительно созданием комсомольских организаций в республике и принимал активное участие в работе местной советской печати. Хамид Чурин был не только неутомимым агитатором и вербовщиком добровольцев в ряды РККА, но и сам одним из первых вступил в Первый Советский Киргизский (Казахский) полк. Вскоре он, как активист по укреплению Советской власти на местах, был назначен агитатором полка и со свойственной ему кипучей энергией стал вести агитационно-массовую работу среди красноармейцев-джигитов конного полка. В эту пору он несколько раз включался в состав различных комиссий Центрального Киргизского Комиссариата по Военным Делам.

В конце 1918 года, как боец-комсомолец, он был командирован в Москву на учебу в Центральную Военно-политическую школу, где в марте 1919 года был принят в члены ВКП(б).

Хамид Чурин избирался также Председателем ЦК Коммунистического союза молодежи Киргизского края, председателем Букеевского областного совнархоза и заместителем председателя облисполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в 1919 году, в бытность которой имел счастье встречаться и разговаривать с В. И. Лениным. Вот как он вспоминал об этом в своей книге «Сквозь бурю» (издательство «Казахстан», 1968 г.):

— После съезда Владимир Ильич проводил совещание по национальному вопросу. На это совещание были при-

глашены и делегаты от народностей будущих советских автономных республик — Казахской, Татарской и Башкирской. Приглашенных собралось человек двадцать пять, я был в их числе как представитель от казахов.

Когда мы вошли в кабинет, Ленин встал из-за письменного стола, подошел к нам и поздоровался с каждым за руку. Попросив нас сесть, Ильич тотчас же начал расспрашивать о положении на местах, о борьбе с контрреволюционными силами, о хлебе и т. п.

Я вовсе не думал, что Ленин подойдет ко мне, самому молодому из делегатов. Но он подошел и спросил:

— Откуда вы, молодой человек?

Я немного растерялся, но быстро встал и по-солдатски ответил:

— Я из Киркрая, Владимир Ильич, делегат от Букеевской области!

Владимир Ильич сказал:

— Да, богатый край, большие возможности. Надо поднимать этот край, и, безусловно, будем поднимать и поднимем!

В последние годы жизни Чурин работал доцентом, заведующим кафедрой Казахского сельскохозяйственного института, готовя молодые кадры для сельскохозяйственного производства Казахстана.

Другой мой одноклассник Хусаин Ишанов также прошел славный боевой путь. Был бойцом 1-го Советского образцового Казахского кавалерийского полка. Окончив Борисоглебские кавкурсы, получил назначение в национальные части, участвующие в боях на Закавказском фронте. Боевые заслуги Х. С. Ишанова неоднократно отмечались в приказах командования. После гражданской войны он был на ответственной партийной и государственной работе. В 30-х и начале 40-х годов работал заместителем Народного комиссара внутренних дел Казахской ССР.

Как я уже упоминал, город Урда, где располагалось Ханско-Ставочное высше-начальное училище, находился в 60 километрах от нашего аула, и потому многие шунгайцы, в том числе и я, жили в интернате при училище. Плата за пребывание в нем составляла 50 рублей. Половину суммы выплачивал отец, остальную часть — касса вспомоществования при училище из-за недостатка денег у моих родителей.

Однажды в пору моей работы на сенокосе мне сообщили радостную весть: родился мой брат Сатбай.[1]

Ханско-Ставочное высше-начальное училище я закончил в 1917 году и по его окончании поступил на педагогические курсы при нем — имел намерение стать народным учителем, учить детей бедняков. Но февральская буржуазно-демократическая революция круто повернула события. Хотя царь был свергнут с трона, революционные мероприятия в нашем краю проводились вяло. Объяснялось это тем, что население Букеевской орды было отсталым как в социально-культурном, так и в политическом отношении. Еще велика была в сознании людей власть патриархальных порядков.

По существу власть в центре России оставалась в руках капиталистов и помещиков, в нашем краю — местных богатеев — ханских потомков, баев и бывших чиновников.

Но приближение большой грозы чувствовалось ежечасно, с неумолимой быстротой. То тут, то там вспыхивали конфликты между богатеями и бедняками. Набрал силу, рвался через край гнев возмущенного простого народа. Жуткий переполох и невероятное смятение охватило власть имущих. В диком страхе ханские потомки всполошенно и спешно угоняли свой скот в отдаленные места — барханы, солончаки. На Букеевскую степь опускалась ночь, озаренная тревожным предгрозовым заревом.

И вот грянул гром Великой Октябрьской революции. Первая весточка о ней мгновенно дошла до нас и разбежалась, рассеялась по всем уголкам Букеевской степи. Эта весть всколыхнула народные массы, из уст в уста

---

[1] Он стал сельским учителем, преподавал в аульной школе до призыва в ряды Советской Армии в 1939 году. Великую Отечественную войну встретил ефрейтором в полку тяжелой артиллерии. В 1940 году стал членом КПСС. Во время войны учился на курсах младших политруков и стал политруком. Потом его направили в школу летчиков-наблюдателей, по окончании которой в звании старшего лейтенанта был определен штурманом тяжелого бомбардировщика. В тяжелые годы войны неоднократно ходил на бомбардировку вражеских сил и объектов. В 1946 году он уволился в запас и с 1946 года по 1952-ой работал пропагандистом Урдинского райкома КП Казахстана. Позжя, с 1952 по 1956 годы учился в Алма-Атинской Высшей партийной школе. По окончании ее с 1956 по 1960 г. г. работал секретарем парторганизации совхоза «Таскудук» Джамбейтинского района Уральской области КССР. С 1960 года работал учителем средней школы совхоза «Бисенский» Урдинского района Уральской области. В настоящее время он — на пенсии.

передавались восхищенные слова о Ленине, о большевиках, о коммунистах, о Декрете о земле и о мире. Торжеству и ликованию трудового люда не было предела.

Дух пролетарской революции захватил рабочих мастерских и предприятий, батраков и трудовую интеллигенцию, побудил их к активным действиям.

Как только стало известно о победе Октября, повсюду — в аулах и городах Букеевской орды — начались собрания и митинги, на которых с пламенными речами выступали большевики Сергей Генералов, Сейткали Мендешев, Петр Варламов и другие. Они призывали массы к свержению местных органов Временного правительства, к установлению Советской власти. В их выступлениях содержались обращения ко всем слоям населения, ко всем пролетариям — сплотиться, организоваться и повести наступление на последние форпосты буржуазной власти. С сильно бьющимся сердцем спешил я туда, горячо зазывал друзей, знакомых, словно впереди нас ожидало нечто невиданное, удивительное, грандиозное. И часто ожидаемое исполнялоеь, и чудесное, удивительное — свершалось на наших глазах...

Митинги и собрания были ценны и дороги для меня тем, что я, вчерашний сын скотовода, детство которого было опечалено муками подневольной работы, вдруг явственно и с возрастающей уверенностью осознавал свое место в мире, свое предназначение, свое будущее, начинал разбираться в целях и задачах Советской власти, понимать основы большевизма. Большевики-агитаторы на митингах популярно растолковывали массам, кем совершена Великая Октябрьская революция, в чьих интересах, кто такие Ленин и большевики, кому в настоящий момент принадлежит власть. Особенно горячо воспринимались всеми сообщения об отмене частной собственности на средства производства, на землю, о ликвидации угнетения человека человеком и т. п.

Тогда ничто не существовало для меня в мире, кроме этих кратких минут общего возбуждения, деловитых, серьезных пояснений происходящих событий, призывов к сплочению, организованности. Все это радостной болью отдавалось в моей душе, и не было для меня лучшей политической школы, чем митинги...

Когда заканчивались собрания, я, окрыленный и вдохновленный идеями большевиков, в беседах со знакомыми из Урды, с приезжими из окрестных аулов Шунгай, Ка-

ракол, Сайхин — вел горячо заинтересованную агитацию за Советскую власть. До нас дошли толки, что в середине ноября 1917 года в поселке Джаныбек организован Совет рабочих и крестьянских депутатов, первый в Букеевской орде. Председателем его был избран крестьянин-бедняк Давид Шишлянников, а членами исполкома — Жолмухамед Гайсин, Жоламай Мулдашев, Антон Сальников, все бедняки. Эта весть взбудоражила, взволновала трудящихся Букеевской орды, придала им уверенности в себе. Перелом произошел 2 (15) декабря 1917 года, когда они под руководством большевиков взбунтовались, в Урде (Ханской Ставке) низвергли органы Временного правительства, возглавляемые ставленниками байства, купечества и бывших крупных чиновников и образовали Советы рабочих и крестьянских депутатов. Незамедлительно, в тот же день были арестованы отдельные представители буржуазного правительства, а некоторые из них все же тайно скрылись. Притаились и попрятались до поры до времени местные купцы, баи и бывшие крупные чиновники, часть из них, передвигаясь на лошадях, в лютые морозы перебралась в другие города.

Началась новая эра, новая жизнь, повсюду на местах — в аулах и поселках — стали создаваться Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. На Педагогических курсах занятия шли с перебоями, так как учителя и слушатели принимали живейшее участие во всех собраниях и митингах, а некоторые из них и вовсе уехали в другие города.

Как и все слушатели наших курсов, я не пропускал ни одного митинга или собрания. Я всегда с большим нетерпением ждал этого момента, и заслышав о сходке, спешил туда.

Так я прожил бурную зиму 1917—1918 годов.

В январе-марте 1918 года в аулах Шунгай, Далбун, Каракол были проведены первые выборы в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. И случайно выяснилось, что в исполком Шунгайского совета затесался бывший царский староста. Тогда повсеместно шла упорная борьба за изгнание из Советов байских элементов и бывших волостных старшин и аульных старост, которые всеми силами рвались к ветрилу власти. При обсуждении кандидатур членов исполкома спорили разгоряченно, до хрипоты, обсуждая даже то, как работает, с кем

общается, как настроен. Отрадно было видеть, что всюду чаще звучат пролетарские требования, что все большее число большевиков избирается в Советы.

Батраки и бедняки, уяснив задачи Советской власти, требования момента, активно национализировали земли, конфисковывали скот у ханских потомков и баев. Последние сбегали в панике, угоняя свой скот в отдаленные районы. Но скрыться от народного возмездия им все же не удалось.

Окончив учебу в училище, я прибыл в Шунгай и с первых же дней повел агитацию за быстрейшее укрепление Советской власти. До сих пор вспоминаю с неуемным чувством волнения свои долгие беседы с батраками и бедняками, которые приходили ко мне за советами, с рассказами о своих нуждах. Главную задачу в те дни я видел в одном: организации всех обездоленных в единый фронт и упорных атаках на позиции баев и ханских потомков.

С каждым часом, с каждым днем чувствовалось упрочение и укрепление Советской власти. В конце мая я стал сотрудником Правления Союза горнорабочих Баскунчакского соляного промысла. Впервые в жизни мне была доверена ответственная работа, и началась она в рабочей среде.

До Великой Октябрьской революции на соляных приисках существовала жесточайшая эксплуатация труда. Соледобытчики работали от зари до зари, прерываясь только на короткий обед с чаем или водой с лепешками. За тяжелый, изнурительный труд солепромышленники Шаров и Рыбасов платили им жалкие гроши. Каждому ломщику выплачивалось по 20-25 копеек, фурщику — по 7-10 коп., ссыпщику по 4 коп., грузчику за погрузку вагона вместимостью 10-12 тонн — по 90 коп. Подросткам и женщинам за такую же по объему работу платили половину заработка взрослого.

После революции организация соледобычи в Баскунчакском соляном промысле коренным образом изменилась. Солепромышленники-эксплуататоры Шаров и Рыбасов были изгнаны, Баскунчакское соляное озеро стало государственной собственностью, соляные участки и орудия производства были конфискованы. Теперь надо было организовать работу фурщиков, ссыпщиков, грузчиков. Этого требовала сложившаяся обстановка. В соли нуждались Красная Армия и население.

С этой целью был создан Союз рабочих Баскунчакского соляного промысла, призванный урегулировать все вопросы организации соледобычи и снабжения солью страны. И было удивительным, а на самом деле естественным фактом, что я, вчерашний оборванный фурщик, избран в число сотрудников Правления Союза. Одно это говорило о больших переменах. Еще за окном бродят сиреневые сумерки, в воздухе все чаще настаивается прохлада, а я уже направляюсь на очередную встречу с рабочими заново сформированной производственной группы. Мне приходилось не просто вербовать рабочих-казахов в Союз рабочих и формировать производственные группы — трудовые артели, но и объяснять основные принципы Советской власти, необходимость снабжения солью Красной Армии, всего населения страны, порядок оплаты труда. Нередко я выступал переводчиком: многие казахи не могли тогда писать и изъясняться на русском языке. Многие в реорганизации производственных процессов добычи соли, в вопросах перераспределения рабочей силы проявляли горячую заинтересованность и инициативу.

Вскоре работа по производству соли намного оживилась. Наверное, здесь решающую роль сыграла поистине отеческая забота о добытчиках соли нашего вождя В. И. Ленина, который подписал постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны об освобождении от мобилизации для нужд Красной Армии 3 тысяч верблюдов и 150 лошадей с повозками и направлении их на Баскунчакские солепромыслы. Затем в том же, 1918 году, по его указанию в Баскунчак были переброшены два экскаватора иностранной марки, солесосы, специальные вагоны. Тем, кто работал на приисках до революции, теперь дни тяжелого подневольного труда тех лет казались кошмарным сном.

В настоящее время производство соли полностью механизировано, за высокие трудовые достижения предприятие «Бассоль» награждено орденом Ленина.

В октябре 1918 года произошли вторичные выборы в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Далбуно-Шунгайской области. И велико было мое изумление, когда на этих выборах меня заочно избрали в состав исполкома в качестве ответственного секретаря. Не задумывался я тогда о том, что кто-то примечает мои дела, верит в мои способности, ведь в юности все происходит само собой, возможно, от горячего задора, и в ней

нет и не может быть места корысти, расчету. Председателем исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Далбуно-Шунгайской волости был избран бедняк Хабдеш Калиев, всей душой ненавидевший эксплуататоров.

Трагически сложилась судьба его младшего брата Нашекена, который в 1916 году побывал на тыловых работах первой мировой империалистической войны. Вернулся он домой с солидным жизненным багажом и несколькими тетрадями стихотворений. В стихах страстно, с гневом клеймил порядки в царской армии, социальное неравенство людей, воспевал впоследствии победу Великого Октября. Не было дня, чтобы Нашекен не выступал перед бедняками с речами и стихами, в которых призывал к укреплению Советской власти. По характеру это был человек открытый, прямой. С первых дней Советской власти он своим трудом как бы показывал пример другим. Саботажники были смертельно злы на него. И вот однажды, в глухих сумерках, притаившаяся в лощине банда белогвардейцев подстерегла его вместе с товарищами и расстреляла. Позже выяснилось, что навели на него врагов местные баи.

Исполком размещался в доме, который находился рядом с мечетью. По пятницам, как было принято у мусульман, в мечети собирались на богослужение местные жители. Жизнь как бы специально расположила рядом две несовместимые вещи. И что интересно, на проводившиеся в исполкоме собрания, беседы верующие приходили все как один. Происходил примерно такой разговор между двумя верующими:

— Айтеке, побывали на приеме у всевышнего, воздали ему должное, легче немного на душе. Теперь ты, наверное, к старухе — под теплый бочок?

— Э-э, Раке? Куда денется старая мыстан[1], каждая лишняя минута без нее рай. Не лучше ли забежать к Советам, узнать, что в степи творится, что в мире делается?

— И то верно. Что они затевают, поди догадайся!

Уровень сознания многих аульчан тогда был крайне низок, новые мысли, новые идеи только-только прокладывали путь к их сердцу, уму.

Так и повелось, что заседания в исполкоме, на кото-

---

[1] мыстан — подразумевается Баба-Яга

рых зачитывались всякие сообщения по текущему моменту, анализировалось положение дел, всегда собирали большой круг людей.

Основными задачами, которые решал исполком в то время, были: укрепление органов Советской власти путем доступного разъяснения ее основных законов, агитация за добровольное вступление в ряды Красной Армии, защита от байского истребления поголовья скота и обеспечение XI Отдельной Красной Армии и Восточного фронта гражданской войны лошадьми и мясом; создание и укрепление сельскохозяйственных трудовых артелей и коммун; оказание конкретной помощи комитетам бедноты.

Но в первую голову нужно было изгнать из Советов ханско-байские элементы. До сих пор жив в памяти момент, когда на одном из заседаний исполкома прокатили на вороных бывшего аульного старосту из Шунгая. Почувствовали-таки байские прихвостни силу пролетариев.

В ту пору наметился широкий поток добровольцев в Красную Армию из батраков, бедняков и середняков. Это были люди, глубоко убежденные в правоте Советской власти, в необходимости защиты ее завоеваний. Так, записались добровольцами бедняки Хайруш Мукашев, Тауша Сарсекенов, Сагади Карабасов, Хожа Хафизов, Менжан Текебаев и другие. Они позже составили костяк Первого советского образцового киргизского (казахского) конного полка.

Активизировали свои действия комитеты бедноты. В частности, за стадами Букейхановых и других баев были установлены наблюдения членов комитета бедноты. Например, такой контроль в Шунгае вели бедняк Сатан Каракенов, кузнец Жумалий Баракбаев, мастер-умелец Сатбак Акишев, батрак Хайрулла Бекжанов и другие.

Как я уже упоминал, осенью 1918 года в нашем краю начали формироваться сельскохозяйственные трудовые артели и коммуны. В составе сельскохозяйственной коммуны Шунгая были преимущественно члены комитета бедноты — батраки и бедняки.

Для трудовых артелей и сельскохозяйственных коммун земельный отдел Букеевской области отпустил сельхозинвентарь — плуги, бороны, сенокосилки и семена зерновых культур. Это дало возможность членам артелей начать подготовку к весеннему севу, а в дальнейшем осуществить перевод населения к оседлости. Примечательно, что

батраки и бедняки с неодолимым упорством овладевали премудростями земледелия, осваивая бывшие земельные угодия ханских потомков и баев.

Весной 1919 года во всех артелях и коммунах началась посевная кампания. Это явилось знаменательной победой трудящихся, мечтавших о земле и хлебе, свободном радостном труде.

Но старое не сдавалось без боя.

Враги мстили по-своему, с жестоким коварством, из-за угла. Так однажды они устроили засаду и схватили Курмангалия, старшего сына Сатана Каракенова, члена комитета бедноты. После короткого допроса и пыток сын активиста был расстрелян по дороге в Далбун.

К каким только мерам не прибегали контрреволюционеры, чтобы повернуть вспять события.

Интересно, например, узнать, что «Известия Сызранского уездного и городского Советов и партии коммунистов» от 24 января 1919 года сообщали о неудавшейся акции белоказаков. Известно, что белоказаки устроили мятеж и захватили г. Уральск, объявив на другой день о мобилизации мужского населения от 18 до 45 лет «земли Уральского войска». Но многие степняки-казахи не подчинились этому приказу. Тогда их согнали силой под дулом винтовок и пулеметов и направили на воинскую подготовку. Учеба шла туго и все время под свист нагаек. Наконец, как им показалось, вымуштровав казахов, белоказаки решили направить их в бой с красноармейцами.

Однако казахи-степняки отказались выступить против Советской власти, против красных. Через минуту на месте их сборища появились контрреволюционные офицеры и дали команду применить нагайки и пулеметы. Однако уже ничто не могло остановить бунтовщиков. Полк казахов собрался на митинг. Тогда командир полка, белогвардейский офицер выстрелом из револьвера убил председательствующего на митинге. Это переполнило чашу терпения казахов, и они разом набросились на офицеров и в порыве гнева расстреляли 28 человек. Лишь двум из них удалось бежать.

Когда из Уральска в Болушань, где шло обучение казахов, прибыл карательный отряд, полк восставших уже снялся с места и ушел по направлению к Гурьеву, захватив с собой оружие, артиллерию и пулеметы. Карательный отряд догнал «бунтовщиков» у въезда в г. Дубьев, однако

сразу не решился вступить с ними в бой. Наконец полк сам пошел в атаку и разогнал карательный отряд.

После этого часть полка с вооружением и артиллерией перешла на сторону Советов, а другая часть соединилась с киргизами и туркменами. Некоторые из них не решались перейти окончательно на сторону красных, опасаясь, что каратели вырежут их семейства. Но они представляли грозную силу, затаившуюся в тылу у белых.

Сообщения обо всех этих событиях разносил «узун кулак»[1] по степи, доносили печатные органы, вселяя уверенность в победу пролетарских сил, служа росту самосознания трудового народа.

Чувствовалось и верилось: началась агония эксплуататоров, дни их сочтены.

Однако до полной победы было еще далеко.

---

[1] узун кулак — весть, передаваемая от аула к аулу.

ГОДЫ ЮНОСТИ И БОРЬБЫ

Сейчас, когда смотришь на былое, через перевалы лет, радостно осознаешь, что годы, пролетевшие, словно стремительный горный ручей, вспыхивающий на открытых местах снопами серебристых искр, темнеющий под увалами, мшистыми берегами, бурлящий, кипящий и грохочущий на перекатах, и выбегающий с легкостью на светлый простор долины — в счастливую беспредельность, потрачены не зря, нет ни горести, ни сожаления, что они прожиты так, а не иначе, ведь по иному и быть не могло, ибо мы жили и трудились тогда так, будто создавали главное, от чего зависели судьбы мира, земли, Вселенной.

А ведь так оно и было... Те преобразования, к которым были причастны и мы, стали известны всему миру, вызывая в каждом измученном сердце искру надежды, всплеск восхищения.

Мы, недавно избранные членами исполкома, работали тогда неистово, споро, с большим энтузиазмом, день ото дня постигая уроки быстро меняющейся жизни, общения с людьми, изучая потребности и интересы трудящихся масс. Нередко обсуждение того или иного вопроса заканчивалось глубокой ночью, а то и при свете синих рассветных «выстрелов» в окнах.

Мы были одержимы, ибо были молоды, беззаветно верили в себя, в правоту своего дела.

Результаты нашей работы с каждым днем становились все ощутимее. Председатель нашего исполкома Хабдеш Калиев, ежеутренне открывая заседание, сообщал нам новости, информировал о сложившейся обстановке в аулах и городах страны, нашей Букеевской области, подводил

итоги делам. И всегда, когда он упоминал о том, что идет набор добровольцев в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, и пока бойцов недостаточно, а положение на фронтах тяжелое, меня бросало в жар, а из глубины сердца рвалось наружу упругое, бушующее, неуемное пламя: я мечтал стать бойцом РККА.

Не помню, как зародилось это чувство: то ли при чтении книг про батыров, то ли при виде красноармейского командира при полной амуниции, то ли в разговоре с друзьями-добровольцами в РККА Хайрушем Мукашевым, Менжаном Текебаевым, Таушой Сарсекеновым, Хожой Хафезовым, Сагади Кирабасовым и другими, но с каждым разом мне стоило большого труда справиться с собой: ведь мне тогда шел восемнадцатый год.

А однажды — я помню отчетливо тот день — пронизанная золотыми стрелами солнечных лучей беспредельная голубень весеннего неба, бархатно-нежная зелень листвы, робко выглядывающая в окружающий мир, зыбкое марево близлежащих барханов и ощущение, живое, трепетное, осязаемое своей силы, юности, отваги — я набрался решимости и ввалился в кабинет председателя исполкома:

— Можно к Вам? Я по важному и срочному делу!

— Пожалуйста, проходите,— внимательно и пытливо вперив в меня взгляд, сказал Хабдеш Калиев.

— Я... я... решил пойти добровольцем в РККА!

— Что? Добровольцем?— задумчиво переспросил председатель, затем помрачнел, насупился и отвернулся к окну.

Я ждал ответа, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. В душе я недоумевал, видя, что председатель тянет с ответом. Напряженная обстановка, бойцов РККА недостает. Тут и раздумывать не стоит.

Но Хабдеш вел себя странно: так же упорно, немигающе смотрел в окно, распахнутое в солнечный, пахучий, звенящий май, и мне чудилось, он что-то отчаянно и пристально высматривал, выглядывал в уходящих в сияющую даль кривых улочках нашего селения; в взметнувшихся к небу в прозрачно-весеннем свете полях, в немоте фигур, передвигающихся поодаль от дома к дому. Волнение мое росло, нетерпение жгло мою грудь, и я уже готов был выкрикнуть, выпалить в эту молчаливую сутулую спину первые пришедшие на ум слова с чувством великой обреченности, как он повернулся и с доброй улыбкой

поглядел на меня, и слова мои застряли в горле, и теплый ток пронзил мое сердце, мне показалось, что я постиг простую и в то же время величайшую истину: сейчас не время думать о своих интересах, благо народа — вот что превыше всего.

Но во мне вдруг рванулся и с дикой горячностью заторопился, заговорил другой голос: «А служить в РККА— разве не забота о благе народа, о его защите? Быть на острие атаки, пролить кровь в бою, отдать свою жизнь, самое дорогое у человека, борьбе за счастье народа — это ли не главное, это ли не важнее всего?»

Трудно сказать, сколько бы времени продолжался этот пылкий внутренний монолог, как Хабдеш серьезно и внимательно взглянул на меня и сказал: «Ты, Шакир, работник грамотный и знающий. Здесь ты принесешь больше пользы людям».

И вот натянутая струна ослабла, я остыл, эти слова были произнесены Хабдешем так, что в них предельно выразительно сквозили сожаление, горечь и острая, сильная, неприкрытая боль. Что это было? Но в тот день, в тот момент, я был далек от того, чтобы понять и прочувствовать его затаенные чувства. Лишь по прошествии некоторого времени я уяснил себе, что и Хабдеш, и другие члены исполкома также горели жаждой пойти в Красную Армию, но чувство долга перед людьми сдерживало их, не давая им выразиться, обнаружить всенародно свое желание. Они были взрослее, серьезнее и степеннее меня, восемнадцатилетнего юноши, и хорошо понимали обстановку того времени, важность и необходимость укрепления Советской власти на местах.

После того разговора я утихомирился, не заявляя более о своем желании, но неожиданно полученная мною повестка о мобилизации в РККА круто все изменила, разрубив разом гордиев узел сомнений. Но до сих пор для меня непонятно, какую роль в этом сыграл Хабдеш Калиев, мой верный и умный старший друг, ведь мне было тогда восемнадцать лет, а мобилизовались с 20 лет до 25 лет.

Повестку я получил 20 июня 1919 года, а на следующий день, неистово торопя, подстегивая иноходца, во всю прыть прискакал в Киргизский (Казахский) Комиссариат по военным делам, расположившийся в Урде.

Негасимый огонь волнения владел мною, казалось, я взобрался на вершину, с которой видны дальние дали,

видно мое будущее. После соответствующего медицинского осмотра меня определили в полковую школу при Первом советском образцовом киргизском (казахском) конном полку и зачислили на все виды довольствия.[1]

Вступление в ряды РККА явилось определяющим моментом моей жизни. Со мной тогда в полковую школу были зачислены сосед и друг детства Айтеш Исенгалиев, шунгайцы Иргазы Казенов, Гайнулла Султангалиев и многие другие.

Обстановка в ту пору была сложная и напряженная. Белогвардейские банды рыскали по степи, сея вокруг огонь пожарищ, ужас и смерть. Они убивали сторонников Советской власти, отбирали у бедняков лошадей, действуя малым числом и всегда неожиданно.

Поэтому в этих условиях формирование нашего полка не было случайным. Инициатива создания воинских формирований исходила от масс. Так, Первый Букеевский областной съезд советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, состоявшийся с 30 апреля по 13 мая 1918 года в Урде, исходя из обострения классовой борьбы и необходимости защищать завоевания революции, постановил: «Образовать Красную социалистическую армию, поручив особой комиссии выработать предварительно резолюцию о порядке формирования[2]. Отмечалось при этом, что «настоящий акт является первым в жизни казахского народа, ранее не привлекавшегося к отбыванию воинской повинности, который сам добровольно вступает в ряды славной Красной Армии для закрепления завоеваний революции»[3]. В эту комиссию вошли С. П. Милютин, М. Кукебаев, Ш. Бекмухамедов, С. Мендешев.

Тогда, как известно, в стране сложилось тяжелое положение: то там, то тут поднимала голову контрреволюция, всякие недобитки объединялись в банды и творили бесчинства.

Партия и правительство сочли необходимым осуществить переход от добровольческих формирований к регулярной Красной Армии, укомплектованной на основе воинской повинности трудящихся. При этом учитывалось, что в армию пойдут представители и других национальностей. В соответствии с этим коллегия Народного комис-

---

[1] ЦГА СА. Ф-25908. 01, д. 1, лл. 103 и 104.
[2] Х. Чурин. «Сквозь бурю», «Казахстан», А-Ата, 1967, с. 60.
[3] ЦГА ОРСС. ф. 1318, 0.1, д. 117, л. 167.

сариата по делам национальностей вынесла следующее решение:

«Коллегия считает допустимым образование национальных отрядов Красной Армии лишь на территории данной национальности (например: Украины, Башкирии, Армении и т. д.)[1]

Как только ВЦИК 29 мая 1918 года принял первый декрет о мобилизации в Красную Армию трудящихся центральных промышленных районов, коллегия Наркомнаца в третий раз рассмотрела вопрос о создании национальных формирований и постановила: «По вопросу об образовании из киргиз Красной Армии в связи с объявленной мобилизацией, коллегия, принимая во внимание, что киргизы по настоящее время воинской повинности не отбывали, и потому обучение их военному искусству в короткий срок не представляется возможным, вопрос этот передать на совместное рассмотрение Киргизского отдела и Народного Комиссариата по Военным делам в согласии с Чрезвычайным комиссаром Степного края и местными совдепами»[2].

Надо полагать, что это постановление и послужило основанием для того, чтобы Высший Военный Совет республики 4 августа 1918 года учредил отдел по формированию киргизских воинских частей. Его заведующим был назначен М. Тупганчин.

А 1—10 сентября в Урде, в бывшей Ханской ставке, состоялся II съезд Советов Букеевской области, на котором было принято решение о создании воинских национальных частей для защиты Советской власти от посягательств чехословацко-белогвардейско-казачьих банд.

Об этом свидетельствует выписка из протокола этого съезда:

«Заслушав доклад Военного комиссара товарища Тупганчина о предполагаемом формировании киргизских воинских частей, Общекиргизский съезд Советов Букеевской орды, учитывая важность переживаемого момента, приветствует это начинание, одобряет его начало, душой присоединяется к его проекту, и со своей стороны члены съезда приложат все усилия к тому, дабы начинаемое дело вылилось в твердую реальную форму и закладываемый кирпич послужил бы незыблемым началом фунда-

---

[1] ЦГА СА, ф. 1318, 0.1, ед. хр., л. 86.
[2] ЦГА ОРСС ф. 1318, 0-1, ед. хр. 2 л. 12.

мента, на котором расцвела бы жизнь трудового народа.

Для осуществления и проведения в жизнь идеи создания Киргизской воинской части съезд вполне одобряет ведение агитации и в лице выборных членов из киргиз сам примет участие в добровольной вербовке молодых киргиз в ряды Первого в Букеевской орде Киргизского кавалерийского полка»[1].

Сразу же после съезда в Урде был создан агитационно-вербовочный отдел, главной задачей которого было привлечение добровольцев в ряды Красной Армии. Первыми активистами, членами отдела стали Бисен Джаникешев, Нурсултан Бекетов, Амиргали Менешев и мой однокашник и друг Хамид Чурин. Не надо объяснять, как им было трудно начинать новое в совершенно непривычных условиях.

Вскоре по предложению Чрезвычайного комиссара Степного края Алиби Джангильдина в Урде было решено организовать Казахский комиссариат по военным делам во главе с членом ВЦИК, заведующим казахским отделом Наркомнаца РСФСР Мухамедьяров Тунганчиным, которого он охарактеризовал, как человека, «пользующегося широкой популярностью среди населения, поборника интересов трудящихся масс». Спустя несколько дней приказом по войскам Восточного фронта военкому Тунганчину вменялось: «приступить к формированию единого шестиэскадронного Киргизского образцового конного полка исключительно из киргиз и добровольцев». Молодые казахи шли группами, буквально целыми аулами за 300—400 километров, чтобы записаться в этот полк добровольцами. Случалось, что некоторые из них не проходили по состоянию здоровья, по возрасту, но это не останавливало их. Расположившись у своих родственников, они ежедневно осаждали комиссию своими просьбами. В конечном счете их упорство вознаграждалось, и позже они, став курсантами полка, выходили в число передовых бойцов.

Учитывая все возрастающее число добровольцев в середине 1918 года, Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение о формировании в Урде Первого образцового советского казахского кавалерийского полка.

В информационной сводке Народного комиссариата по делам национальностей от 30 сентября 1918 года говори-

---

[1] ЦГА ОРСС, ф. 1318, 0.1, ед. хр. 44, л. 27.

лось: «... из Ханской ставки сообщают, что запись добровольцев в формирующийся киргизский кавалерийский полк идет весьма успешно. До сих пор записалось 600 человек». Газета «Правда» от 7 февраля 1919 года по этому поводу писала: «Несмотря на голод в Букеевской степи и усиленную агитацию белогвардейцев против Советской власти, несмотря на тяжелое положение, организация красного добровольческого полка идет успешно. За две недели записалось 1000 добровольцев».

Один из добровольцев того периода, член партии с 1925 года, Нигмет Куаншалиев позже вспоминал о том времени так: «Весть о том, что в Урде формируется казахский кавалерийский полк разлетелась быстро по степи. В то время мне было 15 лет, и я батрачил у бая Сергазы Тлеубергенова. Жажда борьбы за новую народную власть, которая дарует трудящимся свободу, равенство, ликвидацию эксплуатации человека человеком, не давала мне покоя. А когда я узнал, что в полк записался мой старший брат Кабдунгали, то, бросив ночью отару бая в степи, я подался в Урду. Но приемная комиссия забраковала меня из-за возраста. Оставалось только одно — просить о помощи Бисена Джаникешева. Услышав мою историю и поняв, что у меня нет обратной дороги, он сперва весело рассмеялся над тем, как я жестоко поступил с байским скотом, а затем сказал, обращаясь ко всем: «Раз он бая Сергазы не боится, значит, будет настоящим бойцом». И Бисен рассказал мне о службе в Красной Армии, ее отличии от царской. По его рекомендации я был принят в полк».

Бисен Джаникешев был назначен комиссаром в наш полк в июле 1918 года. Этот смуглый, выдержанный, крепко сбитый человек мужественного вида с первого взгляда привлекал к себе внимание прежде всего обаятельной улыбкой. Между тем не было человека более собранного, дисциплинированного, верного своему слову. Подкупало и то, что он мог пошутить, ободрить, а то и просто по-товарищески пожурить. Мне кажется, не было в полку бойца, который бы не доверял ему, не уважал его. Каждый шел к нему со своей болью, со своей мечтой. Не раз я видел, как он обсуждал дела с инструкторами полка Утегалием Шакибаевым, Баймурзой Кармековым, Мураткали Бактыбаевым, Жумабаем Сапаргалиевым, в замешаниях и советах его не...

превосходства, не было менторского тона — со всеми он был на равных.

Помню отчетливо день, когда он впервые собрал джигитов-курсантов на беседу. Мы знали из рассказов товарищей, что это человек простой, общительный, остроумный, но шли на встречу с особым волнением: про него в народе ходили легенды. Но когда откровенно и задушевно зазвучал его звонкий голос, все будто забыли о его исключительности, прониклись к нему неизъяснимым чувством преданности; кто-то, облокотившись о приступок сцены, не сводил завороженных и загоревшихся глаз, кто-то громко поддакивал ему при каждом его выводе, безоговорочно соглашаясь, твердо веря каждому его слову, кто-то почесывал затылок в горестной задумчивости. Бисен Джаникешев сразу же, с первых слов стал пояснять всю сложность обстановки, сложившейся на Уральском фронте. Выходило, что белые не так уж и обескровлены, чтобы за здорово живешь сложить оружие. Более того, они лелеяли надежды, причем не без оснований, взять в мощные тиски Уральск и, укрепившись там с помощью уральских казаков и кулаков, теребить и разрушать мало-помалу оборону красных на других участках. «Вы прекрасно понимаете, товарищи,— говорил он горячо, взволнованно,— что оттого, как вы обучитесь военному делу и когда, в какой час выступите на подмогу своим братьям, в не меньшей мере зависит судьба фронта, судьба революции. Потому что сейчас важен каждый боец, каждый кавалерист. Время не ждет, время зовет.

И еще, товарищи. Нужно усилить бдительность. Все, наверное, слышали, что из нашей школы в лагерь контрреволюционеров перебежало несколько курсантов. Предателям не должно быть пощады. Где бы они ни находились — возмездие настигнет их. Недаром в народе говорят: «Не плюй на народ — слюны не хватит, а если он плюнет на тебя — захлебнешься».

В заключение беседы он пожелал всем курсантам успешного окончания школы и скорейшего выступления на фронт в качестве красных командиров. Нелегко сложилась жизнь этого человека. В юности он батрачил и тогда же стал известен в народе, как талантливый акын-импровизатор, гневно бичующий в своих сочинениях пороки власть имущих. Стихи и песни Бисена про жадных и ненасытных баев, коварных мулл и продажных чиновников

мгновенно подхватывались и разносились по степи. И богачи за это жестоко преследовали его.

Характер его был непреклонен и свободолюбив, и хотя он родился в семье бедняка-шаруа, с большим трудом он все же попал на обучение в Уфимское медресе. Но не богослужение было заветной мечтой Бисена; он всей душой желал, чтобы образование, грамота стали доступны всем беднякам и батракам. И кем бы он ни работал — частным мугалимом, обучающим детей бедняков, уполномоченным Кирвоенкомата, политкомиссаром Первого советского казахского образцового кавалерийского полка, он, не считаясь ни с чем: трудностями, нехваткой времени, вел разъяснительную, политико-воспитательную и педагогическую работу.

Но главной целью его жизни была борьба за торжество социалистической революции, за Советскую власть.

Бисенгали Джаңикешев был неподкупно честен, принципиален и бесконечно предан Советской власти. И позже, когда неожиданно обнаружилось засилье «военспецов», т. е. бывших офицеров старой царской армии в Киргизском (Казахском) комиссариате по военным делам и в Первом советском казахском образцовом кавполку, их разлагающее влияние на курсантов-джигитов, по просьбе Бисена Джаникешева из местных коммунистов и комсомольцев была организована группа агитаторов, которую возглавил сам Бисен. Они развернули большую воспитательную работу: ежедневно проводили политические беседы, создавали во взводах кружки по изучению русского языка. Вместе с тем Джаникешев с товарищами сидел ночами над переводами на казахский язык основных положений, воинского устава, важнейших боевых приказов. «Эх, если бы каждого бойца обучить русскому языку»,— временами сетовал он. И вскоре позиции «военспецов» были расшатаны, и в неизмеримо короткий срок политический и культурный уровень курсантов-джигитов значительно возрос.

Трудно было в ту пору найти в Букеевской степи человека, который бы не знал о Бисене Джаникешеве, об этом отважном и энергичном комиссаре Первого советского казахского образцового кавалерийского полка, незаурядном акыне-импровизаторе, пламенном ораторе, просветителе и педагоге. Поэтому понятно, что испытывали мы, когда нам объявили, что выступит Бисен Джаникешев.

Занятия шли своим чередом, как, вдруг однажды пронесся по Урде слух: «Будет Куйбышев!». Будет сам Валериан Владимирович Куйбышев! Об этом видном государственном деятеле, члене Реввоенсовета IV армии Восточного фронта мы слышали много интересного, особенно о его хорошем знании Казахстана и казахского народа, местных обычаев и традиций. Нам он представлялся добрейшим человеком, прямым, откровенным, очень эрудированным большевиком. Такой портрет возник из рассказов людей, видевших его и говоривших с ним. И действительно, не оттягивая ни на день, он сразу же по приезде направился в казармы нашего полка, затем побывал в эскадронах, интересуясь ходом подготовки бойцов, соблюдением ими воинской дисциплины. В первую очередь и больше всего его занимало настроение курсантов, их нацеленность на боевые действия. Надо сказать, что он остался доволен проверкой. Простота его обращения с бойцами была удивительна, после его посещения у многих в душе возникла непоколебимая уверенность в победе Советской власти. Ведь Валериан Владимирович о сложных политических вещах говорил просто, доступным вчерашнему пастуху, скотоводу, батраку и крестьянину языком, а когда видел, что собеседник недопонимает, он переходил на язык образов, которые в душе каждого казаха были воспитаны необъятностью и поэтичностью степи, мудростью гор, неописуемой красотой бесчисленных озер.

На следующий день Куйбышев провел совещание с командованием Киргизского комиссариата по военным делам и Первого советского образцового киргизского конного полка, а также с руководством исполкома рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Букеевской области. Он страстно говорил о том, что в час, когда наша Родина оказалась в кольце врагов, требуются смелые, решительные действия всех бойцов, в том числе воинских формирований различных национальностей. «Сейчас решается судьба нашей молодой республики, выдержим, передюжим сейчас, завтра они уже не смогут преодолеть нас, ибо мы сильны тем, что с нами народ»,— эти его слова были восприняты курсантами с особенным вниманием. Валериан Владимирович в тот же день отдал указание об отправке нашего полка на Уральский фронт. 15 августа 1919 года полк в форсированном темпе продвинулся к железнодорожной станции Александров Гай и занял там

исходные позиции. В этой полосе проходила западная оконечность Уральского фронта.

Пристально следил за боеготовностью и действиями полка член Реввоенсовета IV армии Сергей Миронович Киров, который считал, что полк хорошо прикрывает тыл 11-й армии, бывшей в его распоряжении, и даже он както раз направил в Урду коммуниста Кукушкина для ведения в полку политико-воспитательной работы.

Когда меня приняли в полк, в нем только и было разговоров, что о легендарном «степном комиссаре» Алиби Джангильдине. Возвращаясь после выполнения особого задания, он посетил полк. Из уст в уста передавались рассказы, местами сдобренные вымыслом, но в сути своей верно передававшие все тяготы, выпавшие на долю «красного каравана», ведомого Джангильдиным через Астрахань, полуостров Бузачи, местечки Ак-Тау, Кара-Тау, ущелья Моинты и Усть-Юрт к местечку Кошкар-Ата, где в сильнейшем нетерпении его поджидали делегации Оренбургского фронта во главе с Георгием Коростелевым и Туркестанского фронта во главе с Сальниковым. Сказывали люди, что, встретившись на месте, и караван и делегации фронтов направились в штаб Актюбинского фронта, находившийся тогда на станции Яйсан, между Актюбой и Илецком. Там и произошло распределение привезенного оружия и боеприпасов. Львиная доля досталась Оренбургскому фронту, меньшая часть — Туркестанскому.

А через несколько дней по степи промчалась весть о переходе в наступление войск Оренбургского и Туркестанского фронтов, о разгроме белоказачьих банд, освобождении Оренбурга, снятии осады с Уральска. Джангильдин же был верен себе: помогал в тургайских степях трудящимся восстанавливать Советскую власть. После этого он проездом остановился в Урде. В нашем полку было около пятидесяти красногвардейцев, которых «степной комиссар» оставил для укрепления полка. Добровольцы все прибывали, вместе с тем, выяснилось, что некоторые эскадроны будут недоукомплектованы. Земля, как говорится, слухом полнится, и вот весть, что в центральных промышленных районах России объявлена мобилизация, дошла до Урды и вызвала цепную реакцию. 2 мая 1919 года был объявлен приказ Военного комиссара Тунганчина о всеобщей мобилизации киргизов (казахов) Букеевской орды. Это насторожило белых, побудило их к активным действиям. Наша разведка донесла, что их

части приближаются к Урде. Срочно были приняты меры: на случай тревоги выделялось дежурное подразделение в составе полуэскадрона, отменялись отпуска, участились учебные стрельбы.

Наряду с тем, что часть полка то и дело принимала участие в боевых операциях, обучение курсантов шло своим ходом.

Вскоре неописуемая радость воцарилась в Урде: пришла весть о присуждении полку Боевого Красного Знамени ВЦИК РСФСР за боевые заслуги в борьбе с врагами революции. Церемония награждения состоялась во время работы III съезда Советов Букеевской области, который проходил в июне 1919 года. Знамя по поручению правительства Советской республики вручал видный партийный и государственный деятель Нариман Нариманов.

В день открытия съезда полк участвовал в параде, на котором присутствовали делегаты.

Как позже мне рассказывали друзья, их загодя предупредили, что чести участвовать на параде будут удостоены только участники боев, самые прилежные джигиты и хорошие строевики. Многие из них втайне мечтали, что станут обладателями новой парадной формы — красивой черкески с красным башлыком, круглой шапки из черного каракуля с цветным верхом, поясного ремня и сверкающих хромовых сапожек. Это побуждало их с еще большим рвением заниматься строевой подготовкой, учебными дисциплинами.

И вот в одно сияющее июньское утро перед делегатами появились красные конники в красивой форме, гарцуя на рысаках. Их встретила шумная овация. Как позже писала газета «Дурыстык жолы» («Путь правды», 1919, № 10): «Когда перед делегатами съезда предстали искрящиеся молодостью и отвагой — дети степи — с винтовками за плечами и обнаженными шашками в безукоризненном строю, казалось, что страх и муки, пережитые народом прежде, отошли навсегда в прошлое».

Так народ приветствовал первых своих конников, бойцов уже регулярных воинских формирований.

Создание эскадронов, полков, бригад шло тогда по всему Казахстану. В ноябре 1919 года Киргизский (Казахский) краевой комиссариат приступил к формированию пяти киргизских кавалерийских эскадронов. Кроме того, командующий Туркфронтом приказал ему сформировать киргизскую кавалерийскую бригаду, а в апреле 1920

года — киргизский полк туркестанского направления. Сформированные части нуждались в командирах и административных работниках. В связи с этим была проведена мобилизация командного состава и медицинских работников в Актюбинском, Темирском, Иргизском, Кустанайском уездах, а также на территориях Букеевского областного и Волго-Каспийского уездного военкоматов.

Мобилизация дала 300 командиров, но это не могло в полной мере обеспечить все потребности новых частей. Помогли партийные организации, и формирование частей продолжалось. Были организованы казахские кавалерийские полки в Кустанае и Омске. В Семиречье в конце 1919 года начал создаваться казахский кавалерийский полк, а в январе 1920-го — Отдельная киргизская (казахская) конная бригада.

Что и говорить, в молодости даже внешнее, несущественное играет свою роль, волнует, захватывает, увлекает. Так и меня необыкновенно поразила парадная форма курсанта-джигита. Когда и я облачился в темно-синюю черкеску, красный башлык, папаху из черного каракуля с красным верхом, хромовые сапоги, сердце ошалело подпрыгнуло в груди, хотелось петь, танцевать. Друзья мои тоже не могли сдержать своих чувств: так это было долгожданно и красиво. И вскоре в хороводе сияющих лиц блеснул кто-то белозубой улыбкой и пошел вприсядку... Не успели мы вдоволь налюбоваться своей одеждой (нам выдали и повседневную форму), как на подступе была другая радость — оружие. Мне достались: длинная винтовка иностранного образца, шашка и пика.

Начались занятия, и как того требовало напряженное время, быстрыми темпами. Изо дня в день мы учились политграмоте, строевой подготовке, ружейным приемам, верховой езде с рубкой и преодолением препятствий, стрельбе лежа и с колена боевыми патронами, изучали материальную часть вооружения и ухаживали за ним.

Обучали нас тогда бывшие царские офицеры, добровольно перешедшие на сторону Советской власти. Среди них были прапорщики братья Ахмедгирей и Ахмедфаиз Тажетдиновы, Фатих Мусин, Геннадий Рождественский и другие.

Уже через неделю мы выполняли все обязанности джигита-курсанта — несли караульную и внутреннюю службу: стояли часовыми у порохового погреба, у Боевого Красного Знамени, охраняли склады боеприпасов, про-

довольствия, вещевого снабжения, сено и фураж, были дневальными и дежурными по казарме-юрте, кухне, конюшне.

Время было лихое: каждую минуту могли налететь белогвардейские банды, поэтому мы часто выезжали в степь в составе конного разъезда и производили разведку. Особое значение в полковой школе придавали уходу за конем: мы должны были по нескольку раз в день чистить животное, кормить, водить на водопой, убирать за ним и совершать на нем выездку.

Заместителем военного комиссара М. Тунганчина был Шаькат Бекмухамедов. Он неоднократно приезжал в полк и интересовался его подготовкой, присутствовал на тактических учениях, руководил нашими действиями. До сих пор я отчетливо помню, как захватила меня его речь перед личным составом полка. Это был страстный революционер, юрист по образованию, отличный оратор, умеющий зажечь бойцов и повести их на решительную схватку с врагами революции. Великолепно владея русским и казахским языками, он выступал пламенно, горячо и убедительно.

В ту пору в подчинении Киргизского комиссариата по военным делам были сформированные полностью Первый советский образцовый киргизский конный полк, Первая советская образцовая киргизская конная батарея, киргизская конная бригада под командованием Б. Каратаева, этапная команда при военном коменданте г. Урды, конно-верблюжья запасная команда и отряд добровольцев Тургайской области. При этом наш полк, имея в составе 4 эскадрона, 4 орудия и 8 пулеметов, занимал (как записывалось в оперсводке IV-й армии) «Восточный боевой участок Кирвоенкома»[1].

В оперативном отношении «Восточный боевой участок» охватывал пространство между Волгой и Уралом, связывая IV армию с XI-й Отдельной армией, Восточный и Южный фронты гражданской войны.

Первый советский образцовый казахский конный полк представлял собой грозную организованную силу, и белоказачьи войска были вынуждены далеко обходить Урду. Он вместе с другими казахскими воинскими частями препятствовал объединению войск генералов Толстова и Де-

---

[1] ЦГА СА ф. 184, 0.3, д. 115, л. 41.

никина, прочно удерживая Советскую власть в междуречье Волги и Урала.

Основная сила полка, ее костяк — четыре сабельных эскадрона — состояла из добровольцев, беспредельно преданных Советской власти, спаянных крепким боевым и революционным духом, безупречной воинской дисциплиной, хорошо подготовленных тактически, опытных кавалеристов. Недаром их в народе прозвали —«красные соколы». Под стать им были артиллеристы и пулеметчики, способные своими умелыми действиями склонить чашу весов в бою в нашу пользу.

В народе говорят: «В семье не без урода». Есть и другая поговорка: «Сокол парит в небе, ворон выискивает падаль, сова ждет ночи». 24 мая 1919 года весь полк всколыхнуло известие: к белым сбежал тайком временно исполняющий должность командующего полком Симанский со своими приспешниками. Не сговариваясь, собрались возле штаба возмущенные этим случаем бойцы. Друзья мне рассказывали: у каждого в душе царило смятение чувств. Никто не мог понять, взять в толк — как это могло произойти? Почему не углядели? Кое-кто считал, что снаряженная погоня все же настигнет предателей.

Но этот и другие отдельные случаи предательства бывших белогвардейских офицеров и курсантов объяснялись сложившейся обстановкой.

Характер того времени был таков, что жизнь неумолимо и спешно захлестывала, увлекала и уносила в свои крутые, бурные водовороты людей, совершенно разных как по социальному происхождению, так и по политическим убеждениям. Обострение событий, кипение страстей, яростное, непримиримое столкновение интересов очищало и выносило на гребень пену, сохраняя и уберегая существенное, главное, истинно народное и долговечное.

Как только было завершено формирование Первого кавполка, по приказу командующего Южной группой войск Восточного фронта М. В. Фрунзе, на его базе стали создавать казахскую двухполковую конную бригаду, которая в будущем должна была вырасти в казахскую конную дивизию. В этом же приказе отмечалось о необходимости докладывать о ходе формирований к 12 часам каждой пятницы.

Став командующим войсками Восточного фронта, Михаил Васильевич подтвердил свой приказ о сведении всех

казахских кавалерийских частей в Букеевской степи в казахскую конную дивизию.

Летом 1919 года произошел коренной перелом событий. Войска Восточного фронта, проведя ряд успешных наступательных операций против Колчака и Дутова, сняли блокаду Оренбурга, заняли Уфу, Челябинск. Началось освобождение Урала.

По всей стране пронеслась весть о героической борьбе трудящихся г. Уральска против белогвардейских полчищ. Уральск был до предела необходим белякам, так как находился на стыке фронтов. Как известно, в январе 1919 года по приказу Фрунзе части 22-ой николаевской стрелковой дивизии и Первой бригады 25-й стрелковой дивизии под командованием И. С. Кутякова в многодневных ожесточенных боях овладели Уральском. В городе под руководством члена Реввоенсовета IV армии Восточного фронта В. В. Куйбышева был создан областной революционный комитет. На Восточном фронте в ту пору обстоятельства складывались благоприятно для наших войск и потому часть войск с его Уральского участка была переброшена на подмогу нашим на другие фронты. Воспользовавшись этим положением, белоказачья армия генерала Толстова появилась у стен Уральска и начала его осаду. Но с 24 апреля по 11 июня 1919 года части 22-й николаевской стрелковой дивизии, рабочие отряды Уральска с небывалым упорством сдерживали натиск превосходящих сил врага. Все пути к городу были перекрыты беляками, голод и болезни стали союзниками осаждавших. Рассказывали люди, что некоторые бойцы, не считаясь с навалившимся напряжением, с тяжестью боев, делились своими пайками с детьми...

На помощь героическим защитникам Уральска спешили части Особой группы под командованием легендарного В. И. Чапаева. В течение недели они разгромили и обескровили белоказачью армию Толстова и, соединившись с уральцами, бросились преследовать разрозненные группы врага, отступившего на Лбищенск, Калмыковск, Гурьев. М. В. Фрунзе телеграфировал Ильичу: «Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город».

Учитывая создавшееся положение, 10 июля 1919 года Совет Народных Комиссаров РСФСР на своем заседании под председательством В. И. Ленина рассмотрел и утвердил проект «О Революционном комитете по управлению

Киргизским краем». В тот же день В. И. Ленин подписал декрет «О революционном комитете по управлению Киргизским краем». В составе военно-революционного комитета были утверждены С. С. Пестковский (председатель), А. Джангильдин, М. Тунганчин, С. Мендешев, В. Лукашев (члены).

В связи с этим Казахскому комиссариату по военным делам было предложено переехать в город Оренбург и перейти в распоряжение председателя Реввоенкома тов. Пестковского, а Первый советский образцовый казахский конный полк и Первую советскую образцовую конную батарею передать IV армии Уральского фронта.

Для охраны и сопровождения комиссариата был выделен 1-й Отдельный казахский кавалерийский эскадрон численностью в 213 сабель. Туда вошли и мы, джигиты-курсанты полковой школы. А полк и батарея под командованием инструктора для поручений при Инспекции кавалерии IV армии тов. П. И. Малинина в походном порядке выступили к месту сосредоточения и влились в состав легендарной 25-й Чапаевской дивизии, а позже не раз отличились в жестоких боях против войск генерала Толстова на Уральском фронте, в сражениях за Крым с войсками Врангеля на Южном фронте.

Казвоенкомат под охраной эскадрона выступил из Урды 20 августа 1919 года. Как сейчас помню: уходящая в даль с бирюзовой дымкой, необозримая, ровная степь, блеклое высокое небо с ватными обрывками облаков, всепроникающий жар полуденного солнца, громкий настойчивый перестук колес, недовольное пофыркивание лошадей, который день томившихся в неподвижности в вагонных клетках.

Двигались мы втихую от станции к станции. Вокруг не стихали бои. За полторы недели миновали Саратов, Пензу, Сызрань. Впереди был приволжский городок Самара. От этого города до Оренбурга пролегала прямая железнодорожная ветка.

Поезд то набирал скорость и бешено мчался, словно воспарив, вознесясь над затихшей землей, затерянный в темных осенних запредельностях, то настучавшись и нагремевшись вдоволь в чуткой ночной тишине, плавно, замедленно, исподволь выезжал на огромное, осиянное благостным светом пространство длиною в день. И тогда, как ни странно, забывалось обо всем: о том, что вокруг идут бои, что опасность ходит рядом, выжидая момент,

что на исходе отпущенный перед отъездом сухой паек, что тифозный дух пропитал разгоряченный воздух. Об этом почему-то забывалось и не думалось. В этом неисповедимость и парадоксальность жизни: в самые критические минуты приходит вот так разом, вдруг покой, безмятежность, какая-то остраненность. Образуется непонятный душе провал во времени и в пространстве.

Об опасности я не преувеличивал.

И хотя белых тогда погнали отовсюду, окрестная степь все еще бредила тишиной: по ней в безнадежной тоске и отчаянии колесили охвостья разбитых белых армий и, объединившись в банды, творили в селах и аулах разные бесчинства. Поэтому мы в пути принимали все меры предосторожности: усиливали охрану эшелона на остановках, рассредоточивали пулеметные точки.

До Оренбурга мы добрались без особых приключений, если не считать нескольких перестрелок с заблудившимися бандами. Припоминается небольшая станция, на которой мы простояли, казалось, целую вечность, когда где-то в стороне поднялись невероятный шум и стрельба, и состав разом тронулся с места, набирая скорость, и вскоре все мы в теплушке различили басовитый с хрипотцой голос: «А-а-аа! Стой, холера-а-ааа!» В одну секунду рядом завизжали пули, вызывая муторное, знобкое внутреннее чувство. Но, к счастью, мы успешно справились со всеми превратностями пути.

Город Оренбург в те дни жил все еще во власти волнений, вызванных недавними кровопролитными столкновениями красногвардейских отрядов Туркестанской армии и красных частей, пришедших с Поволжья, с войсками Колчака, атаманов Дутова и Толстова.

В городе и губернии обстановка оставалась тревожной, так как по всему Оренбуржью были рассеяны гнезда контрреволюции, время от времени в зависимости от момента выказывавшие свои ядовитые жала. Белые бандиты устраивали покушения на революционеров, уничтожали активистов, действуя исподтишка, тихой сапой. Разумеется, коварный враг — самый опасный враг. Случались факты, когда контрреволюционеры пробирались в советские учреждения, нанося удар неожиданно, вероломно, из-за угла.

Казвоенкомат расположился в Оренбурге в бывшем купеческом особняке, который имел такие большие комнаты, что с одного его угла было плохо слышно в другом.

Сразу же, с первых дней закипела работа, но в городе царили мороз, голод, тиф, что разумеется, отнимало у всех много времени, сил и возможностей.

Личный состав эскадрона был размещен в старых, плохо отапливаемых помещениях, служивших ранее казармой. Начались занятия, несение гарнизонной и внутренней службы. Одновременно с этим мы оборудовали и утепляли помещения, заготавливали впрок дрова.

Судьбе было угодно, чтобы я вновь совершил многодневный путь между Оренбургом и Урдой.

В то время помощник военкома Ш. Бекмухамедов находился в месячном отпуске по болезни. Как и следовало ожидать, обстоятельства сложились таким образом, что понадобилось его присутствие. 23 сентября мне вместе с бойцом Искендером Таминовым было приказано отправиться в Урду и доставить Бекмухамедову пакет с приказом о выезде в Оренбург.

Как только мы прибыли в Урду и доложили обо всем, Бекмухамедов необычайно заволновался, и не раз переспрашивал нас о делах, не глядя в бумагу. Затем успокоившись, взяв себя в руки, вызвал ординарца и распорядился: «На железодорожной станций Сайхин срочно организовать небольшой эшелон для отправки документов и остального имущества военкомата». На другой день был уточнен график движения, и эшелон из нескольких вагонов двинулся в путь. Шавкат Бекмухамедов, к слову сказать, сразу же начал отдавать распоряжения начальнику эшелона Н. Золотницкому. Меня поразило то, что он до тонкости знал все подстерегавшие нас опасности, точнее сказать, чрезвычайно хорошо знал, где железная дорога и все подступы к ней контролируются нашими, а где могут просочиться белые банды.

Итак. Две недели пути, сопряженного с риском быть прошитыми пулеметными очередями затаившихся белых, с бешеным, ошалелым перестуком разогнавшихся колес на прогонах между станциями, с мерзлым визгом тормозов и унылым ожиданием на полустанке просвета в маршруте. Две недели недосыпания и строгого неусыпного дежурства на остановках по охране эшелона. И можно понять, какое облегчение, какую величайшую радость испытали мы, когда в предутренних сизых сумерках впереди засветились огни Оренбурга.

Эшелон замедлил ход, и за окном поплыли пристан-

ционные строения того времени: низенькие, бревенчатые, черные от сажи и покосившиеся от времени бараки, в которых коротали свой век железнодорожники, несколько солидных домиков, занятых под разные конторы. Забелело и стало приближаться здание вокзала. На душе стало легко, весело от сознания выполненного долга, все мы даже не почувствовали того, что ночь прошла без сна.

По прибытии помощник военкома Ш. Бекмухамедов был откомандирован в распоряжение Ревкома Киргизского края, а я вернулся в свой эскадрон.

С первых же минут в казармах меня затормошили друзья, каждому хотелось узнать, как живется в родном краю, что изменилось, как живут родные. Около часа не иссякал круг друзей и земляков вокруг меня. Лишь только удовлетворив любопытство каждого из них, я в свою очередь принялся выпытывать новости. И прямо-таки ошалел от радости, услышав первую новость: многие из моих товарищей были направлены на обучение в Борисоглебские советские кавалерийские курсы командного состава красной конницы РККА, находившиеся в самом Оренбурге. При этом известии во мне ожила, всколыхнулась давняя мечта: хотелось стать красным командиром.

Уняв волнения, я, не откладывая, посоветовался с товарищами и подал рапорт своему командиру отделения с просьбой ходатайствовать о моем направлении на эти курсы. Не передать, с каким волнением я ожидал решения командования, мне думалось, что отказ обрек бы меня на горькую безысходность, подрубил бы крылья мечте.

Но на другой день, 21 ноября, я был уже совсем другой человек, ликованию моему не было предела. Однако, как выяснилось, радость моя была ранней, преждевременной, непрочной. Предстояло пройти еще мандатную комиссию, председателем которой был сам заместитель комиссара А. Смирнов, по слухам, человек прямой, не признающий неточностей.

И вот мы, двенадцать поступающих на курсы, ежась и подрагивая от морозной стужи, невидимыми, но осязаемыми холодными нитями проникающей изо всех щелей к нам, стоим в ожидании посреди пустующего просторного помещения с одной-единственной табуреткой. Вызывают по одному. Вот показался первый счастливец: голубые глаза его широко распахнуты и радостно сияют, русый чуб непослушно взметнулся над высоким лбом, он словно онемел, беспрестанно обнажая свою обаятельную улыбку.

Что и говорить: тогда для нас служба в кавалерии, тем более командирство, приравнивались по значению к современному восприятию освоения космоса.

Наконец дошла и моя очередь.

На заданные вопросы о социальном происхождении, особенностях текущего политического момента я ответил без запинки: мне чрезвычайно пригодились беседы о политике с Шавкатом Бекмухамедовым.

Помню, сердце колотилось гулко и часто, а уши заложило от волнения, когда председатель и члены комиссии поздравили меня с зачислением на курсы. Из нашего эскадрона вместе со мною поступил на курсы Хабир Букейханов. Тогда только двое из поступавших по неизвестным мне причинам не удостоились чести стать курсантами.

В тот же день мы прошли врачебный осмотр и оформили документы в учебной части, с воодушевлением облачились в курсантскую форму: брюки с синими кантами, шапку-ушанку, дубленный полушубок.

Начиналась новая, полная неизведанного, полоса в моей жизни.

Мы, новоиспеченные курсанты, с молодыми разгоряченными сердцами, с сильной верой в свою правоту, гордые от доверия, неистово, безоглядно торопились внести свой посильный вклад в дело защиты социалистического Отечества, создания и укрепления совершенно новой, построенной по ленинским принципам Красной Армии.

«РЕСПУБЛИКА ПУТЬ НАМ УКАЖЕТ...»

У нас в народе говорят: «Кто быстро ходит, дольше пройдет. У кого длиннее дорога, дольше и жизнь». Ни сном, ни духом не ведал я, что судьба горазда на крутые немыслимые выкрутасы, что может вот так, вдруг, неожиданно забросить меня в дальние края, о которых я ранее не слышал и не подозревал. Это позже, и плотью и духом подчинившись судьбе военного, привыкну к резким переменам, многократным переездам, но в ту пору... Оренбург был для меня, аульного парня, неизведанным материком, другим совершенно миром со своими законами, укладом, со своей психологией.

Не знаю, чем объяснить, но спустя годы я всегда, в наиболее тяжелую минуту, вспоминал тот ноябрьский Оренбург, те дикие студеные морозы, когда любая капля на лету превращалась в кусочек льда, те его широкие со степным размахом улицы с особняками, воинственно возвышающимися в центре, и низенькими, как бы вдавленными в землю, незавидными саманными домиками по окраинам, те курсантские годы, когда не всегда хватало продуктов, и порой жили впроголодь, и удивительное дело — это придавало мне силы, поднимало мне дух, жизненные трудности отступали, теряя свою весомость и значительность, и мне достаточно было небольшого усилия, чтобы преодолеть их...

Позже поэт Степан Щипачев, бывший в ту пору слушателем курсов, напишет со страстью и болью сердца:

Я помню тот год, тот ноябрь ледяной, тифозный,
Кавалерийскую школу, товарищей новых,
Что спали со мной на топчанах карантинных голых.

Борисоглебские кавкурсы размещались в помещении бывшего юнкерского училища — в Константиновских казармах инженерного ведомства, так это тогда называлось. По своей структуре курсы делились на две части. Первая, подготовительная, в которую я попал первым делом, состояла из новобранцев. В течение четырех месяцев нас обучали арифметике, русскому языку, географии, истории, природоведению, политграмоте, начальной тактике и топографии, стрелковому делу и уставам, а также другим предметам. Словом, всему тому, что было необходимо для успешного усвоения в дальнейшем бывшими рабочими и крестьянами предметов специального курса.

На ипподром или на стрельбище нам предстояло ехать чуть ли не через весь город. И мы при этом испытывали сложные раздвоенные чувства. С одной стороны, мы явственно ощущали, как цепенеют от злости и глумятся по поводу разгула в городе холода, голода и тифа местные заправилы: капиталисты, помещики, верхушка оренбургского казачества, как злобно и ядовито шипит из-за угла мелкобуржуазное мещанство, всем нутром не понимавшее и не принимавшее свершившийся надлом общественной жизни. Кроме ненависти и отвращения, они ничего не вызывали. С другой — как-то светлело на душе, и наплывала какая-то уверенность в цели и чистота, когда мы видели ликующие, загорающиеся огнем надежды и восторга глаза рабочих фабрик и заводов, других предприятий, которые видели в нас защитников, творцов новой светлой жизни.

Мы, курсанты, как-то сразу сроднились, и хотя нас было несколько сот человек, и мы подразделялись на три эскадрона, что-то кровное объединяло нас, тогда я не знал что, но чувствовал: у нас были единые цели, единые стремления. Начальником курсов был Аполлон Буевский, бывший артиллерист, отчаянной храбрости человек, а комиссаром — Николай Семенович Григорьев, бывший путиловский рабочий, участник штурма Зимнего, его вера в силу Советской власти, так мне думалось, была тверже кремня. Вместе с тем, как это бывает, от него веяло таким теплом, такой добротой, что он был для многих из нас ближе отца родного.

Из учителей мы отличали командира кавалерийского дивизиона Владимира Ивановича Келлера, лихого кавалериста, требовательного, и в то же время добросер-

дечного человека. Бывший царский офицер, он добровольно перешел на сторону Советской власти, вступил в большевистскую партию и стал готовить красных командиров. Он пользовался уважением и авторитетом у всех курсантов.

Как я уже упоминал, на курсы краскомов, как правило, старались отбирать без экзаменов наиболее подготовленных, грамотных, идейно стойких товарищей, обладающих широким кругозором и навыками кавалериста. Но однажды, во время собеседования с одним юношей-казахом, членам комиссии показалось, что он недостаточно подготовлен для учебы на курсах. Он не знал русского языка, с трудом ориентировался в политических вопросах. Однако этот парень оказался настолько решительным в своей мечте стать курсантом, что тотчас же после заседания комиссии обратился с жалобой к Келлеру. Тот, видя, как огорчен юноша, внимательно выслушал его сбивчивое, горячее объяснение и улыбнулся, когда парень сказал, что ему крайне необходимо учиться и стать командиром, что в ауле все ждут его подвигов. Владимир Иванович немедленно отправился на комиссию и яростно стал отстаивать кандидатуру юноши. Все с недоумением, смешанным с чувством родившегося интереса, стали слушать его. Келлер говорил: «Нельзя нам с одинаковой меркой подходить ко всем. Вот к нам пришел еще один человек из среды некогда угнетенного народа, пришел, чтобы стать грамотным и образованным красным командиром. Он жаждет учиться, тянется к знаниям, к свету. Отклоняя просьбу таких товарищей, мы забываем о главном — о том, что люди видят в лице большевиков защитников новой жизни для всех народов, и сами хотят стать такими же достойными борцами за народное счастье».

Впоследствии этот юноша стал одним из лучших курсантов, вырос в боевого, грамотного в военном отношении командира.

Владимир Иванович Келлер был очень тактичным и чутким человеком. О его благожелательном характере рассказывал мне известный поэт, мой друг и товарищ по курсам Щипачев. Степан Петрович не обладал хорошей музыкальной памятью и иногда путал сигналы горниста, по которым подавались соответствующие команды. И Келлер каждый раз терпеливо отзывал его в сторону и, обращаясь на «вы», без запальчивости и гнева мягко делал ему замечания.

Время было тогда неспокойное, и наше обучение военным дисциплинам шло форсированными темпами.

Мы занимались военной теорией, тактикой, строевой подготовкой, изучали фортификацию. Исключительное значение придавалось занятиям по верховой езде. Нас обучали стрельбе лежа и с колена, рубке шашкой, умению ухаживать за конем. Я, сын степняка, очень был удивлен, когда нам объявили название нового предмета «гиппология» («лошадеведение»). Кто бы мог подумать, что существует наука, изучающая все о лошади! Поэтому я с особенным жаром изучал все, что касалось лошади — анатомическое строение животного, его физиологию, болезни, гигиену, повадки, особенность его ковки.

Нередко нас снимали с занятий для хозяйственных работ. В основном мы распиливали дрова на заводе «Орлес», необходимые для растопки паровозов, в которых остро нуждались эшелоны с оружием и боеприпасами, застрявшие на пути к Актюбинску.

Утро. Синий рассвет. Широкие улицы в густых белых наметах снега. В прозрачной тишине раздается оглушительный многозвучный треск берез. Это верховой ветер озорничает.

Мы двумя командами в семьдесят пять человек бодрым строевым шагом направляемся к месту работ. Звенит, разливается песня. Редкие прохожие, в основном из рабочих, провожают нас улыбками одобрения. Через некоторое время песня затихла, ведь нам ежедневно приходилось преодолевать по восемь верст, но на душе уже легко, радостно, песня как бы зажгла костер в сердце, воспламенила чувства, вселила бодрость.

Придя на завод, мы делились на небольшие группы и споро принимались за работу. Обжигало лицо, коченели руки, ведь мороз под сорок градусов, а работать приходилось по 6—8 часов в день. Обогреваться было негде, нас горячила сама работа.

Проходило время, и к нам на замену приходил кадровый состав курсов во главе с руководством. Понятно, было несладко, многие из нас были непривычны к лютому морозу. Участились обморожения и простудные заболевания. Встревожившись этими случаями, руководство курсов приняло меры по их искоренению: командирам эскадронов было приказано тщательно проверить исправность обмундирования каждого курсанта и по мере необходи-

мости обеспечить его теплой одеждой. Вскоре это принесло ощутимые положительные результаты.

На оренбургских просторных улицах буйно и безраздельно властвовала метелица. Порывистый леденящий ветер срывал жесть с крыш домов, сдирал и уносил в мглистую бездну афиши, суматошно колотил в окна.

Казармы и учебные классы отапливались с перебоями, стылый морозный воздух бродил по комнатам. Зачастую температура в учебных помещениях доходила до 4—5 градусов мороза. Занимались, не снимая полушубков. Дрова для растопки заготавливались в лесу, в 25—30 километрах от города, и подвезти их было не на чем — обозные лошади и сани были все наперечет. Имеющийся запас дров использовался главным образом для кухонных надобностей и отопления санитарной части и лазарета.

Несмотря на эти трудности, воинская дисциплина курсантов была чрезвычайно высокой. «Дух курсантов истинно революционный, и каждый из них, не моргнув глазом, отдаст свою жизнь за Революцию»,— писал 26 февраля 1920 года в своем ежемесячном докладе комиссар Воробьев.

К нам часто на занятия приходили К. А. Авксентьевский — заместитель командующего Туркестанским фронтом, И. А. Акулов — председатель губкома партии, С. Мендешев и другие руководители Ревкома по управлению Киргизским (Казахским) краем. В те годы в стране проходили массовые общепартийные дискуссии, и они выступали перед личным составом курсов, разъясняя политику партии на текущий момент, подвергали уничтожающей критике всякого рода оппозиционеров. В своих пламенных революционных речах они призывали нас к стойкости в борьбе с врагами: белогвардейцами, интервентами, саботажниками и внутренней контрреволюцией.

И среди них был Мухамедхафий Мурзагалиев, пламенный революционер, талантливый организатор, ставший впоследствии председателем Совнаркома республики и представителем КАССР при Совете Народных Комиссаров РСФСР, с которым у меня сложилась долгая и крепкая дружба. Слушая его выступления перед курсантами Борисоглебских кавкурсов, я даже не мог предположить, что судьба сведет меня ближе с этим незаурядным человеком. Но случилось так, что меня как-то раз направили с поручением в Военно-революционный комитет по управлению Киргизским (Казахским) краем. Когда я без осо-

бых препятствий прошел в кабинет Мурзагалиева (тогда пропусков не было), у него шло какое-то важное совещание. Заметив меня, робко остановившегося возле двери, Мурзагалиев прервал беседу и подозвал меня к себе. «Вы, наверно, курсант,— сказал он негромко, но так, что слышали все и обернулись ко мне.— Вот скажите, как на духу, вы сами, по собственной воле решили стать военным? Или вас направили?..» Я без колебаний ответил, что решение стать красным командиром продиктовано моей давней мечтой. «Вот видите, товарищи,— сказал тогда Мурзагалиев, обращаясь уже ко всем,— пусть не сразу, пусть с трудом, но народ понял, что защита революции, защита власти народа — его личное, кровное дело. И наша задача — больше доверять вот таким пролетариям, обучать их военному делу по-настоящему, по-ленински».

Так вышло, что мой приход послужил для него утверждением какой-то идеи, против которой, вероятно, возникли возражения.

Эта встреча произвела на меня неизгладимое впечатление. Ведь я был наслышан о его страстной и непримиримой борьбе за счастье своего народа. Задолго до революции он вступил в кружок социал-демократов и вел большую агитационную работу среди рабочих и студентов г. Уральска. А когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, он повел принципиальную борьбу с «алашордынцами», которые сеяли межнациональную рознь, призывали казахов создать собственную «автономию». А в 1918 году в результате контрреволюционного мятежа он был брошен в Уральскую тюрьму. И только решительные удары частей 4-й армии Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе помешали белоказакам совершить над ним расправу. И вот этот человек, овеянный легендой, разговаривал со мной, вчерашним батраком, так просто и сердечно. Помнится, после того, как я выполнил поручение, он долго не отпускал меня, расспрашивая все обо мне, моих родителях. А когда он узнал, что мы земляки (он был родом из Джамбейты, села, расположенного неподалеку от моей родной Урды), он шутливо сказал: «Ну, что ж, воробушек, далеко пришлось нам улететь из родного гнезда?» Затем снова посерьезнел и стал наставлять меня: «Шакир, тебе надо упорно учиться, это твоя сейчас главнейшая задача. Нам так много надо сделать. Столько совершить перемен, что ты себе и не представляешь. И в первую очередь, настойчиво изучай

русский язык, язык пролетариев всех стран. А позже и сам убедишься, что я был прав, и начнешь лучше разбираться в политике партии в области военного строительства.»

Меня тогда крайне поразило то, что Хафий (как его называли друзья и близкие) просто и верно может дать безошибочную оценку любой самой сложной политической ситуации, верно определить достоинства и недостатки человека. И вместе с тем его отличала скромность и передающееся собеседнику ощущение внутренней силы и спокойствия. На нас, молодых курсантов, оказывали магическое воздействие его революционная страстность и непримиримость к врагам. Помню, я с большим восторгом воспринял весть о его назначении заместителем уполномоченного ВЧК по Казахстану и председателем Оренбургско-Тургайской чрезвычайной комиссии. Не было сомнений, что Мухамедхафий со всей революционной строгостью взыщет с врагов Советской власти.

Вторая наша встреча с Хафием произошла в 1922 году, когда я, как слушатель Военной академии РККА, докладывал Мурзагалиеву, бывшему в ту пору председателем Совета Народных Комиссаров КАССР, о моей учебе в этом высшем военном учебном заведении. Помню, завидев меня, он привстал из-за стола, за которым что-то писал, и дружески поздоровался со мной. Строгие черты его лица разгладились, умный, пытливый взгляд его обежал меня всего, губы его расплылись в улыбке. «Садись, рассказывай, как ты там постигаешь военную науку»,— проговорил он и приготовился слушать. Меня тогда бесконечно поразило то, что он, будучи первым руководителем республики, захлестнутый пучиной дел, мог так просто, непринужденно перейти от серьезной работы к беседе с человеком намного моложе себя. Он интересовался буквально всем: и тем, как нас кормят, учат, и тем, какие предметы мы изучаем, и тем, кто у нас преподает. А в заключение беседы он сказал: «Ну что ж, Шакир. Ты на верном пути. Заканчивай скорей академию и возвращайся. Республике очень нужны грамотные военные специалисты.»

А через год мы встретились в Москве, когда он был назначен представителем КАССР при Совете Народных Комиссаров РСФСР. Его квартира тогда превратилась в место встречи многонациональной казахстанской студенческой молодежи. Каждый шел к нему с просьбой или нуждой. И он доброжелательно выслушивал, а потом давал отеческие советы или оказывал материальную помощь.

А вечерами, случалось, кто-то брал в руки домбру, и ее заливистые, щемящие душу звуки разбегались по комнате. Одним из первых Хафий подхватывал своим красивого тембра голосом мелодию домбры, и вскоре нестройный хор голосов выводил слова старинной казахской песни. Он очень любил народное искусство, и особенно старинные казахские песни и кюи. А его самым любимым композитором был Курмангазы. «Он действительно бунтарь по крови,— сказал как-то Хафий,— слушая его кюи, ощущаешь, как в тебе зреет и крепнет сила ненависти ко всему антинародному, античеловеческому и одновременно рождается теплота к простому человеку, жажда оказания ему помощи».

Мухамедхафий Мурзагалиев вернулся в Казахстан в 1926 году и вновь вошел в состав правительства. Затем он был наркомом финансов республики, работал на ответственном посту в наркомате земледелия РСФСР.

Память, эта вечная подруга жизни и совести, вновь и вновь воскрешает неповторимый облик этого скромного и большого человека. И его яркая, удивительная судьба должна служить примером для многих поколений.

Не случайно руководители республики часто посещали курсантов. Курсы были верной опорой Советской власти, ее защитником. И как точно определил Степан Щипачев, Борисоглебские кавкурсы были гвардией Советской власти.

Мы в любое время суток организованно выступали на проведение операций по разгрому околоточных и заезжих банд, несли патрульную службу в городе, охраняли партийные, советские учреждения во время съездов и конференций, подавляли контрреволюционные мятежи.

Даже ночью мы не расставались с оружием. После отбоя каждый курсант обязательно проверял шашку и карабин и ставил возле своей койки. Редкую ночь мы спали спокойно.

В ту нашу красноармейскую юность горнисты пользовались всеобщим уважением. Ведь все трудности нашей боевой жизни были пронизаны серебристо-чистыми звуками горна.

Горнистом у нас был казах Омурзаев из хозвзвода. Не раз, будучи в наряде, мы были свидетелями того, как он трубил в горн, отрешившись от всего земного, будто уносился в своих мечтах к далеким голубоватым мерцающим

звездам и иным мирозданиям. Степан Щипачев посвятил ему такие строки:

Жесток в Оренбурге мороз в декабре,
и часто тревогу в ночах морозных
горнист Омурзаев трубил во дворе,
киргизским лицом,
запрокинувшись к звездам.

Его сигнал вырывал нас из теплых постелей, и, спешно оседлав коней, мы выезжали на очередную операцию.

А вскоре произошло событие, которое явилось строгой проверкой боевых и моральных качеств курсантов.

Сын кулака, бывший царский офицер Сапожков, проник в руководство красными кавалерийскими частями и мало-помалу организовал дивизию из лиц с сомнительным политическим прошлым. К нему собирались со всех краев степи всякого рода недобитки. Завладев обманом артиллерией и упорядочив свои силы, Сапожков вскоре открыто выступил против Советской власти. Это был удар исподтишка, удар в спину. Проанализировав сложившуюся обстановку, Военно-революционный совет Заволжского военного округа разработал операцию по срочной ликвидации мятежа. Подтягивались силы.

Особый боевой отряд Борсовкавкурсов вошел в оперативную группу под командованием командира дивизиона курсов Келлера, сформированную в Оренбурге для подавления мятежа Сапожкова.

Наши курсанты с честью вышли из испытания, группа Келлера в стремительном порыве разбила вдребезги большую часть группы Сапожкова. В ежемесячном докладе комиссара курсов Н. Григорьева говорилось, что было несколько случаев, когда курсанты атаковали в составе взвода эскадрон мятежников и обращали их в бегство. В ходе операции курсанты захватили 300 пленных, несколько орудий, 18 пулеметов, 500 винтовок, 910 пик, большое количество лошадей, повозок и других военных трофеев.

Курсанты не только проявили тогда образцовое мужество и отвагу, но и в тяжелых условиях не забывали о товарищеской взаимовыручке, войсковом братстве. К примеру, после боев они делились своим пятидневным сухим пайком с изголодавшимися красноармейцами, которые участвовали в подавлении мятежа. Наши передовые регулярные части тогда в погоне за бандами Сапожкова далеко ушли от своих полевых кухонь.

Стал широко известен героический подвиг курсанта

Гусмана Азербаева. В пылу боя он заметил бандитов, ошалело и отчаянно улепетывавших на тачанке, и, не раздумывая, пришпорил коня и помчался за ними. За несколько мгновений он настиг сапожковцев и в горячке зарубил всех их четырех, а пулеметную тачанку, запряженную тройкой лошадей, захватил в качестве трофея. Позже, когда все курсанты возвратились в Оренбург, мы интересовались у него: «Разве тебе не было страшно? Ведь пулемет?» Он, улыбаясь, отвечал: «Им было не до пулемета. Душа у них ушла в пятки от страха». За проявленную в бою храбрость Гусман Азербаев был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Этой же награды были удостоены преподаватели курсов Келлер, Селиванов и некоторые курсанты. Тогда в боях против Сапожкова отличились командиры и джигиты первого Отдельного киргизского (казахского) кавалерийского эскадрона: Н. Сейфуллин, В. Сварчевский, А. Струков, В. Комаров, И. Поляков, К. Надырбаев, А. Иманбаев.

Наши потери в боях против бандитов были незначительны: двое курсантов, которые бились до последнего патрона за пулеметом, были сражены пальными пулями, четверо раненых, доставленны в лазарет, и еще два курсанта погибли в начале боев.

Командование соединением, в которое входил Особый боевой отряд Борсовкавкурсов, дало высокую оценку стойким и решительным действиям курсантов.

По ходатайству командующего Заволжским военным округом за активное участие в подавлении «сапожковщины» Борисоглебские советские кавалерийские курсы командного состава красной конницы РККА 18 декабря 1920 года были награждены Почетным революционным Красным Знаменем.

Более подробно и ярко об участии курсантов в подавлении мятежа Сапожкова написал в своей книге «Записки министра» бывший министр финансов СССР А. Г. Зверев.

Но наша жизнь состояла не только из выездов на боевые операции. Выпадали и затишья, свободные деньки. Это время у нас уходило на ведение агитационной работы среди местного населения по разъяснению политики большевиков.

Время было смутное, события сыпались, словно град, и народу надо было многое объяснять.

Если выпадало время, мы устраивали в помещении

школы литературные вечера. Как-то раз группа местных литераторов организовала городской вечер. Народу собралось видимо-невидимо. Со сцены звучали стихи не только на русском, но и на казахском и татарском языках. Успех был полный. Восхищенные оренбуржцы рукоплескали долго и шумно.

На Борисоглебских кавалерийских курсах произошли наиболее важные, знаменательные события в моей жизни: 21 декабря 1919 года на партийном собрании под председательством товарища Чернака меня приняли в группу сочувствующих РКП(б), а через три месяца 19 марта 1920 года секретарь партбюро Степан Петрович Щипачев вручил мне билет члена Российской Коммунистической партии (большевиков). Кроме меня, приняли еще двадцать человек. Нас приняли со следующей формулировкой: «Находя, что нижепоименованные кандидаты уже достаточно подготовлены в политическом отношении и являются вполне достойными звания коммунистов, заседание постановило зачислить их действительными членами РКП(б)».

Тогда каждое партийное собрание заканчивалось пением «Интернационала», и вот когда нестройные голоса вывели первую фразу, и звуки песни вознеслись к высокому свежепобеленному потолку, ринулись к широким окнам, за которыми буйно ярилась весна в переливах света, слезы подступили к лицу, и мне стоило большого труда сдержать нахлынувшие чувства счастья и восторга.

В жизни каждого человека выпадают счастливые вехи, которые побуждают его к дальнейшей активной деятельности, к совершенствованию, дисциплинируя его, обнаруживая в нем новые недра, взрыв энергии, извлекая из глубин его души нерастраченные силы и чувства,— так было теперь со мной.

Нельзя выразить словами, какое я испытал счастье, став коммунистом! Теперь я занимался с еще большим усердием, и, когда в июне 1920 года начались выпускные экзамены, я успешно сдал их и был удостоен звания «красный командир — краском». Интересно познакомиться с приказом по Борисоглебским советским кавалерийским курсам красной конницы РККА от 30 июня 1920 года за № 180-а, который гласил: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, нижепоименованные курсанты Борисоглебских кавалерийских курсов производятся в «красные

командиры» красной конницы Рабоче-Крестьянской Красной Армии:

...28. Курсант Джексенбаев Шакир с отметкой «хорошо».

Сегодня Борисоглебские кавелерийские курсы, выпуская из своей среды красных командиров, выражают уверенность, что питомцы их, получившие должную подготовку, войдут в ряды Красной конницы и, высоко держа Красный штандарт, прославят своими подвигами и запишут золотыми буквами на страницах истории русской революции Борисоглебские кавалерийские курсы.

Поздравляя выпуск красных командиров с производством, Борисоглебские кавалерийские курсы искренне желают успеха в новой деятельности на благо народов всего мира и провозглашают в их честь громкое «ура».

Мне до боли памятен тот день, когда комиссар курсов Степан Щипачев вручил нам предписание выехать в войска на службу красными командирами.

Было ослепительно-белое утро, первозданная благостная тишина, и мы, безмерно возбужденные, охваченные ликованием выпускники курсов, с шумом и топотом высыпали в сад, утонувший в пряном густом аромате сирени и акации, и кинулись врассыпную по солнечным полянкам, по бесформенным теневым пятнам в слепом желании раствориться в непередаваемой гармонии чудного утра, впитать в себя все соки обуревавшей нас радости; спустя несколько мгновений в том же хмельно-радостном состоянии мы сбивались в кучи, надрывались, что-то настойчиво доказывая друг другу, безотчетно, не переставая, смеялись, и в те минуты нам хотелось, ох, как хотелось, чтобы день этот не кончался, длился вечно, пока мы живы.

Но прошел какой-нибудь час, и мы, словно отмахнувшись от наваждений, навеянных молодостью и ощущением красоты жизни, застыли все в торжественном строю, и лица наши были сосредоточенно серьезны, губы сурово сомкнуты, души обнажены и чутки к напутственным речам. Ибо каждому из нас стали предельно ясны сущность и правдивость слов наших старших товарищей, наших наставников; каждому из нас при этом привиделись в неумолимом размахе контуры будущих дел, горизонты требований жизни.

Потом был выпускной бал, слепила глаза отливающая блеском медь оркестра, нежные, тонкие, тягучие звуки вальса взмывали и плыли над нашими сияющими лица-

ми, над смущенными взглядами приглашенных девушек и уносили наши взбудораженные сердца в мир светлых мечтаний, в долгое трудное плавание по житейскому морю...

Многие выпускники Борисоглебских кавалерийских курсов позже стали видными военачальниками, выдающимися деятелями советской культуры, командирами производства.

А. Г. Зверев долгие годы занимал пост министра финансов СССР, стоял у истоков финансового дела у нас в стране. Курсант Селиванов, проявивший свои яркие бойцовские качества во время разгрома «сапожковщины», в период Великой Отечественной войны командовал 5-м гвардейским Донским кавалерийским корпусом, который отличился в широко известной Корсунь-Шевченковской операции. Еще один наш курсант Шевцов стал летчиком и за героические подвиги в боях за свободу Испании был удостоен звания Героя Советского Союза. Мой земляк Рамазан Курмангалиев дослужился до звания дивизионного комиссара.

В декабре 1941 года на фронте, в период жарких боев, я случайно встретился с бывшим командиром нашего взвода Леонидом Алтыновым. Он тогда командовал полком. Встреча была радостной, мы обнялись и стали расспрашивать друг друга о делах, о наших товарищах, но времени, к великому нашему сожалению, было чрезвычайно мало. Кавалеристов бросали в бой. После этого раза Алтынова я больше не видел.

Но самая славная доля досталась несомненно секретарю партбюро, временно исполнявшему должность комиссара Борсовкавкурсов, позже известному советскому поэту, автору многих поэтических и прозаических сборников, горячо воспринятых читателем, дважды лауреату Государственной премии СССР Степану Петровичу Щипачеву.

Уже тогда, невзирая на неимоверные трудности учебы, на непрестанные тревоги, он пробовал урывками писать стихи.

Бывало, мы долгими зимними вечерами старательно заучивали уставы и наставления по военным наукам, а он уединялся, усаживался где-нибудь в углу, в укромном месте, и что-то едва слышно и быстро шептал. Это удивляло непосвященных, но авторитет Степана Петровича на курсах был так высок и непререкаем, что никто не ос-

меливался подшутить над ним или обесславить его. Так он сочинял стихи.

Позже мы с ним подружились накрепко, он часто рассказывал мне о своих тайнах и планах. Необычайно интересно и увлекательно рассказывал он о своей работе в г. Пугачеве, когда он был председателем комячейки в отряде по борьбе с дезертирством. Рассказ он каждый раз сопровождал воспроизведением сцен и эпизодов в лицах. Например, когда он преображался в крестьянина, обманутого выспренными речами белобандитов и дезертировавшего из Красной Армии, сцена была до того правдива и комична, что все, кто при этом присутствовал, захлебывались от смеха.

В ту пору его неизменно угнетала одна забота: он хотел, чтобы его стихи прочитали и оценили люди, сведущие в поэзии. Узнав как-то, что в помещении пролеткульта собираются по вечерам местные литераторы, он стал усердно посещать эти собрания. Руководил группой поэт и прозаик Павел Заякин-Уральский, который позже погиб во время эпидемии тифа. Был там также Иван Батрак, человек, по словам Щипачева, писавший посредственные стихи; впоследствии он стал крупным инженером.

В этом кружке читались стихи, проза, происходил широкий обмен мнениями. В группе была талантливая молодежь, но многие из них погибли на фронтах гражданской войны, умерли от тифа.

Помнится, Степан Петрович приходил с этих встреч возбужденный и радостный, случалось, прямо с порога громко и с жаром декламировал свои стихи.

Вспоминаю его лицо, его горящие выразительные глаза, его негромкий голос — Степан Петрович тех лет, той поры — простой, искренний, задушевный, с речью, сбивающейся на стихи — оживают его книги о нашей кавшколе — «Селиванов», ««По тревоге», его стихи — «Сквозь время», «Курсанты», «Еланин», оживают его строки:

Республика путь нам укажет
Сквозь ветер, сквозь дым, сквозь года...
Курсантскую молодость нашу
Нам не забыть никогда,

— и горечь утраты невыразимой тяжестью бьет по сердцу — как много он значил для нас!

И когда на его похоронах мне предоставили слово от имени его товарищей по курсам, мне вспомнились его открытость, добросердечность, требовательность и прин-

циплинальность, его редкая способность радоваться всему, что утверждает в жизни светлое, доброе, народное.

По телеграмме ГУВУЗА (Главного управления по военным учебным заведениям) семь выпускников, в том числе и я, были направлены в распоряжение Киргизского (Казахского) краевого военного комиссариата. Все были выходцами из Букеевской области.

Я попал в Первый Киргизский (Казахский) кавалерийский дивизион. Тогда каждый кадровый командир был на особом счету. Меня сразу же назначили командиром взвода.

С первых же дней я явственно ощутил, что в воинской службе важны не только теоретические знания, но и практический опыт. Столкнувшись с трудностями, я осознал, какая большая ответственность ложится на командира. На него равняются все подчиненные, поверяя по нему все свои дела и поступки. Временами я приходил в замешательство: как поступить в том или ином случае, как найти оптимальное решение ситуации.

Жизнь подсказывала: необходимо учиться у старших товарищей. Перед глазами стояли образцы — командир дивизиона и командир эскадрона. На совещаниях, на строевых занятиях я приглядывался к ним, запоминал особенности их поведения с подчиненными, методы их работы. Наряду с этим я изучал характеры своих подчиненных, в первую очередь, командиров отделений, подолгу беседовал с каждым, проникаясь их заботами и нуждами. Теплые отношения у меня сложились со старослужащими, ведь они по существу составляли костяк взвода. В нашем подразделении установилась деловая и дружественная атмосфера, и когда к нам прибывали молодые воины, мы старались их сразу же вовлечь в круг наших интересов и задач. Вскоре наш взвод стал одним из лучших в эскадроне.

А вечерами я усиленно занимался, постигая основы политических наук, совершенствовал военные и технические знания.

Спустя месяц меня повысили в должности, назначили помощником командира эскадрона. Требования возросли, и мне теперь пришлось вкладывать все силы в боевую и политическую подготовку отстающих бойцов. Я проводил занятия по политподготовке, по стрельбе, выездке лошадей и т. д.

Не знаю отчего — то ли оттого, что время тогда мчалось

стремительно, страна наша переживала могучий подъем, ознаменованный переменами во всех сторонах жизни, то ли оттого, что каждый день воспринимался мною с радостной неповторимостью, я постоянно жил в предчувствии важных событий. Так бывает, когда путник преодолевает терпеливо перевал за перевалом, смутно веря, что за одним из взгорков его ожидает встреча с гостеприимным аулом. Но никак я не предполагал, что эти перемены будут связаны с учебой.

Случилось так, что 25 августа 1920 года в связи с набором слушателей в Академию Генерального штаба РККА Военно-революционный комитет по Управлению Казахским краем предложил мне и Хабиру Букейханову выехать в Москву для сдачи экзаменов. Вот поистине Советы — народная власть! Я, вчерашний сын животновода, фурщик-погонщик верблюдов, направлялся на учебу в столицу Союза, на учебу в высшем военном заведении страны!

Позже мне удастся отыскать документ, извещающий о нашем направлении на учебу в академию. Вот он:

«В Академию Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Военно-революционный комитет по управлению Киргизским краем настоящим рекомендует т. т. Джексенбаева Шакира и Букейханова Хабира в качестве слушателей Академии Генерального штаба.

Названные товарищи являются представителями зарождающейся молодой Киргизской Красной Армии, которая испытывает острую нужду в красных командирах, знающих военное дело и знакомых с киргизским языком и бытом киргизского народа.

Кирвоенревком просит принять во внимание то обстоятельство, что названные товарищи не имеют за собой практического боевого стажа лишь в силу исторических условий, в которые поставлен киргизский народ, лишенный знакомства с военным делом.

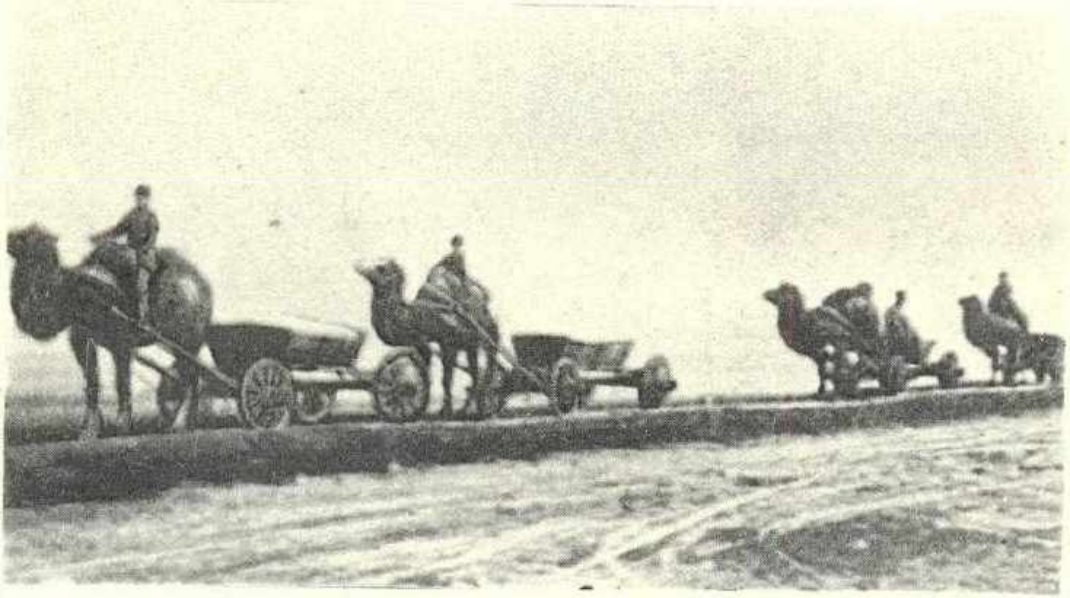
Кирвоенревком просит оказать т.т. Джексенбаеву и Букейханову полное содействие для их поступления в Академию.

Заместитель председателя Кирвоенревкома
Управляющий делами
Начальник общей канцелярии
№ 3395 25 августа 1920 года».

Москва... С детства у меня сложилось почтительное,

Отец Ш. Д. Джексенбаева
Айтали Джексенбаев

Шакир Джексенбаев с
матерью



«...тяжела была доля фурщиков-погонщиков верблюдов на соляных приисках»

М. В. Фрунзе с выпускниками Военной академии РККА.

чуть ли не благоговейное отношение к нашей столице. Из рассказов родных, знакомых, друзей, а позже из прочитанных книг, складывалось, становилось отчетливее и роднее лицо Москвы. И каждый раз непонятное волнение охватывало меня: звон ее курантов как бы приоткрывал завесу над всей нашей необъятной Родиной: светлым простором полей, густой непроходимой чащей лесов, красивой лазоревой степью, росистым блеском ее озер... Помню, как я ни на шаг не отставал от своего друга и одноаульника Хамида Чурина, когда он возвратился домой после учебы в столице. Мне было интересно все: и то, как называются улицы в Москве, и то, как проехать к Кремлю, но больше всего мне хотелось узнать, как же можно встретиться с нашим вождем В. И. Лениным. Да что там говорить, тогда, наверное, у каждого человека в мире неизбывно жило в сердце желание свидеться и поговорить с Владимиром Ильичом. И вот я еду в Москву...

За окном поезда монотонно и уныло тянулись необозримые оренбургские степи, в какой-то миг в купе забредал перемешанный с пылью запах полыни, и тогда становилось свежо и покойно (степь всегда почему-то вселяет в меня ощущение покоя, легкости и уравновешенности), вспоминались родные места, и верилось в хорошее, только в хорошее. А затем в августовском звоне проплыл обмелевший Урал (мне кажется, у каждой реки есть свой, особенный, неповторимый голос), замелькали перелески и березовые милые рощицы средней полосы России, и наконец, однажды в предрассветной мгле вдруг засветился и исчез, затем снова засветился и снова исчез слабый и небольшой в окружности огонек, и вот вскоре он стал расти, словно передавая свой свет окружающему воздуху, небу, земле, и весь горизонт уже полыхал огнем, как бы озаренный пламенем этого мелькнувшего в мглистой дали огонька; это был огромный, раскинувшийся с поистине русской широтой, город. Это была наша Москва.

Сойдя с поезда, утомленные долгой дорогой, мы все же не раздумывая, прямиком направились в постоянное представительство Революционного комитета по управлению Киргизским краем. Постпред Хусаин Бекентаев принял горячее участие в нашем благоустройстве. Нам предоставили место в общежитии, находившемся тогда на Плотниковом переулке в доме № 10. Есть что-то в названии переулка такое, что роднит его с Уральском, подумал я, когда нам огласили адрес. Затем вспомнил: «Плот-

ницкая, Пожарная, Стрельцова, Артиллерийская.— улицы в Уральске, там же и был Плотников переулок». Уральск — город старинный, с богатой историей, возрастом шагнул в четвертое столетие. В нем сохранились названия, которые слышали еще Пушкин и Даль, в свое время посетившие его.

Оставив вещевые мешки и шинели в общежитии, мы отправились в старое здание Академии, которое находилось на Воздвиженке, 6, отметились там, узнали расписание экзаменов.

На другой день, замирая от волнения, мы приступили к сдаче первого экзамена по политическому образованию, естественно, напряжение достигло апогея, когда нам объявили результат, и тихая радость объяла все мое существо — ответ зачтен! В тот же день мы прошли мандатную комиссию и медосмотр.

С первых же дней нас ознакомили с историей Академии. В ее создании огромную роль играл В. И. Ленин и его ближайшие соратники — Я. М. Свердлов и Н. И. Подвойский. Подумать только — им приходилось начинать все по-новому, ведь слушатели и преподаватели старой царской Николаевской академии отказались от сотрудничества с Советской властью.

О трудностях, связанных с созданием Академии, свидетельствует следующее письмо Н. И. Подвойского В. И. Ленину от 5 октября 1918 года:

«Владимир Ильич!

Я... стараюсь не потерять ни одного дня в организации Кр. Академии Генштаба... Трудно подбирать и обламывать профессоров. А еще труднее со слушателями: с фронта не возьмешь, в тылу не выберешь. Слушателей сопрячь в работе с генералами-профессорами будет неимоверно трудно. Вацетис не только субъективно, но и объективно за Академию. Помогает.

Когда сделать доклад об Академии и получить дальнейшие указания?»[1].

Академия Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии была первым в стране высшим военно-учебным заведением. В ту пору, когда мы были зачислены в нее слушателями, страна заживляла раны, нанесенные гражданской войной, и, словно земледелец, вернувшийся

---

[1] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма, ф. 146, оп. 1, д. 99, л. 2.

после долгой разлуки на поле, бралась за работу страстно, жадно, с великой охотой. Во всех отраслях жизни происходил коренной поворот к новому, хотя не всегда ровно и спокойно. Так было и в военном деле. И хотя занятия в академии шли своим ходом, но все еще состояние ее внутренней жизни и деятельности не соответствовало новым требованиям. Мало того, что трудности бытового характера: нехватка дров для топки помещений, недостаток обмундирования, эпидемия сыпняка затрудняли посещаемость академии; само обучение, его методика были поставлены из рук вон плохо. Не хватало учебников, не изучался опыт гражданской войны, академическая наука оторвалась от требований времени, уровень подготовки преподавателей был недостаточен. Обо всем этом писалось в докладе, который партийное бюро фракции академии направило в Центральный Комитет РКП(б) по случаю первой годовщины академии[1].

И хотя страна повернула к мирной созидательной жизни, вопросы подготовки военных кадров были чрезвычайно актуальны. Империалисты вынашивали новые планы вторжения в Советскую Россию.

Но уже явственно выказывались признаки поворота к новому, перестройки структуры и учебно-воспитательного процесса, а также изменение всего уклада жизни академии. Во многом это было связано с начальником академии Андреем Евгеньевичем Снесаревым. Генерал старой царской армии, он всей душой воспринял Советскую власть. Это был широкообразованный и высококультурный человек. Блестяще окончив математический факультет Московского университета и защитив диссертацию, он помимо того учился в Московской консерватории, с отличием завершил обучение в военном училище и Академии Генерального штаба, участвовал в ряде географических экспедиций, создал немало значительных военных, педагогических, географических трудов. Он также владел четырнадцатью языками, в том числе и восточными.

И когда на третий день нашего пребывания в Москве меня пригласили к нему на собеседование, я, так много наслышанный о нем, вошел в его кабинет с высоким, обрамленным лепным бордюром потолком и старинной мебелью, преисполненный некоторой робости, даже трепета. Но через минуту меня покинуло состояние скованности и

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 94, л. 224 об.

нерешительности. Между нами произошла продолжительная задушевная беседа. Тонкое интеллигентное лицо Снесарева с лихими гусарскими усами заметно оживилось; слегка наклонившись вперед и изучающе уставив свои ясные, в добром прищуре глаза на меня, он заинтересованно расспрашивал о том, из каких я краев, где учился, в каких участвовал боях. Когда я затруднялся с ответом (тогда я еще слабо владел русским языком), он переходил на казахский. По-отечески заботливо он вникал в мою личную жизнь, тактично указал на пробелы в моем командовании подразделением из-за недостатка практического опыта. В заключение он пожелал мне успешно сдать экзамены и стать грамотным, подготовленным командиром.

Учиться в академии было необычайно трудно, но мне на помощь всегда приходили товарищи по группе, преподаватели. И буквально каждый вечер уходил у меня на усвоение русского языка, изучение истории партии, военного дела, опыта гражданской войны.

Меня поражало то, что руководители учебных групп, бывшие генштабисты царской армии Б. И. Доливо-Добровольский, М. М. Загю, П. И. Ермолин были в постоянной «боеготовности», готовые в любую минуту подсказать, поправить, научить тому или иному делу.

Не раз бывало, П. И. Ермолин вызывал меня к себе домой и подолгу разбирал мои тактические прочеты, раздвигалась грань различий между преподавателем и слушателем, между вчерашним царским генералом и бывшим взводным Красной Армии, оставались только два заинтересованных лица, два военных человека, решающих тактическую задачу. Он приучал меня к аккуратности, точности, деловитости. Не впадая в амбицию, он говорил: «В военном деле не может быть мелочей. Ошибка даже на сантиметр в тактических расчетах на карте может стоить жизни сотне, а может быть,— и тысячи бойцов.

Но этого мало, командир должен мыслить всегда широко, масштабно. Он, по существу, обязан быть впередсмотрящим, на несколько шагов вперед угадывая будущее.

Другая сторона дела — дисциплина. Без нее невозможно добиться успеха в военном деле. Дисциплина в работе, дисциплина в быту — вот что важнее всего для командира».

Мы с Хабиром были самыми молодыми слушателями академии, и первое время нас провожали удивленными взглядами. Это было понятно: вместе с нами в академию поступили наиболее подготовленные командиры Красной Армии, за плечами у которых был опыт боев гражданской войны, долгие годы командирской работы. Коммунисты составляли 95 процентов от общего числа слушателей, из которых 20 процентов имели дооктябрьский партийный стаж. Поскольку гражданская война шла на убыль, армия получила возможность послать на учебу весь цвет своего командного состава. Причем подавляющее большинство из них прибыло в академию непосредственно с фронтов. У многих на груди сверкали ордена Красного Знамени, а некоторые новоиспеченные слушатели были награждены почетным именным оружием. Рядом с ними мы с Хабиром, которому только-только исполнилось девятнадцать лет, выглядели совсем неискушенными юнцами.

В академии я приобрел много друзей и товарищей. Одним из них был Никита Сергеевич Гридасов, в прошлом кадровый рабочий, не дрогнувший под пулями юнкеров в 1917-м, хладнокровие и смелость которого сыграли свою роль при подавлении кронштадтского мятежа. В гражданскую войну его отчаянные рейды в тыл беляков во главе разведчиков не раз решали исход важных операций наших войск. С ним нас познакомил его давний друг и сослуживец, военный комиссар Киргизского (Казахского) края Александр Авдеев, навестивший нас в декабре 1920 года. Долгие беседы с Никитой Сергеевичем способствовали повышению моей политической грамотности, углублению в изучение марксизма-ленинизма. Несказанно счастлив тот человек, который на пороге большой жизни встретит старшего товарища, верного друга, без прикрас, во всей наготе раскрывающего ему глаза на трудности и радости жизни. Мне кажется, у каждого Корчагина непременно должен быть свой Жухрай. Никита Сергеевич судил обо всем мягко и ненавязчиво, словно предоставляя возможность собеседнику самому поразмыслить о наболевших вопросах, направляя ход его мыслей в ту сторону, на которой была правда. Во многом благодаря Гридасову я в 1921 году успешно прошел чистку и проверку членов РКП(б), а через год — специальную проверку Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков), которую провели А. А. Анд-

реев, А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе.

Во время партийной чистки я по поручению комиссии по проверке вел организационно-разъяснительную работу среди слушателей академии комсомольцев и молодежи.

Академия...

Подготовившая за время своего существования десятки тысяч офицеров, идейно закаленных, преданных партии и советскому народу и обладающих знаниями на уровне последних достижений военной науки.

Академия...

Которую окончили многие видные военачальники, такие как Маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, П. Ф. Батицкий, С. С. Бирюзов, С. М. Буденный, Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, М. В. Захаров, И. С. Конев, П. К. Кошевой, В. Г. Куликов, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, В. Д. Соколовский, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, В. И. Чуйков.

Академия...

Около 700 питомцам которой за умелое управление войсками на полях сражений, мужество и героизм, проявленные при защите Родины, было присвоено звание Героя Советского Союза[1].

Академия...

Просторные светлые аудитории, в которых выступал с напутствием отъезжающим на фронт слушателям первого выпуска Владимир Ильич Ленин, в которых читали лекции по стратегии и тактике военного искусства, по важнейшим вопросам военной реформы в Советских Вооруженных Силах начальники академии, выдающиеся военачальники страны М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе и другие, где шел подробный разбор важнейших военных операций, сообщались и анализировались значительные международные события, выступали известные деятели пролетарской науки и культуры.

Тихие, умиротворенные залы-читальни, в которых мы постигали труды Маркса, Энгельса, Ленина и выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, знакомились с историей страны, военного дела,

---

[1] Сборник «Военная академия имени М. В. Фрунзе», М., Воениздат, 1980, стр. 6.

с классическими произведениями русской, советской и мировой литературы.

Актовый зал академии. Где происходили торжественные праздничные собрания, концерты мастеров искусств и командирские балы.

Военную академию РККА я окончил в 1924 году.

Удостоверение о высшем военном образовании вручал мне лично начальник академии, замечательный советский полководец Михаил Васильевич Фрунзе. В ту пору он являлся также заместителем председателя Реввоенсовета СССР и начальником штаба РККА. Никогда не изгладится в памяти день, когда Михаил Васильевич впервые выступил с лекцией перед личным составом академии. Подтянутый, ловкий в движениях, он с первых же минут производил на каждого человека впечатление организованности и четкости. И каждое его слово было отчеканено, взвешено, обладало большой проникновенностью и весомостью. В первом своем выступлении перед слушателями, а затем в статье «Вопросы высшего образования» Фрунзе остановился на анализе общего состояния Красной Армии, недостатков в ее боевой подготовке, указал на конкретные пути их устранения. Особое внимание он уделил первоочередным задачам академии в условиях претворения в жизнь военной реформы войск.

Академия...

Такое забыть невозможно; и позже, во время войны, в короткие передышки между боями, в развалинах какого-то полуразрушенного дома, в небольшом покойном пространстве среди неуемно бушующего пламени, в горьком дыму от бессчетных взрывов снарядов и мин, бывало, притулишься, весь закопченный, усталый до немоты, к обшарпанной, искореженной до неузнаваемости стене строения, вытрешь солоноватый пот, струящийся по лицу, и с грустной болью вспомнишь академию, ее тихие залы, лица верных товарищей...

«ЖЕЛТЫЙ НЕУКРОТИМЫЙ ЗМЕЙ»

После окончания Академии имени М. В. Фрунзе свой двухмесячный отпуск я провел в родных местах. Сердце безмерно ликовало и радовалось при виде того, как новое, народное, пролетарское глубоко и прочно вошло в жизнь казаха, не видевшего ранее на свете ничего, кроме пастушеской камчи, лома соледобытчика, кайла шахтера. И уж совсем непередаваемо ощущение полноты счастья при виде сказочно преобразившихся пейзажей родного края. Ранее из края в край тянулась унылая, однообразная и чужая для человека степь, где необузданно и лихо погуливали только пронзительный ветер, пылевой вихрь или беспощадный, жестокий буран, а теперь эта земля, будто ожила, придвинулась ближе к человеку, стала ему роднее. И он не смотрел теперь на нее, как пасынок. А всему причиной труд человека. Вокруг, словно зеленые маяки, раскинулись густые, с прохладной тенью, шатры березовых рощиц, гигантскими золотистыми коврами распростерлись поля пшеницы и ячменя. Революция сблизила людей, и эта близость была теснее, чем родство по крови. И думалось тогда: нет, наверно, в мире иного примера радости жизни, чем тот, когда вчерашний пастух или табунщик тихим росистым утром направляет коня на поле, на котором буйно колышется от прилетевшего ветерка взращенный им хлеб, и приходило убеждение, что для такого бывшего бедняка нет слаще и желанней музыки, чем пение плещущегося веера спелых колосьев.

Был знойный август, хлеба подошли, и все мужчины нашего аула были заняты на хлебоуборке. Мне было приятно подниматься чуть свет, и перекусив хлебом с мо-

локом, вдыхая утренний свежий воздух, спешить к полю, где всегда был кто-то из уважаемых аксакалов или карасакалов[1] аула. Поначалу я удивился этому: не мог я взять в толк, зачем это понадобилось старику ни свет ни заря одолевать пешком такой путь и затем дожидаться прибытия всех остальных? Но прошел один день, другой, и мне все стало понятно, вместе с тем какое-то жгучее чувство неловкости нахлынуло на меня, так что я неосознанно огляделся: никто не заметил моего состояния. Выяснилось: старейшины аула неспроста проделывали этот ритуал, эта, на первый взгляд, бессмысленная прогулка была под стать важнейшей ответственной миссии, освященной веками. Если раньше, в глубокую старину, старейшины аула благословляли батыров на решительный бой с врагами, то теперь они благословляли на ратный мирный труд. Я всегда до глубины души поражался мудрости народа: для каждого мига жизни простого человека уготовлен тот или иной ритуал, и неизменно в его сути лежит благословение добра.

Да, это надо впитать с тяжелым крестьянским трудом, от которого я всегда испытывал неизъяснимое наслаждение. Тогда использовали пароконную косилку, ходить за ней было нелегко даже мне, молодому, полному сил и энергии, приноровленному к тяжкому труду. Зато какая благодать, когда завершишь работу, усталый, запыленный вернешься домой и освежишься холодной водой из подземного источника, в сладкой истоме растянешься в густой, ароматной траве! С этими днями ничто не могло сравниться.

Так, поработав два месяца и оказав помощь престарелым родителям, я 8 октября 1924 года прибыл в 100-й стрелковый полк 34-й стрелковой дивизии Приволжского военного округа, куда меня направили после окончания академии. По прибытии в полк я представился командиру этой части Рослову, который почти целый вечер удерживал меня у себя, дотошно вызнавая все об академии, об оперативной и тактической подготовке слушателей. Это было понятно: кадровых командиров не хватало, и каждый был на особом счету. В конце беседы он объявил мне, что я назначен командиром 2-й стрелковой роты. В тот же день я познакомился с комиссаром полка Павловым, человеком очень добрым и тактичным. Он судил и спорил

[1] карасакал — чернобородый.

мягко, не навязывая никому своего мнения, это более всего и подкупало в нем.

Тогда полк дислоцировался в г. Уфе, Иглинской, Дмитриевской, Степановской, Булгаковской, Петровской волостях. А сформирован он был по территориальной системе: командный состав был постоянный, а личный состав в целом состоял из местных жителей.

В который раз я убеждался, что теория — это не совсем практика. В академии в последние годы под руководством Михаила Васильевича Фрунзе стали проводиться военные игры, максимально приближенные к боевым условиям. Познания, почерпнутые из таких игр, оказались просто золотым кладезем опыта для меня на первых порах. И сколько раз я вспоминал добрым словом Гридасова, за его советы, когда неизбежно оказывался перед обычной дилеммой по тактике. И зимняя подготовка командного состава, начавшаяся с 1 ноября, не застала меня врасплох: я был вооружен знанием методики и примерным планом проведения занятий по строевой, физической, стрелковой и тактической подготовке. Попутно с этим приходилось вести занятия с допризывниками. В напряженной работе проходили дни, и я мало-помалу приобрел друзей. Одним из них стал временно исполняющий обязанности военного комиссара полка и помощник комполка по строевой части Игнатий Григорьевич Шипица. Бывший унтер-офицер царской армии, он верой и правдой воспринял социалистическую революцию, затем стал красным командиром, а в годы Великой Отечественной — заместителем начальника штаба тыла 4-й ударной армии, командиром одной из частей Войска Польского. Игнатий Григорьевич был обычно немногословен, сдержан, отдавал распоряжения мягко, спокойно, это и придавало его словам весомость и значительность.

С первых же дней моей службы в 34-й стрелковой дивизии меня привлекли к активной партийной работе. А в январе 1925 года по предложению бюро парторганизации 100-го стрелкового полка я перешел непосредственно к партийной работе. Но в тот же год меня выдвинули на должность начальника учебной части Объединенной Военной школы имени ЦИК Казахской ССР. Было отрадно, что казахи, представители национальности, которая буквально в считанные годы вошла в колею общей воинской подготовки населения, сейчас имеют свою специальную школу, ведущую выучку командиров из лиц

коренной национальности. На меня, как человека этой же национальности, получившего высшее военное образование, это налагало особую ответственность. Надо было все приобретенные знания и опыт отдать молодым. Правда, через год меня назначили начальником строевого отдела Военного комиссариата Казахской АССР, и замыслы, связанные с передачей опыта, пришлось реализовывать на новом месте. В 1927 году я был удостоен, пожалуй, высшей почести — общественного доверия — меня избрали кандидатом в члены Центрального комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Казахской АССР. Вскоре пришлось распроститься с родной республикой — меня перевели начальником штаба 110-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа. Этот полк располагался в городе Новозыбкове Брянской области, который находился на стыке трех республик: РСФСР, Белорусской и Украинской. И сам город, и места, где мы проводили занятия и учения, утопали в зелени многовековых лесов. Для меня, коренного степняка, это казалось непостижимым. Меня завораживала волшебная зелень этих лесов, неотступно звала к себе, открывая с каждым разом неисчислимые таинства. Самый маленький гриб, найденный ненароком, походя, воспринимался мною как драгоценный подарок. Я искренне огорчался, когда обнаруживалось, что не все грибы, собранные мною, съедобны. Но больше лесов вызывали интерес местные жители: русские, украинцы, белорусы. С необыкновенной простотой, ненаигранной непринужденностью они выказывали свое добросердечие, дружеское понимание, гостеприимство и широту души. Порой, в гостях, мне чудилось, что я нахожусь в своей родной степи: так безыскусственно внимательны и чутки были хозяева к представителю другой национальности. И позже, во время войны, мне не раз приходила мысль: брянские леса так густо заселены партизанами потому, что вечен и неистребим закон жизни: кто умеет быть в высшей степени гуманным, человеколюбивым, тот не может смириться со злом, с политикой человеконенавистничества, с рабством, тот умеет бороться за чистое и доброе.

Об этой чудесной первозданной природе, об этих людях, верных дружбе народов, я задумывался всякий раз, когда возвращался с командировок и учений. Так было и

в один из августовских изумительных рассветов, когда я сидел за работой в своем «кабинете», маленькой комнатушке, которую делил на двоих с одним сослуживцем. Но внезапно мои размышления были прерваны резкой трелью телефона. Звонили из штаба дивизии. Первые фразы, произнесенные отрывисто и негромко, тотчас же насторожили меня. Начальник штаба дивизии предлагал мне срочно прибыть в дивизию для получения командировочного предписания в Главное управление кадров РККА и убытия в Москву. О цели командировки он и сам не имел ни малейшего понятия.

Через два дня я уже был в Москве. В ГУКе мне подобных собралось около пятидесяти человек. Общевойсковых командиров, таких как я, было 20 человек, остальные, как выяснилось из беседы, являлись представителями химических войск. Здесь я познакомился с Д. Е. Петуховым, командиром отдельного батальона противохимической обороны (ПХО). Установившиеся товарищеские отношения между нами позже переросли в узы крепкой мужской дружбы. В годы Великой Отечественной войны Д. Е. Петухов в звании генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта технических войск руководил химической службой ряда фронтов, в том числе и Сталинградского. Начиная с 1942 года, он в течение 20 лет являлся начальником Военной академии химической защиты.

Там же, в Главном управлении кадров РККА, случай свел меня с К. А. Ждановым, Михайловым, Н. Сувыриным и Гусаревым. С ними тоже у меня завязалась завтная долгая дружба. Гусарев вскоре возратился на общевойсковую работу и в Великую Отечественную командовал стрелковой дивизией, а Сувырин был начальником химического отдела 50-й армии.

Так, в ожидании, мы перезнакомились друг с другом и вели неторопливую беседу, когда к нам вышел представитель Управления кадров и без всяких вступлений объявил, что все мы вызваны для направления на курсы при Высшей военно-химической школе РККА для обучения специальности военного химика. Он добавил, что идет техническое переоснащение РККА и всемерная специализация родов войск, неотложно требуются специалисты. С места послышались реплики, что с этим делом мало кто знаком, и не лучше ли будет использовать всех в качестве общевойсковых командиров. Представитель управления сказал, что командование хорошо знает, что собрав-

шиеся зарекомендовали себя, как общевойсковые командиры с большим опытом работы, грамотны в тактическом и оперативном отношении. Этого требует и партия и правительство, которые, учитывая сложившуюся обстановку в мире, вынуждены уделять серьезное внимание созданию и развитию технических войск и подготовке квалифицированных специалистов для руководства ими.

Так вышло, что я в числе других стал осваивать новую специальность.

В сентябре 1930 года мы приступили к учебе на курсах.

Высшая военно-химическая школа РККА была создана в январе 1920 года на базе бывших Московских советских курсов военной газотехники. Главным назначением школы являлось обобщение опыта применения химических средств в первой мировой войне и использование его для развития военно-химического дела Красной Армии, а также подготовка специалистов для управления военно-химическими частями. Кроме того, школа готовила командный состав для подразделений противохимической (противогазовой) обороны. Для обеспечения учебного процесса и ведения научной работы школа имела хорошо оборудованные по тому времени лаборатории и кабинеты, библиотеку и учебно-показательный музей. В ней преподавали многие видные ученые специалисты страны, академики В. К. Аркадьев, Н. Д. Зелинский, Н. С. Курпаков, С. И. Скляренко, Н. А. Шилов и другие. Высшая военно-химическая школа представляла собой первое специальное военно-учебное заведение, готовившее специалистов высокой квалификации для химической службы Красной Армии. В то время ее начальником был В. Н. Баташов. Его заместителем по учебной части — А. Ф. Яковлев. И Баташов, и Яковлев являлись крупнейшими специалистами военно-химического дела. Именно они, при поддержке других специалистов, создавали химическую службу Красной Армии. Ими также были разработаны основы теории военно-химического дела, изложенные в «Сведениях по военно-химическому делу». Вместе с тем, это были чуткие и требовательные руководители, опытные преподаватели и воспитатели. Их всегда отличала присущая интеллигентам доброжелательность, снисходительность, обаяние. И эта их духовная незаурядность всегда служила примером для других.

В 1922—1925 годах В. Н. Баташов работал заведую-

щим химической обороны Советской республики. В конце 1925 года был назначен начальником инспекции химической подготовки Красной Армии.

Пример этих преподавателей, их добросовестность, нетерпимость к недостаткам всегда служили призывом к общим делам.

Не случайно многие бывшие слушатели школы, такие как А. Ф. Авроров, П. Г. Вершинин, Н. С. Губанов, А. С. Кубасов, Н. И. Озерский, Д. Е. Петухов, К. Н. Шальков и другие стали впоследствии крупными специалистами и руководителями химических войск и службы Советской Армии.

В военно-химической школе нам приходилось много работать, так как многое из того, что мы изучали, для нас было совершенно ново. Главной дисциплиной для нас считалось военно-химическое дело.

Поскольку в дальнейшем вся моя жизнь будет неразрывно связана с этой областью деятельности, то позволь, дорогой читатель, занять твое внимание подробным освещением предмета, содержания этой дисциплины, его истории.

История применения химических средств в боевых действиях уходит корнями в глубь веков.

Еще в войнах рабовладельческого и феодального обществ широко использовались как зажигательные средства: нефть, сера, асфальт, смола, так и дымовые: сено, сырое дерево, особый род тканей.

Память веков также доносит до нас свидетельства того, как жители многих русских городов, защищаясь от нападений чингисханских орд, прибегали к помощи воспламеняющихся средств.

В казахском народе до сих пор сохранились легенды, в которых дымовые и зажигательные средства называются «желтой неукротимой змеей». Поистине нареченная мудростью народа «желтой змеей» горячая смесь пришла к нам из глубины веков.

Но военно-химическое дело как таковое возникло и сложилось в ходе первой мировой войны 1914—1918 г. г. По существу оно было предназначено решить две проблемы: разработку способов боевого применения в военных действиях разнообразных химических веществ (газов и других отравляющих веществ) для уничтожения и понижения боеспособности живой силы противника, разработку и использование соответствующих средств

защиты от химических веществ, применяемых с боевой целью. Таким образом, военно-химическое дело состоит из двух самостоятельных по задачам, но тесно связанных между собой по технике и тактике частей: применения химических средств (химическое нападение) и противохимической обороны (химическая, противогазовая оборона). В то же время каждая из этих частей имеет свои особые средства, способы и тактику, а также различное значение для отдельных родов войск. Так, если средства химического нападения применялись в ходе первой мировой войны главным образом артиллерией и специальными химическими войсками, то противогазовая оборона организовывалась и проводилась всеми родами войск без исключения. В связи с этим в военно-химической школе основной удар делался на изучение вопросов противохимической обороны. Но поскольку эффективность защиты может быть достигнута только при ясном понимании средств, способов и тактики химического нападения, то нас знакомили и с этой частью военно-химического дела.

Как уже писалось, история применения химических средств уходит корнями в глубь веков.

Шли годы, и с развитием химической науки и химической промышленности при капитализме были созданы условия для массового производства отравляющих веществ.

Создание химических боевых средств правительства некоторых капиталистических государств пытались покрыть завесой тайны, однако сведения об этом просочились в печать. Пока еще мало кто представлял последствия химической войны, но каждый хорошо осознавал, что она — прямая угроза для жизни человечества.

Уже во второй половине XIX века предпринимались попытки предотвратить применение химических средств в войне.

О недопустимости применения оружия массового уничтожения говорилось в Санкт-Петербургской декларации 1868 года, декларации Брюссельской конференции 1874 года, а также в Гаагских конвенции и декларации соответственно 1899 и 1907 годов. Уместно здесь отметить, что представители США и Великобритании, активно на словах ратовавшие за конвенцию 1899 года, на деле ее не подписали, а представитель США не подписал и конвенцию 1907 года. Еще более по-тартюфски поступила кайзеровская Германия, подписавшая конвенции 1899 и 1907

годов о неприменении химических средств в войне, а затем первой пустившая в ход химическое оружие.

Под «химическим оружием» в годы первой мировой войны понимались средства, поражающие живой организм путем его отравления. Правда, вначале такие средства именовались «газами» (отсюда и «противогаз»).

Началом массового, неограниченного применения химических средств в бою принято считать 22 апреля 1915 года, то есть отсчет идет с того самого момента, когда немцы организовали первую газобаллонную атаку против англо-французских войск под Ипром. В тот день кайзеровцы выпустили на французские позиции из баллонов жидкий хлор (отсюда «газобаллонная атака» или «газ»). Атака «газом» проводилась на фронте длиной 6 км из 6000 баллонов, содержащих 180 тонн жидкого хлора. На флангах газовой атаки производился обстрел химическими снарядами. Потери англо-французских войск составили 15 000 человек, из которых скоропостижно скончалось 5 000 человек[1].

Этот факт вандализма германского командования вызвал огромное возмущение стран Антанты. Однако это возмущение было скоротечно, длилось всего пять месяцев, другими словами, ровно столько времени, сколько понадобилось англичанам, чтобы организовать в ответ свою первую газовую атаку. «Союзники, конечно, стали применять не только хлор, но и фосген, так как оба эти газа дешевы, удобны для применения и дают сильный эффект»,— писали английские историки[2].

Во многих исторических исследованиях буржуазных ученых причины использования отравляющих веществ в первой мировой войне сводятся к тому, что воюющие стороны не могли сыскать иного способа выхода из тупика позиционной войны, куда их завела ограниченность буржуазного военного искусства. Но это далеко не так. Анализ многих фактов свидетельствует, что истинные причины применения отравляющих веществ кроются в самой сущности империализма, в полную меру, но не так откровенно пользующегося иезуитским лозунгом «цель оправдывает средства». Даже буржуазные военные теоретики

---

[1] А. Н. Лазари. «Химическое оружие на фронтах первой мировой войны 1914—1918 гг.». М., Госвоениздат, 1935, с. 19, 24.

[2] А. Фрайск, К. Вест. «Химическая война». М., Госвоениздат, 1924, с. 25.

признавали этот факт. Например, В. Люфебюр писал: «Факты приводят нас к убеждению, что все открытые проявления активности в период химического наступления были плодом длительной подготовки в смысле единства идей и направления еще задолго до начала враждебных действий[1]. В самом деле, к началу войны во французской армии имелись ручные и ружейные газовые гранаты с раздражающими химическими веществами, предназначавшиеся для применения в ближнем бою[2]. Такая же заблаговременная подготовка к химической войне кайзеровской Германии позволила немецкой артиллерии уже 27 октября 1914 года при атаке Нев-Шапель применить три тысячи снарядов, заряженных солями дианизидина, производившими раздражающий эффект.

Жизнь учит, что наибольшее распространение подобные идеи человекоистребления получали и получают в политике и делах правящих кругов тех капиталистических держав, которые в силу объективных законов достигали наибольшего экономического, социального и политического развития, и, исходя из этого, брали на себя роль вершителей судеб человеческих». Особую античеловеческую сущность вышеупомянутый иезуитский лозунг приобрел в ту пору, когда замыслы империалистов достигнуть мирового господства, разгромить революционное движение и уничтожить социализм были в начальной прогрессирующей стадии. Так, в изданном в 1902 г. германским генеральным штабом руководстве «Военные обычаи в сухопутной войне» указывалось: «Дозволены все изобретенные современные технические средства, даже наиболее современные и опасные, убивающие неприятеля массами. Последние, достигая целей войны в кратчайшие сроки... должны быть признаны наиболее гуманными».

Здесь я позволю себе небольшое отступление от хронологии событий и забегу на пятнадцать лет вперед. Всем известно, что в августе 1945 года правящие круги США осуществили атомную бомбардировку городов Японии Хиросима и Нагасаки, хотя это не было вызвано военной обстановкой. Только ради того, чтобы припугнуть СССР своей мощью, и сделать его, как предполагали милитаристы США, более уступчивым в вопросах международ-

[1] В. Люфебюр. Загадка Рейна «Военный Вестник», М., 1926, с. 30.

[2] «Энциклопедический словарь гранат», М., Госиздат. «Красный пролетарий», 7-е изд. т. 46, с. 385.

ной политики, они пошли на это чудовищное преступление против человечества. Все вышесказанное свидетельствует о том, что средства массового уничтожения становятся неизменным спутником империалистической агрессии.

Но продолжу все по порядку.

Известно, что средства вооруженной борьбы, применяемые на войне, всегда зависели и зависят от состояния и развития экономики той или иной страны. Для того, чтобы применить то или иное оружие, его необходимо иметь в достаточном количестве. Сказанное полностью относится и к химическому оружию. Только в эпоху империализма могла получить широкое развитие химическая промышленность, и возникли условия для массового изготовления отравляющих веществ и применения их в военных целях.

Анализ показал, что все воюющие государства в ходе войны 1914—1918 годов произвели около 150 000 тонн отравляющих веществ, львиная доля которых приходится на Германию. В боевых целях было использовано 125 000 тонн. Потери от них составили 1 млн. человек отравленными и убитыми[1]. На протяжении всей войны велась непрерывная научная работа по изысканию новых видов отравляющих веществ и совершенствованию способов их боевого применения. Всего было испробовано свыше 50 различных отравляющих веществ, наиболее эффективными из которых оказались: фосген, дифосген, хлорпикрин, иприт, адамсит и другие. По своим физическим свойствам они различны: одни газообразны, другие — жидкие, третьи представляют собой твердые тела. Поэтому под названием «боевые газы» подразумевались любые химические средства поражения. В России их окрестили: «отравляющие вещества».

Способ поведения и воздействия разных отравляющих веществ был неодинаков. Один из них, например, хлор, фосген и некоторые другие вещества производили на человека удушающее воздействие, а синильная кислота, окись углерода вызывали мгновенное отравление организма, более слабые из них — хлорацетон, хлорпикрин, хотя и не приводили к летальному исходу, все же выводили людей из строя, вызывая у них обильное слезотечение.

---

[1] Большая советская энциклопедия. Третье издание, т. 19, с. 9.

Такие отравляющие вещества, как иприт, приводили к нарывным воспалениям кожи и сохраняли свои качества в течение многих дней, а то и недель. Удушающие, чихательные вещества, как, например, соединения мышьяка «арсины» по сравнению с другими веществами быстро теряли свои боевые свойства, но в больших концентрациях приводили к мгновенной смерти. Поэтому практика подсказывала, что от различных отравляющих веществ требуются различные средства, способы и техника защиты.

Что же касается способов применения отравляющих веществ, они зависели от целей и средств применения, боевых свойств ОВ и метеорологических условий. В первой мировой войне воюющими сторонами преследовались следующие цели: уничтожить или подавить живую силу противника, тем самым ослабив его боеспособность, это во-первых, а во-вторых, заражались определенные районы местности для того, чтобы заставить противника прибегнуть к средствам защиты, а значит, ослабить его оборону и противодействие. Эти цели достигались двумя способами. Первый заключался в том, чтобы при помощи ветра распространить выпущенный со своих позиций ядовитый дым на траншеи противника. Второй сводился к тому, что отравляющие вещества в твердом или жидком состоянии забрасывались в специальных оболочках в расположение противника, где они превращались в отравленное облако, туман или дым и заражали местность. Этого можно было добиться газометной стрельбой, артиллерийской химической стрельбой и метанием ручных химических гранат. При газобалонной атаке и при атаке облаком ядовитого дыма основное внимание уделялось позициям противника, а при дистанционных способах воздействия — пределу досягаемости артиллерийских средств.

Вот и все вкратце об основных вопросах военно-химического дела, обучение которому велось в школе.

Само собой разумеется: быстрое развитие средств и способов химического нападения в ходе первой мировой войны 1914—1918 годов поставило перед армиями воюющих государств, а в дальнейшем и перед другими государствами задачу — организовать надежную противохимическую защиту войск, способную не только защитить от поражения отравляющими веществами, но и обеспечить возможность выполнять боевые действия в условиях химической войны.

Одной из первых задач противохимической защиты является организация и осуществление мероприятий по предупреждению войск о химической опасности. Для этого за противником устанавливалось непрерывное наблюдение с целью выявления подготовки и начала газобалонной атаки и своевременного оповещения войск о необходимости использования средств защиты. Эти мероприятия вначале решались силами строевых командиров. В дальнейшем они получают своеобразное развитие: выделяются обязательные наряды по химическому наблюдению и оповещению, устанавливается систематическое метеорологическое наблюдение, проводится планомерное противогазовое обучение личного состава, а также происходит его снабжение средствами защиты. Со временем для решения этих вопросов строевым начальникам в помощь вводятся нештатные, затем штатные должности заведующих химической обороной. Создаются специальные химические подразделения. Так, в годы первой мировой войны и появилась новая служба, получившая название «химической», главной задачей которой было руководство противохимической защитой.

Огромный, неоценимый вклад в развитие химической службы русской армии внесли видные русские ученые и изобретатели. Профессор Н. А. Шилов первым сформировал на Западном фронте нештатные противогазовые отряды, в которых проходили противогазовое обучение подразделения и части всех родов войск. С особым чувством благодарности вспоминаем мы имя выдающегося русского ученого, академика Н. Д. Зелинского, чье изобретение — универсальный угольный противогаз — спасло от смерти миллионы русских солдат в годы первой мировой войны и послужило основой для создания других типов противогазов.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, силы внутренней контрреволюции при поддержке и непосредственном участии империалистических государств развязали гражданскую войну против молодой советской республики. Организуя защиту социалистического Отечества, В. И. Ленин, партия и Советское правительство наряду со множеством вопросов строительства и развития Советских Вооруженных Сил предусмотрели также меры по развитию системы противохимической защиты. При этом они исходили из того факта, что армии империалистических государств приме-

нили ОВ в первой мировой войне и производили эти вещества в больших количествах. Естественно, они не остановились бы перед применением этих веществ в любой другой войне, тем более против государства с иной социальной системой. Во-вторых, контрреволюция, легко и без всяких сомнений попиравшая международные и просто человеческие нормы права и морали, во имя достижения своих целей была готова на все. Эти предположения советских руководителей вскоре нашли свое подтверждение. Так, 23 мая 1919 года при обстреле города Керчи и близлежащих деревень английский флот использовал большое количество химических снарядов. В августе 1920 года против частей 16-й армии в районе Барановичей и белополяками широко применялись химические снаряды с фосгеном, присланным англичанами[1]. Против частей Северного фронта в августе-сентябре 1919 года интервенты неоднократно применяли ОВ с помощью артиллерии и авиации[2].

Организация химической службы Красной Армии проходила в трудных условиях: отсутствовала промышленная база для производства средств защиты, их запасы, оставшиеся от русской армии, были крайне малы, недоставало нужных специалистов для организации противохимической защиты. Вместе с тем, от старой армии остались военные химики с накопленными ими знаниями; остался опыт, зафиксированный в различных документах и трудах. Разумеется, этот опыт был использован умело и оперативно, и поэтому первоначальное состояние и характер химической службы Красной Армии в значительной степени походили на химическую службу старой русской армии.

Официально химическая служба Красной Армии была оформлена приказом Реввоенсовета Республики от 13 ноября 1918 года, согласно которому основной ее задачей являлась организация противохимической защиты войск. Позднее на нее были также возложены задачи применения огнеметно-зажигательных веществ и нейтральных маскирующих дымов.

После завершения гражданской войны наша партия и

---

[1] Д. Н. Мордвинов. «В грозные годы гражданской войны». М., «Просвещение», 1977, с. 201 и 273.

[2] ЦГА СА, ф. 3036, оп. 1, д. 14, л. 1, ф. 188, оп. 4, д. 421, л. 22, ф. 105, оп. 1, д. 70, л. 284.

правительство принимали все меры к запрещению химического оружия. В 1922 году на Генуэзской конференции представители нашей страны выдвинули проект запрещения применения отравляющих веществ и других средств массового истребления, но встретили противодействие делегаций империалистических государств.

Как известно, в 1925 году в Женеве несколькими европейскими государствами был составлен протокол о запрещении газов и бактериологических средств. Советский Союз ратифицировал этот протокол в 1928 году. Соединенные Штаты Америки — лишь в 1975 году.

В 1929 году делегация СССР внесла в комиссию по разоружению Лиги Наций проект о запрещении изготовления отравляющих веществ, но он был отклонен представителями империалистических стран.

При сложившихся условиях Коммунистическая партия и Советское правительство оказались вынужденными уделить усиленное внимание развитию органов и средств противохимической защиты.

Для руководства «военно-химическим делом», как тогда называлась противохимическая защита, в 1918 году был учрежден Особый химический отдел или иначе 9-й отдел при Артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления РККА. Этот отдел первоначально занимался решением вопросов военно-химического дела, учета и хранения военно-химического вещества.

К 1931 году во главе химической службы Красной Армии стояло военно-химическое управление, начальником которого был Я. М. Фишман. В военных округах, армиях, стрелковых и кавалерийских корпусах, дивизиях и полках были введены должности начальников химической службы, в обязанность которых входила организация противохимической защиты войск и химическая подготовка. Соответственно создавались подразделения химической защиты. В каждой армии, корпусе и дивизии формировались роты противохимической обороны (в конце 30-х годов переименованные в дегазационные роты). В стрелковых и кавалерийских полках создавались взводы противохимической обороны. Кроме того, в округах с подчинением военно-химическому управлению формировались отдельные батальоны противохимической обороны.

Так, исподволь, постепенно, шаг за шагом познавали мы особенности военно-химического дела. Но кроме этой

дисциплины, мы усиленно штудировали и общеобразовательные, делая упор на химические: органическую, неорганическую и аналитическую химию, а также изучали физику, математику, русский язык. Разумеется, для того, чтобы все это освоить, требовалась большая отдача, напряженная работа. Но мое обучение затруднялось еще и тем, что мне приходилось вести на курсах серьезную партийно-политическую работу. Буквально через несколько дней после нашего зачисления на курсы состоялось первое партийное собрание членов и кандидатов РКП(б). Секретарем партбюро первичной парторганизации избрали меня. Тут, я думаю, сыграло роль то обстоятельство, что я и в академии имени Фрунзе и в стрелковой дивизии в Уфе входил в комиссию по партийной чистке и проверке членов и кандидатов ВКП(б). Как бы то ни было, это означало, что большую долю времени мне приходилось уделять партийной работе. Дело отягчалось еще и тем, что на курсах долгое время не было военного комиссара и по существу его обязанности приходилось выполнять мне. Но на курсах учились командиры, добросовестные, инициативные, которые всегда приходили мне в трудную минуту на помощь.

Не стоит отрицать, было нелегко, было порою голодно и холодно, но все прекрасно осознавали, что страна наша терпит трудности, и то, в какую сторону повернутся обстоятельства, зависело не в меньшей мере и от нас, и мы старались делать все, чтобы приблизить час торжества. Наверно, потому, что все курсанты жили и учились так, что исполняли свой долг перед Родиной, на выпускных экзаменах все показали глубокие и прочные знания и заслужили высокие оценки экзаменационной комиссии. И вот пришел день, когда мы стали дипломированными военными химиками. Прощай, пехота!

В сентябре 1931 года по окончании курсов я получил назначение в Военно-химическое управление на должность помощника начальника сектора. Сувырин и Гусаров были направлены на работу в войска, а Д. Е. Петухов, К. А. Жданов, Михайлов поступили учиться во вновь открывшуюся Военную академию химической защиты РККА.

Приняли меня в управлении хорошо, и поскольку я не имел опыта канцелярской работы: составления писем, отношений, отчетов, протоколов, докладов и другой документации — мне многие оказывали посильную помощь,

и это выручало. И вообще, я сделал себе зарок на всю жизнь: если дело тебе незнакомо — спрашивай, узнавай, допытывайся, учись у других, даже если они ниже тебя по званию. Это правило выручало меня и в годы войны. Дело осложняло то, что такая работа требовала безукоризненного знания русского языка, чем я не мог похвастаться. Изо дня в день у меня крепло убеждение, что в войсках я смогу принести больше пользы. Но вышло так, что обстоятельства вновь изменились.

Никто бы не подумал, что может повториться ситуация, какая сложилась на курсах. Первое партийное собрание Управления, на котором меня представляли коммунистам, оказалось отчетно-выборным. Как положено по уставу, я рассказал всем свою биографию. Посыпались вопросы. И преимущественно, касающиеся моей работы в парторганизациях. Итогом моей исповеди стало то, что сначала меня избрали в состав партийного бюро, а затем на заседании партбюро — секретарем. По роду работы мне пришлось однажды беседовать с представителем Главного политического управления РККА. Помню, мне пришлось рассказывать все о себе, затем о ходе отчетно-выборного собрания. Представитель управления подчеркнул в разговоре, что необходимо сосредоточить усилия на выполнении решений XVI съезда ВКП(б) — съезда развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации.

— Ваша работа в управлении,— заключил он беседу,— осложнена тем, что у вас нет комиссара, а ваш руководитель товарищ Фишман в свое время был членом ЦК партии эсеров. Не забывайте об этом. Если будут затруднения, обращайтесь прямо к нам.

В радостном настроении вернулся я в управление и поделился своими впечатлениями о разговоре с Яном Матисовичем Жигуром, который был коммунистом с дореволюционным стажем. Я в своей работе всегда опирался на него, и, признаюсь, многие нелады, возникающие по вине начальника Управления и объясняющиеся также моей принципиальной приверженностью курсу партии, улаживались при его помощи. Советами и делом помогал мне и член КПСС с 1922 года Валентин Павлович Сазонтов. Но как ни успешно продвигались дела, меня не оставляла в покое мысль о службе в войсках. Да и обстановка была не из легких. Цепь провокаций на Китайско-

Восточной железной дороге в 1929 году, нападение Японии на Маньчжурию, оживление сил агрессии на Западе — все это служило предметом разговоров не только военных, но и гражданских лиц. Как ни крути, говорил я себе, в войсках полученные знания реализовать легче, да и не мешало бы поднабраться практического опыта. Вскоре представился случай. Обычно, как было заведено, при составлении плана работы партийной организации я советовался с начальником Управления Фишманом. И вот, докладывая ему о плане работы на ноябрь 1932 года, я не удержался и высказал свою просьбу о направлении меня в войска. Как ни удивительно, моя просьба была удовлетворена, и в конце ноября 1932 года я получил назначение в Украинский военный округ на должность командира и военного комиссара 4-го отдельного батальона противохимической обороны, размещенного в Киеве.

Батальон расквартировывался в старинном кольцеобразном здании из красного кирпича с башней, похожей на каланчовую вышку, неподалеку от Киево-Печерской лавры. Как сказывали старожилы, в давние времена это строение служило пунктом наблюдения за действиями врагов.

В первый же день я познакомился с командным и личным составом батальона, который был выстроен на плацу. Поинтересовавшись настроением бойцов, я произвел опрос жалоб и претензий. Но на меня глядели пытливо и спокойно, и никто даже не порывался выказать недовольство тем или иным положением вещей.

Первым делом я познакомился со своими заместителями и командирами рот, разъяснил задачи дня. Выяснилось, что в начале декабря был получен приказ командующего округом, утверждающий план боевой и политической подготовки на 1933 учебный год. Пришлось по ходу дела внести в нее отдельные уточнения и дополнения.

Рассвет еще робко стучится в город, еще неясные тени бродят по его улицам, когда раздается первый перезвон колоколов. Меня удивляло рождение этих звуков, их разноголосый, с переливами, перезвон, который забирался во все уголки города, во все уголки человеческого сердца. Колокола как бы вызванивали свою особую, неповторимую правду, правду времени. И верно, наверно, то, что в старину воины отправлялись на битву с врагом, поджидавшим их у ворот города, под мелодичный звон

колоколов. И часами позже в кровавой сече им мерещился неотступно этот звон, словно возносимый под облака гимн свободы и справедливости. Я всегда, когда вспоминал Киев, слышал этот перезвон колоколов, вдруг возникающий откуда-то изнутри, может, из самой глубины души, и на душе становилось покойно и радостно.

Пришло лето, убаюкивающее взгляд пышной растительностью, бесконечной феерией цветов, умиротворяющее душу звездной игрой, лунным сиянием, таким восхитительным здесь на Украине. Батальон перебазировался в летний лагерь в районе Дарницы. Разбили палатки, привели боевые машины в готовность.

Командиры взводов следили за подготовкой экипажей.

В середине августа меня неожиданно вызвали в отдел химзащиты Украинского военного округа. Принял меня сам начальник отдела Гальников, человек деловитый и немногословный. Он сообщил мне, что батальон надо готовить к выполнению боевых задач.

Вскоре стало поступать новое пополнение, в основном, рабочая молодежь из района Кривого Рога и других промышленных центров Украины, начала прибывать специальная техника.

Несколько квалифицированных комиссий проверили боеспособность батальона, и ранней весной 1934 года по приказу командующего Украинским военным округом батальон с техникой погрузился на эшелоны и взял курс на восток.

Поезд мчался, перенося нас из одной части света в другую, за окном лениво кружились и отступали в таежной мгле густые, непроходимые леса, и было немного жутковато от непроглядного мрака туннелей, в которые, как метеор, нырял состав, от ощущения морозной стыни, непривычной для нас ранней, от мысли, что поезд — всего лишь беззащитная песчинка во Вселенной, и что человек, безоглядно и неистово торопится в новое, неизведанное, не зная, что скрывает поворот. Но приходил обычный сибирский день с робким солнцем, со змеистыми дымками над крышами редких, низкорослых, как бы вросших в организм тайги домишек; медленно выплывал из-за продолговатой горы охваченный серебряным сиянием Байкал; и возникало нежданно, сходу, умиротворение, тихая радость, подступала гордость от ощущения необъятности и величия нашей светлой Родины.

Впереди было Забайкалье!

И ВЕРИЛ МИР...

В 1930—1940 гг. мир жил по-прежнему, безотчетно и беспечно радуясь приходу прохладного, вселяющего бодрость рассвета, ублаготворялся ярким, безмерным сиянием полуденного солнца, по-старчески нежился, купаясь в густых теплых потоках сиреневых сумерек, неспешно, исподволь надвигающихся ежевечерне на кроткую и безмятежную землю.

Как, однако, доверчив и наивен, вместе с тем, велик и вечен наш мир!

Он не верил в то, что коричневая чума фашизма, раздувшая пламя пожаров по всей Европе, хмельно, самодовольно затеет чудовищно жестокую войну, которая унесет миллионы жизней людей, рассеет над землей пепел и горький дым, вселит в души землян ужас, отчаяние и потребность в мщении.

Он не верил в то, что люди, эти самые разумные существа на земле, пойдут против своей природы, истребляя себе подобных, зверея, теряя человеческое обличье.

Он верил в благоразумие людей и жил своей обычной жизнью.

А в это время что-то сдвинулось с оси, обычный миропорядок нарушился бесповоротно: гитлеровцами вынашивались уже планы молниеносной войны, и шла лихорадочная подготовка к ней, и при этом немало места отводилось использованию химического оружия. Сейчас из захваченных в начале войны частями Красной Армии документов достоверно известно, что немецкий фашизм в плане одного из вариантов «молниеносной войны» предусматривал широкое применение отравляющих веществ.

С этой целью в фашистской Германии на базе химического концерна-гиганта «ИГ Фарбениндустри» была создана мощная высокоразвитая промышленность по совершенствованию старых и разработке новых быстродействующих, высокотоксичных отравляющих веществ, таких как табун, зарин и зоман. Одновременно создавались большие запасы этих ОВ нервно-паралитического действия.

Преуспевали в этом плане и союзники гитлеровцев — Италия и Япония.

В 1935—1936 годах итальянцы использовали отравляющие вещества в военных действиях против Абиссинии (Эфиопии). Только за три месяца этой локальной войны итальянская авиация вылила с воздуха 400 тонн жидкого иприта и израсходовала 15 000 химических бомб. Потери абиссинских войск от отравляющих веществ составили 30 процентов общих потерь в войне.

В свою очередь японцы в 1937—1938 г. г. применяли против китайских войск нестойкие отравляющие вещества — дымовые шашки с ядовитым газом и ручные химические гранаты со слезоточивыми отравляющими веществами. В налетах японской авиации широко употреблялись химические и зажигательные бомбы. Потери 8-й Китайской народно-революционной армии от отравляющих веществ составили 6,3 процента от общего числа потерь.

На Бискайском фронте в Испании немецкая и итальянская авиация в военных действиях против республиканцев прибегла к бомбардировке зажигательными бомбами. А в марте 1937 года под Гвадалахарой итальянцами были произведены огнеметания из танков.

Подготовку к применению отравляющих веществ интенсивно вели и другие капиталистические государства.

В этой обстановке Советское правительство вынуждено было принять ряд мер, направленных на усиление противохимической защиты войск и населения. И эта забота о развитии химической службы в предвоенные годы оказалась дальновидной и своевременной.

Тогда же появилось понятие «химическое оружие», которое включало в себя не только отравляющие вещества и средства их применения, но и огнеметные, зажигательные и дымовые средства.

Были ускорены научные исследования по разработке

новых сердств противохимической защиты, зажигательных средств.

Зажигательные средства и вещества также исстари применялись в военном деле.

С каждым разом, с каждой войной совершенствовались их состав и способы применения.

В первой мировой войне 1914—1918 г. г. впервые в обиходе появились огнеметы. Русские инженеры первыми в мире изобрели фугасный огнемет. Благодаря изобретениям русских инженеров и ученых русская армия в 1914—1918 г. г. в оснащении зажигательными средствами намного превосходила иностранные армии, в том числе и немецкую.

Эта традиция была сохранена и приумножена и при создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В предвоенные годы у нас в стране проводилась масштабная научно-исследовательская работа по совершенствованию старых и созданию новых зажигательных средств и огнеметов. Позже во время войны это обеспечило превосходство наших огнеметно-зажигательных средств над немецко-фашистскими.

Нами на вооружение были взяты жидкие и загущенные горячие вещества на основе бензина, керосина и других нефтяных продуктов, зажигательные вещества типа напалма.

Загустителем в них служил отверждающий порошок ОП-2, состоящий из алюминиевой соли нефтеновых кислот. Им заправлялись зажигательные бутылки и огнеметы.

Нашел широкое применение и термит — смесь окиси железа и алюминия. Эту смесь прессовали в виде брикетов, шаров, патронов и заправляли артснаряды, авиабомбы и т. д.

Также велись испытания по применению белого фосфора и его соединений. Им снаряжали артиллерийские снаряды и авиационные бомбы, зажигательные бутылки и авиационные жестяные ампулы АЖ-2, которые позже служили действенным средством борьбы против танков врага.

Мы прибыли в Читу в тот момент, когда международная обстановка резко осложнилась из-за агрессивных действий японских милитаристов, которые захватили Маньчжурию и создали там марионеточное государство Маньжау. На наших государственных границах участи-

лись всякого рода провокации, поэтому каждый день и каждый час нам надо было быть начеку.

Человеку, первый раз попавшему в Забайкалье, может прийти мысль, что вокруг на многие километры нет ни живой души. Но это на первый взгляд. Дорога, пропетляв между сопками, неожиданно выезжала в низину, и взгляд упирался в домик охотника или стойбище скотовода. Конечно, после густонаселенной Украины все воспринималось без живого чувства. Но жизнь военного немыслима без тягот.

Местом нашей дислокации был намечен необжитой район, и трудности возникли с первых же минут. Обнаружилось, что единственным источником воды на многие километры вокруг является слабый, бесшумный родник на дне глубокого оврага, спуск к которому был крут и обрывист. Естественно, и речи быть не могло о его использовании, ведь потребность в воде была острой, а источник не мог удовлетворить наши нужды. Пришлось снарядить спецмашины АРС для подвоза воды из Цугульского дацана, ближайшего населенного пункта, где был колодец. Решением второй проблемы занялись в тот же день — разрыли и оборудовали глубокий погреб для хранения привезенных продуктов. Вечером я обошел лагерь — тихо мерцали в стороне огоньки местного поселка, смутно белели в темноте палатки нашего лагеря, внушительно чернел парк спецавтомашин и танков. Прохладный ветерок, забредший с Байкала и принесший с собой чистый запах росы, столь инородный в этих краях, теребил оранжевые языки пламени костра, разведенного бойцами. Оттуда поднимаясь вверх и растекаясь по пространству, оживал, креп и гудел разговор, обычный в походах и дальних дорогах. Бойцы говорили весело, вперебой, перемежая речь громким хохотом, рассказы все более заходили о той, прожитой жизни, и было обидно и жалко до щемящей боли в сердце, что эти молодые, сильные, здоровые ребята вынуждены лучшую часть своей жизни посвятить делу, которое при общем благоразумии можно было вообще вычеркнуть из общечеловеческого реестра. Жизнь бывает у человека один раз, и львиная ее доля уходит на разрешение проблем войны и мира. Пожалуй, самым главным завоеванием человечества было бы изгнание из лексикона общений слова «война». Но что поделаешь, такое не подвластно ни только одному человеку, но и целому государству. Надо трезво смотреть в глаза

действительности, надо быть бдительным, научить этих ребят всему тому, чему научили тебя старшие товарищи, в этом мой долг, как командирский, так и человеческий. Такие мысли приходили ко мне всякий раз, когда я видел бесхитростные, доверчивые глаза вчерашних токарей, слесарей, водителей автомашин, еще хранящие налет прежней, спокойной, безмятежной жизни. И смутные, тревожные ощущения отступали, приходила ясность, определенность.

Исходя из обстановки и указаний командования, я форсировал подготовку. Шла отработка действий: как отдельных расчетов, так и целых подразделений.

Разумеется, условия, в которых приходилось вести обучение, были приближены к боевым — гористая местность с бесчисленным количеством спусков и подъемов, бездорожье, отсутствие налаженных средств связи. И ежедневные тренировки в совершенно новых, непривычных условиях позволили всем подразделениям выработать навыки самостоятельного решения задач. Это было важно при учете того, что наш род войск предназначен выполнять в боевых условиях не только свои, специфические задачи, но задачи поддержки других видов и родов войск. Проведенная в сентябре инспекторская проверка отдела химзащиты Забайкальского военного округа выявила у нас хорошие результаты.

В конце сентября батальон направился к месту зимнего расквартирования в город Сретенск. Передвижение машин было затруднено сильными проливными дождями, которые были обычны для сентября. Такого мне не приходилось еще испытывать; небо серо, мглисто, беспросветно, льет как из ведра и день и ночь. Никакой надежды на ясный день. А еще неисчислимые спуски и подъемы. Машины наши довольно-таки необычны, оборудованы аппаратурой, их проходимость по сути не рассчитана на бездорожье. И вот вышло так, что на одном из подъемов автомашину химической индикации АХИ занесло в глубокий, крутой овраг, и она встала на задние колеса. Передние под некоторым углом вознеслись прямо в небо. Водитель выскочил из кабины в самый последний момент. Об этом случае мне доложили после того, когда машина была вынесена из оврага, в прямом смысле, на руках водителей и командиров роты, которой принадлежала. Командир роты, не растерявшись, подозвал весь личный состав под-

разделения и, объяснив задачу, скомандовал поднять машину на склон.

Это был яркий пример командирского здравомыслия, товарищеской взаимовыручки, единства действий коллектива. И немного позже мне пришлось убедиться, что такие качества характерны и для всего нашего батальона. Тогда мы расположились летним лагерем на берегу горной речушки Шилки. Как-то в ночной час меня разбудил дежурный по части и без всякого переполоха доложил мне, что в речке неожиданно поднялась вода и с небывалой скоростью движется вниз, на площадку, где находились наши боевые машины. Команды им уже были отданы, и весь личный состав батальона был мобилизован на решительные действия. Машины и танки были успешно выведены на высокий скалистый выступ, только походную кухню пришлось выносить на руках. Наводнение было необычайно сильным; срывало деревья, жилые строения, переворачивало повозки. Успешно управившись с выводом боевой техники и других атрибутов нашего батальона, я отдал распоряжение об оказании помощи местным жителям.

Шилка бушевала целую неделю, и даже когда вода ее несколько спала, опасность тем не менее не исчезала: таяние снегов в верхах продолжалось. Но решительность и хладнокровие наших воинов, противопоставленные стихии, в конце концов взяли верх.

Вскоре был получен приказ командующего войсками Забайкальского военного округа о выделении двух рот батальона: танковой и АРС для участия в осенних маневрах войск. Танковая рота выделялась в распоряжение наступающей стороны кавалерийской дивизии, командиром которой был фрунзевец, позже выдающийся полководец, командующий войсками 2-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, роты со спецмашинами АРС — в распоряжение обороняющейся стороны. Прибыв с танковой ротой, я представился Рокоссовскому как командир отдельного батальона противохимической защиты. Он разъяснил мне задачу. При вводе кавалерии в прорыв танковая рота должна была прикрывать ее фланг и отбивать контратаки обороняющейся стороны. Разработка взаимодействия специального танкового подразделения с таким подвижным родом войск как кавалерия, была новшеством в тактике наших войск. Конечно, одна танковая рота не могла представить се-

Маршал Советского Союза Л. М. Говоров со штабом 2-го Прибалтийского фронта после взятия г. Риги.

Генерал-майор технических войск
Шакир Джексенбаевич Джексенбаев.

рьезную силу, но такого рода взаимодействие полностью оправдывалось. Время подтвердило правильность таких нововведений.

Учение было проведено успешно, и по возвращении с него мне сообщили о новом назначении — начальником химической службы соединения, расположенного в городе Благовещенске.

По дороге мне трудно было отделаться от одного неотвязного ощущения: хватит ли у меня сил и знаний, чтобы справиться с работой на таком уровне? Ведь соединение — это не батальон, его задачи гораздо шире и сложнее. И я посетовал на себя, что в горячке сбора в дорогу позабыл в батальоне книгу Фрайска и Веста «Химическая война». Что поделаешь — многочисленны потери у человека в этом мире. И как бывает всегда — мысль скакнула в сторону и вызвала отзвук радости в сердце: я вспомнил что есть еще самое действенное и верное средство, основа, опора, гарантирующая успех в новых условиях,— люди. Руководствуясь правилом: спрашивай, если не знаешь, можно выбраться из любой сложной ситуации, к такому решению привел меня опыт прошедшей жизни.

Так я и сделал по прибытии. Представившись командиру соединения и ответив на его вопросы, я попытался в нескольких вопросах выяснить интересовавшие меня моменты в работе. И прежде всего — о характере людей, с которыми мне предстоит работать. Ведь это важно для существа дела, от того, какой работник и какой выбран к нему подход, и зависит порой слаженность в работе, успех в целом. Затем я перешел к специфической особенности организации химзащиты соединения. В конце разговора командир соединения предложил мне изложить свои соображения по повышению уровня химической подготовки соединения.

Естественно, решить вопрос, поставленный командиром соединения, было невозможно без выезда в части. Так, на четвертый день я выехал в один из стрелковых полков для ознакомления с состоянием химической и специальной подготовки части. Один взвод был проверен по знанию материальной части средств противохимической защиты, другой — по выполнению нормативов на практике. На третий день я экзаменовал специальный взвод по проведению дегазации местности и химической разведки на зараженном участке. Результаты были отрадны: все бойцы и командиры продемонстрировали хоро-

шее знание средств и способов противохимической защиты. Был выявлен и недостаток: занятия по химподготовке проводили не командиры взводов, как предусматривалось правилами, а химинструкторы батальонов.

Вернувшись с поездки, я доложил командиру соединения о результатах проверки, сделав упор на том, что необходимо добавить учебные часы на усовершенствование химической подготовки всех звеньев комполитсостава, а также вменить в обязанность командирам взводов проводить занятия по химической подготовке с личным составом. Командир соединения с интересом воспринял эти предложения и дал указание включить их в план боевой и политической подготовки.

Следующим шагом в работе для меня была организация сборов начальников химической службы частей соединения по совершенствованию их специальных знаний. Как выяснилось, подобные мероприятия были для многих внове и потому возникли трудности по размещению участников сбора, по выделению средств защиты, химразведки, дегазации, дымопуска, зажигательных средств, а также специальных машин для проведения учебных занятий. Но все это удалось преодолеть с помощью самих же участников сбора.

Приближалась зима. Я решил за этот период изучить, как подготовлены в плане противохимической обороны стрелковые подразделения, а также части артиллерий, танковых и инженерных войск. В ту пору я, как правило, заворачивал в штаб только на занятия по командирской подготовке и на партсобрания. Остальное время проводил в частях, в иные дни — вместе с командиром соединения. При этом я изучал вопросы взаимодействия с работниками штаба, с начальниками других родов войск и служб, а также старался определить характер взаимоотношений начальника химслужбы соединения вообще с командирами подчиненных частей и их начальниками химслужбы.

Так в командировках я провел зиму, весну, лето 1935—1936 годов. Началась подготовка к дивизионным учениям.

Но все, как говорится, переменилось в одну секунду. Поступил приказ о моем назначении в Хабаровск помощником по химической службе армейского инспектора штаба ОКДВА (Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии).

Через три дня я стоял на палубе катера, плывущего по Амуру в направлении Хабаровска. При свете огней катера вода вблизи расходилась тугими, словно жгуты, волнами, рождая много пены, а поодаль она аспидно чернела и вызывала пронзительную дрожь в позвоночнике от ощущения ее прохладной непроглядной глубины. Я смотрел на берега, которые поздним вечером были удивительно похожи на загадочную землю из романов Жюля Верна. На ней вспыхивали различные огни непонятного происхождения разной силы и яркости, от нее шли запахи и звуки, почти ощутимые физически, густые и в то же время тонкие, затрагивающие затаенные струны души. Мысль билась бойко и неостановимо. Как стремителен бег времени! Казалось, только вчера я бродил по тюльпанной степи, не знающей границ, юнцом, только вступающим в большую жизнь, а сегодня глубокие воды Амура встречают взгляд человека, имеющего четкое, свое предназначение в жизни.

В управлении ОКДВА я представился начальнику химического отдела армии, который подробно информировал меня о сложившейся внешней обстановке и о моих непосредственных обязанностях. На другой день я был с докладом у армейского инспектора Сангурского, человека простого, располагающего к себе с первого взгляда, и в то же время деятельного, активного. «Внимательно изучите приказы командующего ОКДВА по боевой подготовке, в первую очередь, по химической службе. Затем примете участие в ближайшей инспекторской проверке корпуса»,— сказал он в заключение.

Через несколько дней наш инспекторат произвел намеченную проверку боевой подготовки одного корпуса. По ходу работы я приглядывался к другим помощникам армейского инспектора. Привлекало внимание то, что каждый из них управлялся с огромной по объему работой без суеты, деловито и умело. Проведя соответствующие совещания, на которых подводились итоги инспектирования, мы вернулись в штаб.

В середине сентября все помощники во главе с армейскими инспектором принимали участие в общеармейских маневрах в качестве посредников. При разборе учения руководитель маневров вынес положительную оценку работе посредников.

В ту пору я был уже женат, имел сына. И что ни говори, семья есть семья: волнуешься, порой день-деньской

исходишь мыслью о них. Обратился к армейскому инспектору с просьбой предоставить отпуск и комнату для семьи. С жильем решить сразу не удалось, но благодаря настойчивой помощи Сангурского вскоре мне выделили комнату в доме штаба армии.

Привез из Москвы семью. Просто не хватает слов, которые могли бы выразить восхищение семьями военных! Нашими женами, нашими детьми. Куда бы не бросала судьба военного, подчас даже в места, отдаленные от центров культуры и обеспечения, ты ощущаешь теплое плечо жены, с благодарностью после трудного, напряженного дня спешишь в дом, где тебя ждет чудная, неповторимая, снимающая любую усталость, улыбка сына. Подчиняя свою судьбу судьбе мужа, военного, женщина несказанно возвышает свое прекрасное имя, поднимает на высокую вершину красоту человеческого духа.

Зима выдалась необычайно холодной, вьюжистой, и комнату приходилось топить по нескольку раз в день. Сын учился, жена занималась хозяйством, а я часто выезжал в командировки по инспектированию частей ОКДВА.

А однажды случилось непредвиденное: тяжело заболел сын, я в это время находился в частях. Можно понять треволнения жены, когда ей сообщили, что предстоит оперировать сына. Но все обошлось благополучно.

Я уже вовсю сработался с коллективом, и в числе других успешно провел две инспекторские проверки армии по итогам зимнего периода обучения.

Наступила весна. Воцарилась на дорогах распутица и выезды в войска пришлось на время прекратить.

Во второй половине июня начались выезды и проверки состояния боевой подготовки одного из стрелковых корпусов, расположенного вблизи государственной границы. Работали мы безвыездно около месяца, проводили и показные уроки. Особое внимание при этом уделялось стрелковой подготовке. Во многом такая работа была обусловлена сложившейся обстановкой на границе: частыми вылазками самураев.

По возвращении вновь, как и в предыдущий раз, меня ожидала новость — назначение на должность начальника химической службы 45-го стрелкового корпуса.

Прежде чем выехать в корпус, мы на семейном совете решили, что целесообразно мне только одному отправить-

ся туда, жене с сыном необходимо было отбыть в Москву для долечивания сына.

Отправив семью в столицу, я вновь на пароходе по Амуру добрался до места назначения — в город Николаевск-на-Амуре. За долгие годы военной жизни у меня сложилось неписаное правило: первым делом сдать вещи в камеру хранения, а затем идти к руководству для знакомства. Только после того, как я утряс основные дела и получил комнату в общежитии, я перевез туда свои вещи.

Командир 45-го стрелкового корпуса комдив Кассин оказался военным до мозга костей: четкая выправка, отлаженные движения, короткие взвешенные фразы. Суровое, простое лицо, озарявшееся время от времени доброй, открытой улыбкой. Он исчерпывающе ознакомил меня с состоянием противохимической защиты соединений и частей корпуса. В тот же день я познакомился с начальником штаба корпуса полковником Виноградовым, с секретарем парторганизации, начальником связи Новиковым.

Выяснилось, что только недавно завершилось формирование штаба корпуса. А по химической службе все надо было начинать ни больше ни меньше как с нуля. Не было даже данных о состоянии противохимической защиты в корпусе, об обеспеченности средствами защиты. Кроме того, прибывала новая специальная техника, требовалась подготовка специалистов для ее освоения. Словом, дел было невпроворот. И всю эту работу надо было провести в короткие сроки: осенью предстояла инспекторская проверка соединений и частей корпуса.

И хотя проверка была для нас успешной, обнаружились серьезные недостатки. Прежде всего было установлено, что занятия с рядовым и сержантским составом проводят химические инструктора батальонов (это оказалось характерным для всех соединений и частей армии), командиры взводов самоустранились от подготовки. В результате часть красноармейцев не научилась быстро и сноровисто надевать на себя противогазы. А это при наличии у противника быстродействующих высокотоксичных отравляющих веществ могло привести к неоправданным многочисленным жертвам среди личного состава. Но самым удручающим фактом было то, что и командиры частей и соединений, и командиры батальонов и рот не придали должного внимания химической подготовке, считая все это уделом только начальников химической службы. Сложилась порочная практика: командиры подразделений и соединений

отодвигали химическую подготовку на задний план, считая это делом незначительным, второстепенным, тогда как обстановка подсказывала, что это непростительная недальновидность.

Посоветовавшись с начальниками других отделов, я подготовил доклад командиру корпуса о положении с химической подготовкой, в котором указал на недопустимость сложившегося положения вещей и необходимость изменения системы обучения личного состава.

Комдив Кассин с одобрением отнесся к намечаемым мною мероприятиям. И вообще он был человеком широкого кругозора, гибкого мышления. Хотя старая военная школа сказывалась в его поступках, он никогда не ставил преград перед новым, более прогрессивным.

Как-то раз группа работников штаба во главе с командиром корпуса присутствовала в одной из частей на занятиях по физической подготовке. Руководитель занятия только объяснил, как нужно подтягиваться на турнике, но не показал. Обратив на это внимание, командир корпуса снял китель, отдал его кому-то подержать и, легко и ловко забравшись на турник, провернулся, затем, вытянувшись на руках, показал, как нужно подтягиваться. У всех в глазах выражалось восхищение тем, что комкор, человек уже немолодой, сохранил силу и упругость мускулов. В этом его поступке выражалось и другое: будучи командиром старой военной школы, он полагал, что руководитель всегда должен продемонстрировать перед подчиненным тот или иной прием, прежде чем требовать его показа. Это касалось и строевой, и стрелковой подготовки. К примеру, от меня он требовал, чтобы я всегда укладывался в установленные сроки одевания противогаза и других средств защиты и демонстрировал это подчиненным.

За зиму удалось проверить большинство полков и спецчастей корпуса, но к отдаленным добраться не удалось по причине бездорожья. К ним можно было добраться или на самолетах или на партах с собачьей упряжкой. Во многих соединениях не было начальников химслужбы: назначенные задерживались с прибытием к месту службы, а в некоторых частях они вообще не назначались. Это создавало большие трудности в моей работе, а порой приводило к серьезным неприятностям.

Случилось так, что по установлении лета, в июне и июле штаб корпуса организовал несколько выездов в стрелковую дивизию и другие соединения с целью проверки хода

боевой подготовки. Возглавлял группу начальник штаба корпуса, и входили в нее начальники родов войск и служб, а также работники политотдела. При проверках главным образом определялось умение личного состава владеть стрелковым оружием и техническими средствами, мастерство вождения танков и машин. Командир корпуса определенно надеялся на успешное завершение боевой подготовки года. Однако случилось непредвиденное. В августе из Военно-химического управления РККА прибыла инспекционная комиссия во главе с майором Новосильцевым. Она проверила химическую подготовку в двух стрелковых полках и в отдельной роте противохимической обороны стрелковой дивизии по всем дисциплинам. Результаты были печальны. Инспекция признала выполнение личным составом полков нормативов и знание ими индивидуальных средств защиты неудовлетворительными. Рота ПХО также получила неудовлетворительную оценку по стрельбе, по специально-технической инженерной подготовке. Это негативное заключение командир дивизии объяснил отсутствием начальника химической службы. Был наказан и я партийным выговором за недостаточный контроль за состоянием химподготовки в частях. Это было первое партийное взыскание в моей жизни, и я переживал его тяжело. Жизнь состоит не только из роз, но и из шипов. Надо было взять себя в руки и приложить все усилия к тому, чтобы поднять химическую подготовку в частях на уровень современных требований. Разумеется, это не зависело только от меня. Следовало нацелить командиров соединений и частей на усиление требовательности к подчиненным, в первую голову, к командирам взводов. Кроме того, на занятиях нужно было шире использовать учебные наглядные пособия, технические средства защиты, разведки и дегазации.

Словно лопнула в душе струна, угасли звуки и краски мира — эту неприятность я переживал вновь и вновь. Куда бы ни шел, чем бы ни занимался — одно неотвязно сидело в мыслях: как исправить положение с химической подготовкой.

Анализируя случившееся, обнаружил, что главная причина отсталости в этой области — в расхоложенном отношении общевойсковых командиров к вопросу химической подготовки. Надо было переменить мнение людей, объяснить им всю важность последствий недооценки воздействия отравляющих веществ. Я обратился к секретарю

бюро парторганизации, командующему артиллерией корпуса полковнику Бабушкину с просьбой поставить на обсуждение партийного собрания мой доклад о путях и методах повышения уровня химической подготовки соединений и частей корпуса. На мой взгляд, такое широкое обсуждение должно было подсказать выход из создавшегося положения, на худой конец, переубедить работников самого штаба корпуса в необходимости улучшения химподготовки. Важно было добиться полного понимания каждым начальником родов войск и служб современных требований к частям противохимической защиты. Я также надеялся на то, что работники политотдела в своих выступлениях в подразделениях разъяснят всю важность и необходимость повышения уровня противохимической защиты войск. Помимо этого я просил командира корпуса дать личное указание на совещаниях командного состава и отметить в приказе по боевой подготовке на 1939 год необходимость должного внимания к химической подготовке, выполнении требований о расчете часов в системе командирской подготовки, отведенных на занятия с противогазом и другими средствами защиты.

Как всегда бывает, инициатива была подхвачена и развита. Командир корпуса приказал также два раза в неделю проводить тренировку в противогазах с выполнением нормативов, а затем приступить к приемам пользования всеми индивидуальными средствами защиты: накидкой, чулками, перчатками и противохимическим пакетом ИПП. В ротах и взводах противохимической обороны надлежало тренировать личный состав в защитных костюмах выполнять дегазационные работы.

Мое выступление на партийном собрании встретило единодушное одобрение. Выступившие коммунисты говорили о важности противохимической обороны при сложившейся международной обстановке. Запомнилась речь одного командира батальона (фамилии его, к сожалению, не помню): «Сейчас все говорит о том, что империалисты не остановятся ни перед чем, чтобы взять реванш за предыдущие поражения. В том числе они могут прибегнуть к химической войне. В этих условиях необычайно возрастает роль противохимической обороны. Сейчас не менее важно, чем уметь пользоваться стрелковым оружием, быстро и правильно надевать противогаз. Нам, чтобы остаться на уровне современной армии, надо

освоить весь комплекс приемов противохимической обороны». Его горячо поддержали все коммунисты.

Крупные шаги по улучшению состояния противохимической обороны были сделаны, оставалось теперь проконтролировать, как командиры частей и подразделений выполняют указания.

Но это было нелегко осуществить. На дворе стояла зима с порывистыми студеными ветрами, обильным метровым снегом и морозами до пятидесяти градусов. Ночи были длинные, стылые, изредка посеребренные луной, чаще звездные, иссиня-черные. Когда едешь на собачьих нартах, неуемно захватывает дух, нещадно ветер обжигает лицо. Снег набивается в уши, глаза, и чудится тебе, что ты вовлечен в какой-то сумасшедший водоворот, тебя неотвратимо несет вперед, но проходит несколько мгновений, и наступает необыкновенная тишь, какая бывает только осенью, в бабье лето — и раскрывая глаза, полуослепшие от быстрой езды, от летящих навстречу комьев мерзлого снега, безотчетно удивляешься — ты уже у цели, совершенно невредимый и незамерзший.

Сурова жизнь на Дальнем Востоке, но в этой суровости своя особенная поэзия и красота.

Капля, говорят, точит камень. Наконец-то пришла пора, когда проверка штабом корпуса состояния химической подготовки принесла отрадные результаты.

Вновь пришло лето, и лесистые склоны, и каменные обрывы окрасились нежно-лиловым цветом. Зацвел багульник, в густых чащобах звонко зазвенел пчелиный рой. Корпус перебрался в летний лагерь. Начались занятия по выполнению нормативов. Командир корпуса, как я уже писал, был человек конкретный, привыкший более к практическому показу приемов воинам. И вот как-то раз он порекомендовал мне выехать в части, чтобы провести наглядный урок в присутствии командиров частей и подразделений. Я выбрал 58-й стрелковый полк и наметил тему занятия: «Устройство противогаза и правила пользования им». Не случайно я остановился на этом вопросе. Если брать по большому счету, умение пользоваться противогазом — основа сохранения жизни и боеспособности при химической атаке, можно сказать, это и одновременно азбука и базис противохимической обороны. И вот на занятия были приглашены командиры взводов, рот и батальонов, химические инструкторы батальона, начальник химической службы 58-го полка. Надо сказать,

что я чуть ли не по нескольку раз в день тренировался в умении пользоваться противогазом и потому продемонстрировать это для меня не составило особого труда. Присутствовавший на занятиях начальник штаба корпуса полковник Виноградов, подведя итоги, порекомендовал всем в дальнейшем руководствоваться показанным методом.

Дни шли за днями, истекал второй месяц лагерной палаточной жизни, когда поступила директива штаба ОКДВА о формировании на базе штаба корпуса командования и штаба Северной Армейской группы 2-й Отдельной Краснознаменной армии. Вскоре прибыл и командующий войсками группы комдив Василий Петрович Васильев, высококультурный и волевой командир. Все работники штаба корпуса перешли на работу в штаб группы, в том числе и я. Прибывали новые части, техника. В этих условиях мы прошли осеннюю проверку штаба ОКДВА. Результаты радовали. С меня был снят выговор, душа вздохнула облегченно и радостно. Что может быть хуже сознания невыполненного долга?

В один из летних дней командующий группой решил побывать в Александровске-на-Сахалине.

И вот на пограничном катере мы взяли курс на Сахалин. По мере того, как он выруливал, приоткрывалась, как в чудной сказке, панорама на красивейший Татарский пролив. Зеленокудрые, возвышающиеся над кромкой бирюзовой воды, склоны берега, плавно покачиваясь, медленно удалялись от нас. Рассветное солнце словно пробило дворец из алмазов и бриллиантов и вызвало к жизни мириады искринок — глаза слепило от нестерпимого блеска морской воды. Поодаль небо сливалось с горизонтом, и казалось, ты окунулся в чистый, прозрачный упругий и живой мир и оттуда возврата нет.

Когда вышли в открытое море, началась качка. Поднялся ветер, вздымающий высокие волны. Сразу же спустились в каюту, но странное сосущее чувство не оставляло. Многих закрутила морская болезнь, и некоторых из нас даже вынесли на берег на руках. Затем я долго не мог понять, как же это мне удалось выдержать такое, ведь привык за всю жизнь к твердой земле, которая крепко держится подо мной. Обратно вернулись на военных самолетах. Но великолепие Татарского пролива не исчезнет из памяти никогда.

К тому времени прибыло новое пополнение, и надо

было проводить с ними усиленную подготовку по противохимической обороне. Я бесконечно радуюсь тому, что сейчас многие воины приходят в Советскую Армию подготовленные в этом отношении, а тогда мы начинали с азов.

Попутно вспомнился один случай. Как-то на одном из занятий взвод красноармейцев в противогазах в условиях применения дымовых шашек должен был занять намеченную высоту. И вот прозвучала команда, группа воинов зашевелилась, тронулась с места, и с каждым шагом убыстряя бег, устремилась к высоте. К общему удивлению командиров, наблюдавших за ходом занятий, один из красноармейцев, бежавший вместе со всеми, вдруг резко взял куда-то в сторону и отделился от общей группы бойцов.

После окончания занятий мы с командирами рот и взводов стали выяснять причину его столь странного поведения. Красноармеец сначала молчал, виновато опустив взгляд, затем смущенно сказал:

— Мне давило на лицо, и я не выдержал, немного приоткрыл маску.

Понятное дело: он приоткрыл маску, дым набился в нее, и он чуть не задохнулся. Не надо говорить, к чему это могло привести в боевых условиях. Да и догадаться тоже не составляло труда, что противогаз был по размеру мал для бойца.

Тогда пришлось строго наказать командира взвода, в котором служил солдат. Оказалось, он развалил химическую подготовку во взводе, срывая занятия, не контролируя действия своих подчиненных. Разумеется, молодым бойцам, только что призвавшимся в армию, зачастую было и невдомек, что овладение противогазом — одно из первейших требований к бойцу, так же как умение стрелять из винтовки. Здесь как раз и требуется от командиров умелый и тонкий подход, объяснение всех сторон этой науки.

Как повелось, я проводил время в частых командировках, не зависящих от капризов погоды, в напряженной учебе молодых бойцов и командиров, когда произошло два события — присвоение мне воинского звания «полковник» и назначение командиром батальона противохимической обороны (ПХО) Калининского военного училища химической защиты РККА. Вместо меня прибыл после окон-

чания Военной академии химической защиты РККА майор Иващенко.

В то время наша страна пережила бои на озере Хасан (1938 год) и на реке Халкин-Гол (1939 год). С каждым днем все возрастала опасность возникновения новой, более масштабной войны.

И в этих условиях все шло к тому, что части противохимической обороны должны были достичь такого уровня подготовки, которого требовало время.

В своих выступлениях перед красноармейцами я всегда старался разъяснить им, что наша армия стояла и стоит на позициях защиты от химических средств противника, и в этом деле успех будет за тем, кто умеет успешно организовать противохимическую оборону, от четкости и слаженности действий.

Перед отъездом с Дальнего Востока я пошел на Амур. Река так же степенно и неторопливо катила свои холодные воды, местами на ее всхолмленной поверхности вспыхивали отсверки.

Шесть лет... Шесть лет прошло с тех пор, как я вместе с батальоном прибыл в эти края. Вспомнились строптивые речки Шилка и Аргунь, вспомнился весь Амур от истока до устьев — Сретенск, Благовещенск, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре. Доведется ли мне когда-нибудь свидеться с вами!

Прощай, Дальний Восток — Татарский пролив, Александровск-на-Сахалине, Оха — край богатейший, красивейший и неповторимый.

В ГРОЗНОМ 41-М

Огромное ярко-лучистое солнце недвижно застыло над головой, медленно кружится высокое белесое небо с тающими облаками, отступают исподволь безмятежные зеленые берега с бархатной травой; прозрачная голубая вода, вспениваясь и расходясь широкими волнами, стремительно уходит вдаль. Тихо, покойно и светло. Мы с женой Ниной Ивановной и сыном Олегом стоим на борту флагманского теплохода, величаво движущегося по каналу имени Москвы от Калинина к столице.

Накануне, вечером 21 июня 1941 года я получил очередной отпуск и выехал вместе с семьей в Москву для получения в Главном медицинском управлении РККА путевки в один из крымских санаториев.

Мы пребывали в благодушном настроении, предвкушая скорое свидание с жарким южным солнцем, теплым морем и ароматом пальм и кипарисов.

Но утром следующего дня на теплоходе возникло странное оживление: беспокойно сновали взад-вперед члены команды, слышались возбужденные голоса. А в середине дня, в 12 часов, по радио было передано правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на СССР.

Отчетливо помню: смертно-бледное лицо жены, кричаще-растерянные глаза пассажиров. Сердце заходило ходуном, разум отказывался верить в услышанное.

Предвоенная обстановка была такова, что мы были готовы к мысли о войне, однако так велико было в нас чуство неверия, что фашисты решатся на это, что в пер-

вую минуту, по правде сказать, растерянность читалась на лицах почти у всех.

Палуба быстро заполнилась народом, и партийный комитет корабля организовал митинг. Выступившие на нем секретарь парткома, члены команды и пассажиры громко, в один голос говорили о необходимости остановить врага, оказать ему достойный отпор.

Так как среди военных старше всех по званию оказался я, предоставили слово и мне.

С трудом справившись с волнением, я коротко обрисовал обстановку, сделав упор на том, что Красная Армия готова к отражению врага. Долг всех защитников Родины, говорил я, сплотиться вокруг родной партии и без паники, без суеты вложить, каждый на своем участке, все силы в дело победы над врагом. Народ наш непобедим.

Добравшись до Москвы, в тот же день я отбыл обратно в часть.

Запомнились прозрачная легкость долгого дня, слабое жужжание шмелей в рассадке цветов, молчаливая живость улиц, чеканный перестук каблуков на пешеходном мосту, когда я вдруг натолкнулся на лейтенанта Б. В. Абрамцева, спешившего куда-то по заданию командира.

Перекинулись двумя-тремя словами и расстались.

Положение сложилось очень серьезное. Враг в ряде мест прорвался далеко вперед. Наши отчаянно обороняются.

В училище занятия шли своим чередом. Коридоры пустовали.

У начальника училища полковника И. Индюшкина в тот момент находились комиссар училища тов. Батылев и комиссар нашего батальона старший политрук Ф. Н. Никольский — казахстанец, родом из Лениногорска, бывший комсомольский работник.

Руководство училища информировало об обстановке на фронте и предложило нам привести в боевую готовность батальон ПХО, для борьбы с вражескими десантниками и диверсантами.

Наш батальон до войны был на хорошем счету. В ходе проверки он получил высокую оценку Главного управления РККА. По боевой, политической и лыжной подготовке занимал в училище первые места. Славилась и наша художественная самодеятельность.

Во многом это объяснялось тем, что был высококвали-

фицированным руководящий состав батальона: первый заместитель комбата майор Т. М. Уласевич окончил в свое время Военную Академию химзащиты РККА, второй заместитель Ефремов, командиры рот В. А. Коравин, Веселов, Куроедов и командир отдельного взвода Саботаж — имели весомый опыт практической работы в войсках.

В мае 1941-го в училище состоялся выпуск молодых командиров-лейтенантов. Многие из них в одночасье попали на фронт и провели всю войну в химических частях.

Любо было смотреть на курсантов — все как один, рослые, подтянутые, красивые. Только грустно становилось от мысли, что им уготована незавидная, трудная судьба.

Вскоре училище перебралось в летний лагерь за Волгой для проведения боевых стрельб, тактических и технических занятий, совершенствования боевой и политической подготовки бойцов.

Тем временем обстановка на фронтах становилась все напряженнее и сложнее.

Командование училища держало личный состав в постоянной готовности, учебные занятия проводились максимально приближенно к боевым условиям.

20 июля меня вызвали в Москву, и я выехал за предписанием.

Предполагая, что я буду служить в действующей армии, через две недели после начала войны я отправил семью в Уфу — на родину жены. Там им, эвакуированным, военкомат отвел помещение для жилья. Жена работала, сын учился в школе. Семья находилась в Уфе до 1944 года, а потом вернулась в Москву.

В Главном Военно-химическом управлении РККА полковник Новоселов вручил мне предписание с назначением на должность старшего помощника начальника отдела химзащиты войск Западного направления.

Через два дня я добрался с попутным транспортом в штаб главкома Западного направления, находившийся в окрестностях г. Вязьма.

Был ласковый, солнечный июльский день, и на первый взгляд, ничто не говорило о войне. Только частота прибывающих и убывающих машин и несколько наших «тридцатьчетверок», застывших в тени домов, да защитная сетка ПВО напоминали о суровом времени.

Я оставил на контрольно-пропускном пункте шинель и

чемоданчик и, оглядевшись вокруг, пошел на командный пункт. Там я встретил начальника штаба войск Западного направления Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова, чрезвычайно интеллигентного человека. Будучи одним из крупнейших военных специалистов нашей страны, он перед войной командовал Военной академией имени Фрунзе. В мае 1918 года он добровольно вступил в ряды Красной Армии и непосредственно участвовал в разработке планов разгрома войск Деникина, Юденича, панской Польши. Обладая необычайными знаниями военной стратегии и тактики, он был сторонником гибкого маневрирования войсками, сочетания в одной операции нескольких родов войск. После гражданской войны он командовал войсками Ленинградского, Московского и Приволжского округов, затем более трех лет работал начальником Генерального штаба РККА. Создав огромный трехтомный труд «Мозг армии», он произвел ряд теоретических обобщений, которые продвинули наше военное искусство на много шагов вперед. В отношениях с подчиненными он отличался высокой учтивостью и тактом, сочетающимися с взыскательной требовательностью. Борис Михайлович сидел, склонившись над какими-то документами и время от времени что-то помечал в них. Лицо его было сосредоточено и серьезно.

В оперативном управлении штаба мне указали местонахождение отдела химзащиты войск Западного направления. Прибыв туда, представился своему непосредственному начальнику, генерал-майору технических войск Акиму Герасимовичу Вязаничеву, опытнейшему военному химику, которого я знал еще по Москве. Генерал подробно ознакомил меня со сложившейся обстановкой на фронте, акцентировав внимание на задачах нашего отдела химзащиты.

Мы детально обсудили список первоочередных мероприятий, на проведении которых жестко настаивало время. Прежде всего надо было укомплектовать личный состав отдела, обеспечить его транспортом, оборудовать место работы, наладить связь с подчиненными частями, соединениями и объединениями. Одним словом, предстояло все создавать заново.

Начало работы затрудняло отсутствие транспорта — не было ни лошадей, ни машин, и связь с частями поддерживалась только по телефону и телеграфу.

Фронтовые условия в тот период менялись стремительно, и каждый день вносил свои коррективы.

И когда в начале августа наш отдел химзащиты был упразднен, мы с генералом А. Г. Вязаничевым не выразили при этом особого удивления. Сожаление вызывало лишь то, что, успев сдружиться и сработаться, мы разъезжались по разным пунктам назначения.

Из штаба войск Западного направления меня откомандировали начальником отдела химзащиты Оперативной группы войск генерала К. К. Рокоссовского, которая сражалась в районе Ярцево. Сам же командующий группой находился в это время в районе Смоленска, где руководил операцией по выводу из окружений 20-й и 16-й армией. А несколько дивизий его группы вели оборонительные бои с целью задержать продвижение противника на Москву.

Ознакомившись с обстановкой на боевых участках группы, я выехал с проверкой состояния химзащиты в одну из дивизий, от действий которой зависел успех ближайших боев.

На мотоцикле по дороге, изуродованной рытвинами и ухабами, я с трудом дотянул до штаба, где ко мне присоединился начальник химслужбы дивизии.

Пока мы добирались до передовой, взгляд то и дело натыкался на большие полосы выжженной земли, глубокие воронки от бомб, брошенную военную технику. Все это производило тягостное впечатление и особенно при свете догорающего заката.

На передовой меня поразила безмолвная тишина. Не то, чтобы выстрелов, не было даже признаков того, что здесь идут бои. Возникало впечатление, что фронт ушел далеко вперед.

Невдалеке, в кустах зачирикала какая-то птичка. Начальник химслужбы дивизии, указывая на нее рукой, сказал:

— А они остались такие же как в прежней жизни.

И тут, словно отвечая на его слова, на открытое место вылетел черно-серый, взъерошенный, взлохмаченный воробей. Приземлившись на невысокую кочку взрыхленной земли, он беспокойно попрыгал из стороны в сторону и, всполошенно покрутившись на месте, вспорхнул в темнеющий воздух и куда-то улетел.

— Да-а,— печально покачал головой начальник хим-

службы.— Никого не пощадила война. Никого не оставила в стороне. Никого...

Затишье, как выяснилось позже, оказалось временным. Уже на следующий день земля задрожала от гулких взрывов снарядов и уханий мин, а воздух летнего дня пронзил сухой неумолчный перещелк ружейно-пулеметной перестрелки.

В поднявшемся шуме и грохоте мы переходили от батальона к батальону и проверяли, как организована у них химзащита. Результаты были безрадостны; в некоторых ротах не доставало противогазов и других средств защиты, уровень противохимической обороны был очень низок. Об этом и было доложено командиру дивизий, который тотчас же дал указание немедленно обеспечить красноармейцев и командиров индивидуальными средствами защиты, а в короткие часы передышек ознакомить и обучить личный состав приемам и средствам химической защиты.

Проведя несколько дней в этой дивизии, я вернулся в штаб, где мне предложили представиться командующему войсками опергруппы и 16-ой армии генералу К. К. Рокоссовскому. Первая моя встреча с этим мужественно красивым, отважным и энергичным командиром произошла, как я уже писал, в Забайкалье, где он командовал кавалерийской дивизией. Он вывел из окружения в районе Смоленска войска 16-й армии и, объединив ее с оперативной группой, вступил в командование ею. Командующим 20-й армии, тоже выбравшейся из окружения, был назначен другой генерал.

Тогда начальником отдела химзащиты 16-й армии был полковник Демьянов. И потому командующий армией генерал К. К. Рокоссовский предложил мне отбыть в распоряжение отдела кадров Западного фронта. Но и оттуда меня вскоре откомандировали в Москву из-за отсутствия вакансии.

Во второй половине августа в отделе кадров Главного Военно-химического управления мне вручили предписание с назначением на должность старшего помощника начальника отдела химзащиты Центрального фронта.

Пока я добирался, Центральный фронт в силу объективных причин был упразднен, а его полевое управление и войска были переданы в распоряжение командующего войсками Брянского фронта. В связи с этим я сразу же направился в отдел химзащиты Брянского фронта, кото-

рый тогда возглавлял подполковник В. Ф. Полыгалов. В ту пору в состав Брянского фронта входили 3-я, 13-я, 21-я, и 50-я армии. С большой остротой встала необходимость проверки состояния химзащиты войск фронта, их обеспеченности зажигательными бутылками, укомплектованности личным составом подразделений и частей химзащиты.

Этого со всей неумолимостью требовала возникшая угроза применения средств химического нападения противником. Газета «Правда» 22 июля 1941 года передала от Советского Информбюро вечернее сообщение, в котором говорилось: «15 июля, в боях западнее Ситня, что восточнее Пскова, при отступлении немецких частей, нашими войсками захвачены секретные документы и химическое имущество 2-го батальона 52-го минометного химического полка противника. В одном из захваченных пакетов находилась секретная инструкция НД № 199 «Стрельба химическими снарядами и минами» издания 1940 г. и секретные дополнения к инструкции, разосланные войскам 11 июля текущего года. Эти документы содержат тщательно разработанные указания по технике и тактике применения отравляющих веществ в большом масштабе. В дополнении к инструкции указывается на то, что химические войска получат новые минометы образца «40», калибра 10 сантиметров и образца «С», а также новые химические мины.

Захваченные частями Красной Армии германские секретные документы с исчерпывающей полнотой доказывают, что германский фашизм, предвидя неизбежный крах тактики «молниеносной войны», втайне готовит новое чудовищное злодеяние — широкое применение отравляющих средств. В действующих германских войсках имеются специальные химические части по отравляющим веществам».

Кроме того, было установлено, что частям Брянского фронта противостоит 53-й немецкий миномептный химический полк с аналогичным вооружением. Но отравляющие вещества в широком масштабе также могли применить авиация и артиллерия фашистской Германии, имевшие необходимые вооружения и боеприпасы.

В связи с угрозой применения отравляющих веществ противником, 13 августа 1941 года Народным комиссаром Обороны СССР тов. И. В. Сталиным был издан приказ,

в котором говорилось: «Зарвавшиеся озверелые немецкие фашисты интенсивно готовятся к применению отравляющих веществ против Красной Армии.

Готовясь применить это чудовищное оружие, они намереваются застать нас врасплох, вызвать растерянность и тем самым сломить стойкое сопротивление наших частей.

Чтобы этого не допустить, необходимо надежно организовать химическую защиту всех войск и привести в надлежащее состояние находящиеся в войсках средства защиты, дегазации, химической разведки и наблюдения...»

Далее в приказе четко формулировались задачи химической защиты войск:

«... Дегазационные батальоны реорганизовать в батальоны химической защиты...»

В стрелковых и кавалерийских дивизиях существующие химические роты реорганизовать в роты химической защиты...

Существующие в стрелковых полках взводы противохимической обороны реорганизовать во взводы химической защиты, усилив их дополнительно отделением химического наблюдения и разведки.

Запретить использование частей, подразделений и начальствующего состава химической защиты не по специальности.

Служба химического наблюдения и химической разведки, как неотъемлемая часть боевого использования войск, должна вестись непрерывно и поставлена так, чтобы могла своевременно разгадать намерения противника и уберечь свои войска от неожиданного нападения. Беспечность и недооценку химической опасности пресекать самыми суровыми мерами.

В кратчайший срок ликвидировать беспечное отношение к сохранению предметов химического имущества.

Командирам и комиссарам частей проверить состояние средств химической защиты и обеспечить наличие у каждого бойца и командира исправных противогазов, всячески популяризируя в широких красноармейских массах серьезное значение дела химической защиты...»

«Военным Советам армий и фронтов и Главному военно-химическому управлению Красной Армии принять меры к обеспечению всех частей средствами химической защиты...

Всем командирам и комиссарам дивизий, Военным Советам армий и фронтов, начальнику Главного Военно-химического управления Красной Армии донести мне к 25 августа с. г. о выполнении настоящего приказа».

Приказ № 0285 я привел почти полностью, исходя из того факта, что в дальнейшем он явился красной нитью всех дел и свершений военных химиков. Не надо говорить, как явственно ощутима из него была нависшая над действующими войсками опасность химической войны.

За приказом Народного Комиссара Обороны последовал приказ командующего войсками Брянского фронта, из которого приведу два наиболее важных пункта:

а) научить весь личный состав пользоваться индивидуальными средствами химической защиты;

б) научить всех бойцов и командиров бросать связки гранат и бутылки «КС».

Нам, военным химикам, был ясен внутренний смысл этих приказов: ход войны мог повернуться таким образом, что перевес в ней был бы на стороне того, кто подготовлен к химической войне.

Это многое меняло и со всей очевидностью означало, что химические войска не будут более пребывать на положении «пасынка» и перед ними воздвигнуты не менее сложные задачи, чем перед основными — пехотой, танковыми войсками, артиллерией, авиацией и др.

А задачи были предельно конкретны, от них требовалось: своевременно разгадать намерения противника и уберечь свои войска от неожиданного химического нападения; не допустить растерянности в войсках в случае применения противником отравляющих веществ; пресекать беспечность и недооценку химической опасности; организовать регулярную химическую разведку противника; обеспечить каждого бойца и командира исправным противогазом; реорганизовать существующие части и подразделения химических войск в части и подразделения химической защиты.

Мне было отпущено два дня на ознакомление с делами, а на третий — я выехал на проверку состояния химзащиты войск 3-й армии и боеготовности 46-го отдельного батальона химзащиты, находившегося в непосредственном подчинении командующего фронтом.

«Виллис» сначала уверенно катил по сохранившейся грунтовой дороге, временами ныряющей в неглубокие

ложбины, поросшие жиденькой, чахлой травкой, временами взбирающейся на невысокие холмы, голые и слоистые, как пирог, затем свернул на стерню, щетинистую и издающую недовольное шипенье, и вскоре выехал на опушку леса, где расположился штаб 3-й армии. Посоветовавшись с руководством, я побывал в 280-й, 282-й, 269-й и 148-й формирующихся стрелковых дивизиях. Несмотря на то, что все еще находилось на стадии зарождения, дело с химзащитой в этих частях обстояло неплохо. Нарекания вызывало лишь то, что в некоторых полках были недоукомплектованы взводы химзащиты, а 46-й отдельный батальон химзащиты довольно продолжительное время находился в стадии перевода на новое штатное расписание. Письменные акты по проверке были представлены мною соответственно командующему Брянским фронтом, командующему 3-й армией и командирам вышеуказанных дивизий.

В ходе проверки я знакомился больше с тем, как содержатся огнеметно-зажигательные средства. Многие тогда понимали, что при нехватке боевой техники и боеприпасов существенную роль в боях сыграют бутылки с зажигательной смесью: ранцевые (РОКС), фугасные (ФОГ) и танковые (АТО) огнеметы, и конечно, зажигательные бомбы, мины и огнефугасы.

Для использования в бою огнеметов формировались отдельные роты ранцевых огнеметов (ОРРО), фугасных огнеметов (ООР ФОГ) и отдельные батальоны танковых огнеметов.

Для того, чтобы добиться наилучших результатов при применении зажигательных средств, Народный Комиссар Обороны СССР утвердил 12 августа 1941 года специальную инструкцию по применению зажигательных бутылок. В ней указывалось: «Зажигательные бутылки — одно из самых простых и безотказных средств для уничтожения танков, броневых и транспортных машин, складов, самолетов на аэродромах и живой силы противника, расположенной в укрытиях и населенных пунктах. В руках смелого бойца зажигательные бутылки являются грозным оружием. Они способны не только нанести поражение, но и вызвать панику в боевых порядках противника».

Как покажут бои, советский воин с присущей ему отвагой и смекалкой применит зажигательные средства. Не раз в тылу врага устраивали внушительный фейерверк

огня, шума и взрывов наши бесстрашные разведчики и партизаны.

Я был чрезвычайно обрадован, когда узнал, что в составе войск Брянского фронта имеется специальная лабораторная машина АЛ-2, которая перешла к нему от Центрального фронта.

Начальником лаборатории был военный инженер 3-го ранга Константин Васильевич Бажанов, его помощником — младший лейтенант Алексей Васильевич Фортунатов, шофером машины — старшина Борис Куропаткин. Через месяц, в сентябре сорок первого, был сформирован новый состав химической лаборатории Брянского фронта. Начальником ее был назначен военный инженер 2-го ранга Моисей Львович Левин, его помощником — лейтенант Андрей Александрович Воеводский. Это были опытные, дельные и знающие специалисты, всецело сознающие всю тяжесть выпавшей на их долю ответственности.

Восстановление работоспособности лаборатории было отрадным фактом.

И как позже покажет время, деятельность такого важного звена химической защиты войск, как работа химической лаборатории, была одним из важных мероприятий, предпринятым нашим командованием своевременно и обоснованно.

Вначале, осенью сорок первого, как я уже упомянул, химическая лаборатория фронта состояла только из одной лабораторной машины АЛ-2, которую обслуживали четыре человека. Левин осуществлял общее руководство работой лаборатории. Понятно, что ее возможности были ограничены.

В ту пору лаборатория дислоцировалась при штабе фронта в густом сосновом лесу. На первый взгляд ничто не говорило о напряженной работе: мягкое, ласковое оцепенение царило в воздухе, разноцветное убранство кустов жимолости и боярышника неожиданным тихим пожаром разбежалось по поляне и, наткнувшись на неодолимую стену зеленых сосен, как бы приостановилось в задумчивости. Было тихо, солнечно, возникало особое настроение свободы, ожидание радости, и только доносившиеся откуда-то из-за горизонта приглушенные артиллерийские раскаты возвращали к суровой действительности. И хотя не было слышно резких команд, не ощущалось суматохи, в машине, и формой своей и устройством отличной от обычных грузовых, в истом напряжении шла работа: произво-

дился анализ проб и образцов военно-химического имущества.

Около трех дней я пробыл с ребятами из лаборатории, беседуя, спрашивая, объясняя им задачи.

И хотя химическая война не велась, угроза ее возникновения существовала ежечасно. Данные разведки и анализ захваченных трофеев подтверждали это. В этих условиях насущно и до крайности необходимо было сплотить и организовать такой коллектив лаборатории, который в любых погодных и боевых обстоятельствах — в непогодицу, во время горячего боя — мог выдать штабу фронта первоначальную, оперативную, технически грамотную оценку готовности противника к химической атаке. Кроме того, химическая лаборатория в эти дни была призвана определить качество огнесмесей и дымовых средств, находившихся у нас на вооружении.

В конце осени лаборатория была передислоцирована в г. Карачев, расположенный на трассе между Орлом и Брянском. Там она разместилась в школьном здании. В этот период она была укомплектована необходимым оборудованием и реактивами за счет оставшегося химического имущества эвакуированного Брянского педагогического института.

Затем, когда штаб фронта перебрался в г. Липецк, лаборатория тоже переместилась туда, заняв здание металлургического института.

Командование фронта, памятуя о нависшей опасности химической войны, предпринимало все усилия для расширения фронтовой лаборатории и создания ее стационара, обладающего гораздо большими возможностями, чем подвижная лаборатория АЛ-2.

Вскоре фронтовая лаборатория была вновь укомплектована дополнительным химимуществом: малогабаритными лабораторными столами, вытяжным шкафом с электрической и ручной вентиляцией, аналитическими весами, посудой, нагревательными приборами, различными инструментами и реактивами. Кроме того, из Москвы были получены некоторые специальные приборы и установки, главным образом, для анализа средств противохимической защиты. Возникла также возможность вовсю развернуть работу по совершенствованию составов огнесмесей. Лабораторная машина АЛ-2 стала оперативной частью фронтовой лаборатории.

Летом 1942 года лаборатория была передислоцирована

в г. Раненбург (сейчас г. Чаплыгин). Ее стационар расположился в помещении эвакуированного детского сада.

Тогда же фронтовая лаборатория была переименована в стационарную фронтовую испытательную химическую лабораторию (СФИХЛ) Брянского фронта, и ее штат был доведен до 18-20 человек. В ней были организованы следующие отделения: аналитическое, средств противохимической защиты, огнеметных и зажигательных средств.

Определились и основные задачи лаборатории. Главной из них являлось поддержание лаборатории в постоянной боевой готовности к оперативной работе по сбору и анализу различных проб и образцов военно-химического имущества, захваченных у противника и свидетельствующих о его подготовке к ведению химической войны, а в случае ее начала — оперативный анализ проб применения им отравляющих веществ, оценка масштабов заражения.

Вместе с тем, шла напряженная боевая учеба личного состава, так как большинство сотрудников лаборатории были призваны в действующую армию прямо из научно-исследовательских институтов и не являлись кадровыми военными химиками.

Постоянно проводилась проверка навыков у личного состава по овладению им методикой анализа проб отравляющих веществ. Немало внимания уделялось и совершенствованию оборудования.

Летом 1943 года лаборатория перебралась в город Орел, освобожденный войсками Брянского фронта. Оперативная группа лаборатории в составе трех человек на АЛ-2 во время наступления наших войск находилась при штабе фронта и по заданию начальника химотдела фронта выезжала в освобожденные районы.

Позже СФИХЛ, войдя в состав 2-го Прибалтийского фронта, по мере наступления наших войск перемещалась со штабом фронта и размещалась в городах Великие Луки, Новосокольники, Резекне, Митава.

В ходе войны в лабораторию постоянно поступали для анализа и заключения образцы военно-химического имущества противника и другие трофейные образцы: учебные отравляющие вещества (наборы) и их имитаторы, средства индикации ОВ, комплекты и средства противохимической защиты (противогазы, накидки, костюмы), индивидуальные пакеты, средства дегазации; сигнальные и дымовые шашки, артиллерийские снаряды и мины. Число образцов особенно увеличилось во время наступления наших войск

в 1943 году. Их анализ производился не только стационарной лабораторией, но и оперативной группой АЛ-2, следующей непосредственно за наступающими войсками. К примеру, в районе города Орла ею был обследован артиллерийский склад противника, в котором предполагалось наличие боеприпасов с ОВ.

Весной 1943 года в период затишья в войсках фронта была проведена подробная проверка технического состояния средств противохимической защиты. Выборочно на месте проверялось техническое состояние находящихся в личном пользовании солдат и офицеров противогазов, условия их хранения и умение пользоваться ими. Проверка охватывала и подразделения, расположенные на переднем крае обороны. Также в тот период были заменены индикаторы и реактивы с истекшим сроком годности на новые.

Большую работу СФИХЛ производила по созданию более эффективных огнеметно-зажигательных рецептур для фугасных огнеметов. Например, была разработана новая рецептура, обеспечивающая большую дальность огневой «струи», продолжительность воздействия и высокую температуру горения.

Регулярно проводились сборы специалистов армейских лабораторий. На них обсуждалась проведенная работа, текущие задачи, изучались образцы трофейного химимущества, производилось знакомство с новыми методиками анализа.

Следует отметить, что фронтовая химическая лаборатория поддерживала постоянную связь с Московским научно-исследовательским институтом. Сотрудники лаборатории ежегодно командировались в институт для консультаций, ознакомления с новыми методиками, за получением оборудования и реактивов.

На мой взгляд, фронтовая химическая лаборатория на протяжении всей войны функционировала умело, грамотно и оперативно, обеспечивая штаб фронта нужной информацией.

В середине сентября 1941 года я был назначен исполняющим обязанности начальника отдела химзащиты 3-й армии. Но через день после прибытия на место, 16 сентября, был отозван отделом кадров Брянского фронта. Будучи прикомандированным к отделу химзащиты Брянского фронта, в конце сентября я получил задание возглавить группу из четырех автомашин, доставить на них зажигательные бутылки и другое химическое имущество

в войска левого крыла фронта (Дмитриев-Льговская оперативная группа под командованием генерала А. Н. Ермакова, 13-я армия и другие) и проверить состояние в них химзащиты. Ехали медленно, дороги все были заторены обозами, техникой, то и дело налетали «мессершмитты», словно хищные ястребы, выискивающие свою жертву. На свой страх и риск мы иной раз, не останавливаясь, мчались по целине, словно мышкующая лиса, застигнутая далеко от норы, но «немец» был коварен и упрям, возвращаясь раз за разом, бомбил упорно наши машины, а когда кончался груз, обстреливал на пулемета и, покачивая насмешливо крыльями, улетал восвояси. Когда мы все же, несмотря на все препоны и трудности, добрались до места и я передал все документы из грузы начальнику химзащиты опергруппы майору В. В. Панкову, вместе с ним мы прошлись к машинам, забрызганным грязью и сиротливо стоявшим в сторонке. Помню его удивленное лицо, когда из борта одной из машин посыпалась деревянная труха и выпала пуля. «Однако же, вам и досталось!» — воскликнул он, подразумевая, что пережить и уйти от «мессера» — удача не меньшая, чем выйти из зоны, находящейся под обстрелом снайпера противника.

На этом участке фронта тишина то и дело прерывалась хаотичной, беспорядочной стрельбой. К моему удивлению, рассвет на передовой ничем не отличался от мирных рассветов. Так же тихо розовел восток, разбросав по небу и по земле причудливого цвета краски, так же неподвижен в дремотном оцепенении был серый воздух, и так же земля, притихшая и неоглядная, была особенно близка...

На другой день я выехал с проверкой состояния химзащиты частей и подразделений одной из дивизий опергруппы. По возвращении я доложил о результатах проверки начальнику штаба группы полковнику Ивашичкину (командующий в это время был в отъезде), затем я отправился в Курск, где встретился с представителем Генерального штаба РККА генерал-майором Тихомировым, человеком открытым, добросердечным и тактичным, он изучал обстановку на левом крыле Брянского фронта и, не считаясь со временем, организовывал оборону Курска.

Я застал его за важным разговором с представителями Курского обкома ВКП(б). Речь шла об эвакуации крупных промышленных предприятий города.

Когда мы остались наедине, генерал Тихомиров буквально засыпал меня вопросами. Он живо интересовался

настроением в войсках, состоянием химзащиты Брянского фронта, степенью подготовки командиров и красноармейцев к обороне от возможного химического нападения противника.

В конце разговора он сказал:

— Вы понимаете, как эффективны в бою зажигательные бутылки. Поэтому не приказываю, убедительно прошу, обеспечьте прибывающие в Курск войсковые соединения необходимым количеством таких бутылок.

— Будет исполнено.

В тот же день я приступил к выполнению этого задания. Зажигательные бутылки были выданы представителям дивизий и полков прямо с заводов, занимавшихся их изготовлением. Ответственным за производство этих средств в г. Курске был в то время научный сотрудник фронтовой химлаборатории лейтенант Фортунатов. Зажигательными бутылками были также снабжены левофланговые дивизии 13-й армии.

Во второй половине октября дороги размыли нескончаемые проливные дожди. Земля блестела от луж. Это затрудняло продвижение машин.

В такой час я получил еще одно задание: доставить в г. Щигры несколько автомашин с грузом. Железная дорога, судя по всему, была загружена до предела, а дороги представляли собой совсем плачевную картину. Но я решил рискнуть несмотря ни на что. И получив разрешение у генерала Тихомирова, отправился с машинами в Щигры. Чем дальше мы продвигались на восток, тем больше распутица давала знать о себе. Каждый метр давался с трудом, колеса машин в некоторых местах полностью погружались в рытвины, и только встречные машины вытягивали их, выручая из неприятности. Только возле показавшихся вскоре высоких металлических ворот какой-то МТС с облегченьем перевели дух. Тогда я решился прибегнуть к помощи трактористов. С трудом отыскав их, объяснил ситуацию и попросил об услуге. Через час, два трактора ЧТЗ буксировали прицепы с нашими машинами. Позднее один из трактористов — Поляков — был зачислен водителем спецмашины в 78-й отдельный батальон химзащиты. Это обстоятельство или, точнее, право им было, надо сказать, выстрадано. Ибо, как он ни просился, его не отпускал на фронт председатель колхоза, мотивируя тем, что надо переправить на восток имущество колхоза.

Прибыв в Щигры, я узнал о пребывании там временно

исполняющего обязанности командующего Брянским фронтом генерала Г. Ф. Захарова в сопровождении оперативных работников штаба. Представившись ему, я справился о своих обязанностях. Он поручил мне работу в штабе.

Дни тогда стояли сплошь ненастные. Дождь лил как из ведра, и одно сокровенное желание казалось владело всеми — забраться в теплую уютную комнату, где нет иных звуков, кроме звуков недавнего тихого мирного дня, и спать. Но что-то горячожесткое, пружинное сидело внутри, владело тобой, и не было никакой силы, которая бы удержала тебя, и, ты превозмогая смертельную усталость, поднимался и шел, и лицо твое было странным, выражающим нечто особенное, решительное; и не было тебе покоя в этот день, в другой, и в последующие, ибо происходило такое, что касалось не только тебя, твоей семьи и близких — это касалось всех, и прежде всего той, которая приходится матерью всем, твоей прекрасной Родины.

Я с головой был погружен в работу. Конечно, к этому мне было не привыкать, но, по совести говоря, нагрузки были до того тяжелые, что порой приходилось ложиться без ужина, лишь бы коснуться подушки...

Так, в один из дней меня вызвали к генералу Г. Ф. Захарову. Без обиняков и вступления, он предложил мне занять должность начальника отдела химзащиты Брянского фронта. Теперь я ясно вспоминаю этот день — 28 октября 1941 года — потому что в тот день на удивление установилась сухая теплая погода, расстаял сизый бескровный туман, привычно повисающий над землею, растаял в мгновение ока, все вокруг заиграло, засверкало чудными красками, и бойцы, и командиры, словно молодая трава на заре, кучно высыпали в широкий двор штаба, усеянный сверкающими лужами.

Новое назначение пришлось в чрезвычайно трудный момент. В ту пору на правом фланге Брянского фронта против нашей 50-й армии, оборонявшей Тулу, противник выдвинул несколько свежих танковых дивизий, а частью сил атаковал наши войска, оборонявшие город Ефремов. В создавшейся обстановке важно было и оживление деятельности наших войск химзащиты. Памятуя об этом, я распорядился о передаче 50-й армии и другим частям Тульского боевого участка 14 300 бутылок с огнесмесью. Но этого оказалось мало. И через неделю туда было направлено еще 23 500 бутылок с огнесмесью. По мнению

одного из офицеров, наличие зажигательных бутылок повышало уверенность и стойкость бойцов, оборонявшихся на этом участке против танков.

В эти суровые ноябрьские дни 1941 года обороной г. Тулы руководил начальник штаба Брянского фронта полковник Л. М. Сандалов, крупный военный тактик, ныне генерал-полковник в отставке, автор нескольких ярких книг о войне.

В район Ефремова по железной дороге срочно перебрасывались вышедшие из окружения под руководством командующего Героя Советского Союза генерала Я. Г. Крейзера и члена Военсовета Шлыкова части 3-й армии. В составе этой армии были 46-й и 73-й батальоны химзащиты,вышедшие из окружения отдельными разрозненными группами. Производственные базы бутылок с огнесмесью остались на оккупированной территории. Срочно возникла необходимость создания таких баз в городах Тамбове, Маршанске, Воронеже. Собирая и упорядочивая части, вышедшие из окружения, мы в первую очередь уточняли потери химимущества и случаи выявления у противника средств химического нападения. Это было важно для оценки обстановки.

Вскоре реорганизованные части 3-й армии сосредоточились в районе г. Ефремова и в напряженных боях сдержали натиск остервенело рвущегося вперед врага. На левом фланге войска 13-й армии все же отошли на рубежи в районе сел Жадное и Архангельское, реки Тим.

В этих тяжелых условиях Ставка Верховного Главнокомандующего 10 ноября 1941 года приняла решение переподчинить войска 50-й армии командующему Западного фронта, а 3-й и 13-й армии — Главнокомандующему Юго-Западным направлением. Штаб же Брянского фронта было решено расформировать.

Тем временем противник продолжал свое продвижение на восток, и его передовые части уже приближались к Кашире, Зарайску, Михайлову, Серебряным прудам, войска 13-й армии вели в кровавом горячечном тумане бои за удержание г. Ельца.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко создал Военно-полевое управление Юго-Западного фронта из личного состава бывшего штаба Брянского фронта для руководства боевыми действиями 3-й и 13-й армий. Наряду с другими управле-

ниями, был сохранен в полном составе и отдел химзащиты, но теперь он выполнял задачи отдела химзащиты Юго-Западного фронта. Об этом решении сообщил в своем письме войскам 14 ноября 1941 г. начальник отдела химзащиты Юго-Западного фронта генерал-майор технических войск Д. Е. Петухов. В душе я обрадовался, узнав, что мой бывший однокурсник и друг воюет где-то рядом. Хотя... война тем и ненавистна, мне кажется, людям, что умертвляет надежды: увидеться, поговорить с близким человеком на ней, может, и не доведется никогда. Письмо генерала Петухова создало атмосферу уверенности в работе, прояснило ближайшие задачи. Работники нашего отдела срочно выехали в войска, чтобы проверить состояние химзащиты и изучить их нужды в зажигательных и дымовых средствах.

Данные, собранные работниками отдела, были изучены и обобщены. В результате был издан приказ по войскам Юго-Западного направления об усилении химической защиты войск и формировании рот и взводов химзащиты. В нем также была предусмотрена организация химзащиты штаба Военно-полевого управления.

Среди казахов бытует пословица: в руках умельца и снег загорится. И вот из 13-й армии потянулись в штаб радостные вести. Ей было направлено 2800 зажигательных бутылок и 550 противогазных сумок, и как явствовало из сообщений, не случайно. Бойцы этой армии применяли зажигательные бутылки, где только было можно, уничтожали ими танки и автомашины фашистов, закидывали ими дзоты и дома, где располагался враг, находчиво использовали в разведке.

И здесь надо подчеркнуть: бойцам удалось преодолеть ту естестенную для любого человека боязнь, которая возникала от незнания приемов обращения с горючей смесью. Многие из красноармейцев впервые видели зажигательные бутылки и страшились того, что бутылка взорвется в руках или в воздухе. Я сам был свидетелем такого эпизода, когда один из бойцов поджег бутылку, а она выскользнула из его рук, упала на землю. Боец в страхе рухнул ниц, прикрыв рукавами шинели голову. Рядом со мной тогда был один военный химик в звании старшего лейтенанта (фамилии его, к сожалению, не помню). Он стрелою, безоглядно метнулся к бутылке с горючей смесью, проворно ухватил ее за горлышко и отбросил ее далеко в сторону. Громыхнул взрыв. Перепуганный до смерти, боец, словно лишился язы-

ка, молчал. Позже мы узнали, что хотя боец действовал сторого по инструкции, бутылка с горючей смесью выскользнула из его рук. Бока у нее были мокрые от пролитой жидкости. Весть об этом случае побежала из части в часть, и вскоре бойцы, приноровившись, первым делом обтирали бутылку соломой или тряпкой.

И так было поначалу почти всюду. Эти случаи призывали нас, военных химиков, улучшать разъяснительную работу в войсках, обстоятельно обучать бойцов приемам обращения с зажигательными средствами.

Но прошло время, и наши воины довели до совершенства приемы использования таких средств, достигли в этом деле поразительных эффектов.

Особенно ярко это проявилось в начале разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

Тогда я оказался в селе Долгое, на участке боевых действий 3-й армии. В ту пору эта армия, как и все другие армии Западного фронта, после долгих отходов собирала силы для решительного контрнаступления. От нас требовалось обеспечить наступательные действия наших войск в химическом отношении.

Этого дня с великим нетерпением ждал весь наш народ, вся наша армия, все порабощенные гитлеровцами народы.

И он пришел.

6 декабря на рассвете мороз, набравший силу ночью, не спал, а давал о себе знать нескончаемым треском промерзлых берез, хрустом заледеневшего снега. Все небо на востоке заполыхало причудливым багрянцем, в глубоком синеватом снегу потонули окрестные поля.

На нашем участке первыми пошли в наступление войска оперативной группы под командованием генерал-лейтенанта Костенко и части 13-й армии. Через день ринулись вперед, упорно ломая оборону противника, части 3-й армии. В образовавшийся прорыв были брошены танки, следом двинулась пехота. Правее нас устремились на врага 61-я и 10-я армии, 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Еще правее — войска 50-й армии. В течение нескольких дней наши войска продвинулись вперед на широком участке от Тулы до Ельца.

Резкое изменение обстановки обусловило переход химической службы войск к новому состоянию. Все офицеры отдела химзащиты фронта, в том числе и я, спешно выехали в армии и дивизии. В любую минуту можно было ожидать применения противником химического оружия. От

нас, химиков, требовалось подготовить к этому наши войска, разузнать о возможности химической атаки противника на том или ином конкретном участке. Следуя с нашими передовыми частями, мы присутствовали при допросах пленных немцев, кропотливо изучали захваченное трофейное вооружение, химическое имущество и документы. Большую ощутимую помощь в сборе сведений о намерениях противника оказывали нам партизаны, подпольщики, гражданское население.

Результаты боев тех дней показали, что химическая служба войск фронта подошла к наступательной кампании, подготовленной и организованной. Ею велась трудная и непрерывная работа по химической разведке и наблюдению, по быстрому восстановлению потерь личного состава взводов и рот химзащиты, по снабжению химимуществом и зажигательными средствами воинских частей.

Все это послужило подспорьем для успешных действий наших войск. Только за три с половиной месяца частями 13-й армии (начальник отдела химзащиты майор Н. Ф. Успенский — ныне генерал-майор технических войск в отставке) было уничтожено 55 танков, 7 бронемашин, 6 автомобилей противника, разрушено 31 строение, где окопались фашисты, 6 железнодорожных станций с элеваторами, занятых противником. Немало живой силы и боевой техники противника было выведено из строя 3-й и 50-й армиями. Например, 280-я стрелковая дивизия 3-й армии только за пять сентябрьских дней уничтожила 2 танка противника, а 269-я стрелковая дивизия этой же армии 4 танкетки.

Как уже говорилось, применение бутылок с горючей смесью требовало проявления настоящего мужества и героизма. И наши бойцы так просто и безоглядно шли на этот героизм, что притушевывались все несовершенства зажигательных средств. И только временами, когда обжигающий пламень боя оставался позади, бойцы, уставшие, запыленные, с толстым слоем копоти на лице, собирались вокруг кашевара, и сам собой заходил разговор о недавнем бое. Непостижимое уму и чувству удивление охватывало всех при рассказе какого-нибудь бойца о поединке с вражеским танком, и удивлялись при этом не действиям бойца, а тому, куда подевался страх; тому, что в тот напряженный момент не думалось о смерти или о славе, а всеми силами души хотелось одного — уничтожить врага.

Чтобы не быть голословным, приведу один пример. Для того, чтобы уничтожить танк бутылкой с горючей смесью, требовалось, прежде всего, пропустить его мимо себя, а укрываясь в щели или траншее — через себя, и только после всего этого прицелиться и метнуть бутылку в мотор машины, находившийся позади башни. И наши воины с честью выходили из поединка с бронированным чудовищем, фашистским танком «Тигр».

Такой героизм был свойственен только советскому человеку, сильному духом, сознательно борющемуся за свободу своего народа. В противовес нашим бойцам фашисты, завидев наши танки, издалека обращались в паническое бегство. А о применении ими зажигательных бутылок не заходило и речи.

Таким образом, наши войска, проявляя чудеса героизма и самоотверженности, изрядно потеснили противника.

Как известно, замысел контрнаступления под Москвой состоял в том, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившегося охватить Москву с севера и юга, и отбросить их подальше от столицы.

Перед войсками правого крыла Юго-Западного фронта, куда входили и мы, стояла задача разгромить Елецкую группировку гитлеровцев, и, развивая наступление на орловском направлении, содействовать войскам левого крыла Западного фронта.

Эта задача была выполнена блестяще. В результате стремительных ударов войск оперативной группы под командованием Ф. Я. Костенко, 13-й и 3-й армий, были разгромлены 45-я, 95-я, и 134-я пехотные дивизии гитлеровцев. Командир 134-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Кохенгаузен был убит[1].

За 10 дней, к исходу 16 декабря, наши войска продвинулись на 80—100 км и вышли на рубеж Любавша-Павловка-Ливны и далее — на юг по восточному берегу р. Кшень.

В эти дни нашими войсками было уничтожено 16 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено 150 орудий, 250 пулеметов, более 700 автомашин и много другой техни-

---

[1] Архив Министерства Обороны СССР, ф.-361, 1945 г., о-6079, д-39а, лл. 43,47.

ки. Была освобождена обширная территория с 400 населенными пунктами, в том числе городами Ефремов и Елец[1].

Чтобы улучшить управление армиями на Центральном участке фронта, Ставка Верховного Главнокомандования 18 декабря приняла решение о создании Брянского фронта в составе 61-й, 3-й, и 13-й армий. Его командующим был назначен генерал-полковник М. Т. Черевиченко.

После перегруппировки войска фронта развернули наступление в северо-западном направлении с ближайшей целью завершить разгром 2-й немецкой армии и продвинуться на рубеж Плавск-Чернь-Мценск.

К началу января они вышли на линию Белев — Мценск—Верховье, северо-западнее Ливны. На этом рубеже противник оказал ожесточенное сопротивление, и дальнейшее продвижение войск фронта прекратилось. Как только наступление наших войск остановилось, так сразу же началась подготовка к новой наступательной операции.

В эти дни всеобщего ликования к нам в отдел химзащиты Брянского фронта прибыл новый военный комиссар Сергей Алексеевич Филиппов. Между нами сразу же установились тесные дружеские связи.

Судьбы наши были сходные. Он происходил из бедной крестьянской семьи, около семи лет работал мальчиком-мастеровым по найму в Петербурге. До революции служил в царской армии, а в 1917-м участвовал в освобождении политзаключенных из Орловской тюрьмы. Затем в Орле в составе отряда ЧОН боролся с силами контрреволюции.

В 1931 году по призыву ЦК большевистской партии пять тысяч молодых коммунистов были направлены в высшие учебные заведения на учебу. Среди «тысячников» был и Сергей Филиппов, поступивший в Ивановский химико-технологический институт.

После окончания института в 1936 году Филиппов по направлению ЦК ВКП (б) работает начальником цеха завода имени В. И. Ленина в г. Казани. Когда началась Великая Отечественная война, С. А. Филиппов был направлен на высшие курсы усовершенствования политсостава Красной Армии, откуда прибыл на Брянский фронт. Сергей Алексеевич отличался завидной общительностью и умением расположить человека к себе. К нему часто об-

---

[1] История второй мировой войны 1935—1945 гг., М., Воениздат. 1975, т. 4, стр. 291.

ращались за советом как офицеры, так и рядовые солдаты, и он всегда находил время подробно и толково разобрать любой вопрос. Он часто выезжал на передовую, и как-то раз вышло так, что он оказался на позициях, которые попали под артиллерийский обстрел противника. Сергей Алексеевич проявил при этом редкую выдержку и хладнокровие. Он резко скомандовал подчиненным уйти в укрытие. Он был одним из тех, кто в любую минуту мог оценить общую обстановку.

В январе 1943 года Сергей Алексеевич был отозван в политуправление Брянского фронта, и на этом наша совместная работа прервалась.

Позже я узнал, что он работал начальником политотдела 9-й артиллерийской бригады РВК, старшим помощником начальника химического отдела 50-й армии, старшим помощником начальника химического управления 2-го Белорусского фронта, старшим помощником начальника химического управления Северной группы войск. Войну он закончил в Восточной Пруссии.

ПЕРЕД БРОСКОМ

Была зима сорок второго...

В предутренье на всем огромном заснеженном пространстве, где раскинулись друг против друга две гигантские противоборствующие силы — наша и фашистская, небо сливалось с землей, и все покрывала тревожная, чуткая тишина, и только в короткие минуты, словно разбуженная во время глубокого сна кровожадная собака, в этой молочной кипени люто взывала и яркими вспышками давала о себе знать война.

Но вот лениво, нехотя вздымалось косматое зимнее солнце, и позиции противников, испещренные рядами колючей проволоки и противотанковых рвов, ярко освещались его лучами и, как живой человек, словно бы приводили себя в порядок: щурясь, потягиваясь, воскрешая в памяти вчерашнее, а вспомнив и отрезвев ото сна, вновь принимались за нешуточную, гибельную затею — воевать.

В войне, как и во всяком деле, (мне открылось неожиданно) по закону нашей извечной матери-природы, периоды бурных, стремительных событий сменились размеренными, тягучими днями. Словно бы время остановило свой бег. Так было и тогда, когда после нескольких успешных наступательных операций войска Брянского фронта перешли к обороне. Но не было вместе с тем чувства, что все застыло, что угасло боевое напряжение, позиционные действия были для наших войск всего лишь передышкой, необходимой для нового стремительного броска вперед.

Для войск же химзащиты в ту пору не существовало

понятия «передышка». Они были в самом разгаре работы. Необходимо было проверить, все ли готово, чтобы обеспечить зажигательными средствами и химзащитой войска в наступлении, также следовало ознакомить с конкретными задачами химзащиты, изучить и улучшить транспортировку зажигательных средств. Для решения этих задач вместе с офицерами отдела я выехал на передовую. Мы перебирались из части в часть всеми доступными средствами передвижения: на «виллисах», на лошадях, пешком. Случалось, усталость буквально валила с ног, глаза слезились и распухали до красноты от вечной бессонницы. Но мы превозмогали себя, приказывая себе: только добравшись до следующей части (пятой, седьмой, а возможно, десятой за день) и разузнав о положении дел, можно прикорнуть на несколько часов. И было удивительно до крайности, что в тех условиях даже 2—3 часа крепкого сна придавали нам весомый заряд бодрости.

Только с 24 по 29 января я побывал с проверкой в 132-й, 148-й и 143-й стрелковых дивизиях 13-й армии. Ее результаты были отрадны — в этих частях регулярно велись химическая разведка и наблюдение, были установлены соответствующие сигналы для оповещения. Они были в должной мере обеспечены и средствами химзащиты. Таким же образом офицерами отдела были проверены 3-я и 16-я армии. О результатах проверки было доложено командующему войсками фронта генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко. На докладе пристутствовали член Военного Совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков, начальник штаба генерал-майор М. И. Казаков, начальник политуправления дивизионный комиссар А. П. Пигурнов. Затем произошло обсуждение доклада, на котором каждый из присутствовавших вносил предложения по улучшению состояния войск химзащиты, делал замечания. В частности, А. П. Пигурнов спросил об особенностях использования ампулометов. Я ответил. Позднее ампулометы будут применены для заброса агитационных листовок на позиции врага.

На основании этого обсуждения позже был издан приказ № 014 от 4 марта 1942 года, подписанный руководством фронта, об усилении службы химзащиты войск фронта.

Накануне ожидаемого наступления наши части были укреплены пятью отдельными огнеметными ротами фугасных огнеметов (ООР ФОГ). Командующий фронтом,

вызвав меня по этому поводу, стал подробно расспрашивать об особенностях огнеметания, о технических показателях фугасных огнеметов и других огнеметно-зажигательных средств, а в заключение беседы предложил организовать показ огнеметания из огнеметов. По приказу командующего 55-я и 56-я ООР были направлены в распоряжение командующего войсками 3-й армии, 57-я и 58-я ООР — командующего войсками 13-й армии, а 59-я ООР оставлена в резерве при штабе фронта.

5 марта 1942 года для Военных советов фронта и 3-й армии мной был организован показ струеметания из фугасных огнеметов, установленных на земле и на танковой волокуше, стрельбы из ампуломета, демонстрация возможностей зажигательных и дымовых средств: термитных шаров, термитных патронов, ручных дымовых гранат и т. п.

Подобные показы были соответственно произведены также в остальных армиях фронта начальниками отделов химзащиты.

Многие после этого убедились в эффективности огнеметных и дымовых средств, оставалось испытать их в бою. Командующий фронтом на следующий же день приказал 56-ю ООР, приданную в распоряжение 3-й армии, рассредоточить повзводно в трех дивизиях, на которые падала основная тяжесть первых минут наступления. Кроме того, предусматривалось, одну танковую волокушу с фугасными огнеметами прицепить к танку Т-34 80-й танковой бригады. Одновременно с этим он подписал приказ № 012 о подготовке при 181-ом запасном стрелковом полку 36-ти огнеметных команд. Средний и младший комсостав должен был пройти выучку при 78-ом отдельном батальоне химзащиты. Решение вопросов формирования, обучения огнеметных команд и их обеспечения ранцевыми огнеметами возлагалось на меня. Срок обучения равнялся одному месяцу. При этом, на мой взгляд, важно подчеркнуть одно обстоятельство: не только Военный Совет фронта, но и политуправление фронта, сознавая огромное значение средств в бою, предпринимало всяческие усилия для укрепления службы химзащиты войск. Простой пример: в политдонесениях армий и частей всегда содержалась информация о состоянии химических войск.

Март выдался холодным, вьюжистым, с порывистыми калёными ветрами. Порой напор ветра был так силен, что захватывало дыхание. В один из таких дней вместе с ин-

спектором по химвооружению майором Явдощуком и группой офицеров отдела я выехал в 60-ю стрелковую дивизию и 80-ю танковую бригаду, которые готовились к наступлению в районе села Кривцово. В течение двух дней мы методично проводили обучение по применению фугасных огнеметов и проверяли, как снабжены огнеметные взводы, готовность к боевым действиям танковой волокуши.

11 марта на рассвете наши войска пошли в атаку в районе Кривцово с применением огнеметно-зажигательных средств. Сказалась нехватка опыта: стрелковые подразделения заняли лишь первые траншеи, а дальше развить успех не смогли. Неудача постигла и танк Т-34 с волокушей. У него снарядом была пробита башня, при этом командир машины был контужен, а башенный стрелок ранен. Была подбита и волокуша с фугасными огнеметами. И в то же время действовавшие в соседних 283-й и 287-й стрелковых дивизиях два взвода фугасных огнеметов по существу решили успех боя, позволив нашим стрелкам продвинуться далеко вперед.

Когда шли эти бои, на наш фронт прибыла комиссия Главного военно-химического управления Красной Армии в составе полковника А. Бескодарова и капитана Н. Панфилова. Позже в своем акте от 2.04.42 г. комиссия записала: «Химические отделы фронта и 13-й армии укомплектованы полностью, в 3-й армии — на 50%. Работники в отделах подобраны вполне подготовленные, авторитетные и с возложенными на них обязанностями справляются хорошо», «в отделе химзащиты фронта постоянно работает майор Тимошин, остальной командный состав с начальником отдела постоянно находится в частях», и «боевое использование 56-й роты фугасных огнеметов было на участке 60-й, 283-й и 287-й в районе с. Кривцово. Рота тактически используется правильно».

Теплый отзыв о нашей работе и критика недостатков призывали нас к более кропотливой и напряженной работе.

Вскоре произошла смена командования. 2 апреля командующим Брянского фронта был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, членом Военного Совета корпусной комиссар И. З. Сусайков.

По прибытии нового командующего и члена Военного Совета я доложил о состоянии химзащиты войск фронта и о результатах применения огнеметно-зажигательных

средств. Они детально разобрали все вопросы химического обеспечения войск в тот момент, дали соответствующие указания и потребовали усилить в частях и соединениях химическую разведку, наблюдение и оповещение, обеспечить войска необходимым количеством средств химзащиты и огнеметно-зажигательных средств.

Весь апрель происходило пополнение наших войск свежими силами. Из состава Юго-Западного фронта к нам прибыла 40-я армия, из тыла — 48-я армия. Выехав в эти части, я вплотную занялся проверкой состояния их химзащиты. Следовало эти армии в химическом отношении довести до уровня армий фронта.

Первую половину мая офицеры отдела провели в работе по обучению войск фронта приемам химзащиты, а 25 мая Военный Совет Брянского фронта утвердил план распределения зажигательных и огнеметных средств по армиям, план химических заграждений в соответствии с требованиями Ставки Верховного Главнокомандования и дополнение к «Инструкции по устройству противотанковых и противопехотных огневых заграждений — огневых валов и бутылочных полей».

Спустя некоторое время была получена директива начальника ГВХУ Красной Армии об организации обучения войск постановке дымовых завес в бою и в операциях. Перед войсками химзащиты во весь рост встала задача обучить личный состав войск использованию дымов.

Дымы, как и зажигательные средства, исстари применялись в различных войнах. Они широко использовались в первую мировую войну 1914—1918 г. г. Русская армия имела тогда на вооружении дымовые шашки, изобретенные русским военным инженером Санниковым. В 1913 году они прошли полигонные и полевые испытания, а через год были впервые применены в бою. Имелась даже «Инструкция для применения дымовых шашек».

В Великую Отечественную войну дымовые средства стали применяться только после указаний начальника Главного Военно-химического управления Красной Армии. В его директиве было написано: «В целях маскировки войск и скрытия маневра в случаях действительной необходимости и явных тактических выгод разрешается применять на фронте нейтральные дымы. Организацию дымовых завес производить под непосредственным руководством начальствующего состава химической службы».

Таким образам, на химическую службу Красной Армии возлагалась еще одна задача — руководство применением нейтральных дымов в бою и в операциях.

Для этих целей Брянскому фронту были отпущены дымовые шашки, ручные дымовые гранаты и дымовая смесь, артиллерийские дымовые снаряды и мины. А воздушная армия из состава фронта к тому времени имела на своем вооружении дымовые авиабомбы.

И вновь вместе с офицерами отдела я был в дороге. В конце мая войска фронта перешли к обороне. В этих условиях значительно возрастала роль химзаграждений, дымовых завес, огнеметных подразделений и истребительных команд, за техническую подготовку которых также была ответственна химическая служба.

С утра и до наступления темноты 15 июня мы вместе с начальником отдела химзащиты 3-й армии колесили по передовой, намечая линии расположения мин и точки установки фугасных огнеметов. Так было и на другой день, на третий и последующие... А с 20-го по 24-ое июня уже в 61-й армии я помогал решать вопросы сооружения огневых валов и бутылочных полей. Ежедневно, переезжая из части в часть, я проводил инструктаж по постановке дымовых завес в бою, по установке химзаграждений. Из-за новизны этого дела не все еще в этом отношении было освоено. Порой приходилось начинать с азов. Но так велико было желание воинов постичь, изведать новое, что инструктажи проходили с большим успехом.

Не передать, какую неоценимую помощь оказывали мне при этом работники отдела! Так, помощник начальник химического отдела майор Данилов Петр Ильич, в то время так же, как я, безвылазно находился в войсках. Перед войной он окончил Военную академию химической защиты и прибыл на фронт подготовленным специалистом.

Помню, впервые я познакомился с ним в октябре 1941 года, когда он, будучи начальником химической службы 283-й стрелковой дивизии, принимал от меня подвезенные зажигательные бутылки, противогазы и другие виды химической имущества для Дмитриев-Льговской оперативной группы войск генерала Ермакова. Второй раз мы встретились с ним в наступательной операции 3-й армии Брянского фронта в марте 1942 года на рубеже с. Кривцово, когда он отличился при установке фугасных огнеметов для укрепления захваченных нашими войсками

возиций. Тогда это было первым случаем применения фугасных огнеметов на Брянском фронте, и майор Данилов отлично справился с поставленной задачей. И вот теперь он был моим помощником и брал на себя львиную долю забот.

Он поддерживал постоянную связь с оперативным управлением и разведывательным отделом штаба фронта, а также со штабами воздушной армии, артиллерии, танковых и инженерных войск. Это очень помогало нам в работе. Среди воинов и работников отдела Петр Ильич пользовался большим авторитетом, и когда в декабре 1942 года его вызвали в Высшую Военную академию им. К. Е. Ворошилова, мы расстались с ним с большим сожалением. Но в 1943 году мы снова встретились с ним, когда он, будучи начальником химического отдела 61-й армии, поступил в мое распоряжение и участвовал в Орловской наступательной операции. Но вскоре, в связи с переходом фронтового управления Брянского фронта на Прибалтийское направление, 61-я армия вошла в состав Центрального фронта, и мы вновь расстались.

В тот период в составе войск Брянского фронта на правом фланге держали оборону 61-я, 3-я, 48-я и 13-я армии, а на левом фланге — 40-я армия.

В тылу этих армий сосредоточились стрелковые бригады и дивизии, танковые бригады и корпуса, кавалерийский корпус фронтового подчинения и Ставки Верховного Главнокомандования. Одно только обеспечение противогазами занимало немало времени. Ведь каждый солдат, офицер и генерал должен был иметь при себе личный противогаз, подогнанный по размеру и проверенный с использованием камеры газоокуривания.

Как уже писалось, политуправление фронта придавало большое значение средствам химзащиты. Так, по решению политуправления в 13-й армии была введена практика заброса ампулометами агитационных листовок на немецком и венгерском языках на территорию противника. Вскоре ее примеру последовали 40-я и 61-я армии.

Изо дня в день в состав действующих армий мало-помалу вливались партизанские отряды и соединения. Но многие из них все еще отважно сражались в тылу врага. И не раз случалось, что через политуправление и разведотдел фронта мы снабжали партизан термитными шарами, термитными патронами и другими огневыми средствами для уничтожения вражеских складов с горючим, бое-

припасами и снаряжением, для вывода из строя железнодорожных эшелонов. А как-то раз я встретился с Героем Советского Союза писателем генерал-майором П. Вершигорой, который прилетел в политуправление фронта для увязки совместных действий войск фронта и партизанских соединений С. Ковпака. То был веселый, общительный человек, который легко шел на сближение, живо интересовался особенностями зажигательных и дымовых средств, характером и последствиями возможной химической атаки противника. В конце беседы мы договорились о ведении партизанами химической разведки в тылу врага, мы обсудили формы их обеспечения термитными средствами.

В начале июня стали поступать разведывательные данные о готовящемся наступлении противника на нашем фронте. В самом деле, 28 июня 1942 года враг вклинился на стыке 13-й и 40-й армий, взяв направление на Воронеж и Ливны. Под его ударами оказались 15-я стрелковая дивизия 13-й армии и 121-я, 160-я стрелковые дивизии 40-й армии. Завязались ожесточенные бои и, несмотря на стойкое противодействие наших войск, неприятелю все же удалось 7 июля подойти к Воронежу. В тот же день по приказу Ставки из состава фронтового управления Брянского фронта было сформировано новое фронтовое управление Воронежского фронта под командованием генерал-лейтенанта Ф. И. Поликова. Командование Брянским фронтом принял генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов. А через неделю его сменил на этой должности генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. Членом Военного Совета Брянского фронта был назначен бригадный комиссар С. И. Шабалин, начальником штаба — генерал-майор М. С. Малинин. Главным образом внимание нового руководства было приковано к левому крылу фронта, где формирующаяся 38-я армия вела тяжелые изнурительные бои с противником, оголтело рвавшимся к г. Ливны.

В скором времени 61-я армия была переподчинена командующему войсками Западного фронта, а 40-я армия вошла в состав нового Воронежского фронта.

При отражении атак противника на участке 13-й армии наши войска широко применяли зажигательные бутылки «КС», фугасные и ранцевые огнеметы, химзаграждения, авиационные зажигательные средства «АЖ-2». Наиболее активно и смело действовала 57-я ООР. Так, в ночь с 7 на 8 июля 1942 г. взвод сержанта Кармашова из

этой роты при установке 50 огнеметов в районе высоты 211,1 подвергся нападению группы из 120—150 вражеских автоматчиков. Затаившись и пропустив вперед 20 автоматчиков, удерживая остальных в сфере действия огня, по сигналу командира взвод в одно мгновенье накрыл залповым огнем основную группу противника. Оставшиеся в живых немцы, лихорадочно сбивая огонь с горящей одежды, в жуткой панике обратились в бегство. Больше эту высоту фашисты не атаковали. Подобные схватки возникали повсюду, и наши воины демонстрировали чудеса находчивости и умения. Так случилось и тогда, когда 496-му стрелковому полку 148-й стрелковой дивизии, вступившему в бой за южные скаты высоты 211,1, что севернее сел Щатинка-Клюшники, пришли на подмогу огнеметчики 57-й ООР и этого полка. Под бушевавшим и неистовствовавшим свинцовым огнем врага они установили огнеметы группами в полсотне метров от огневых точек противника. И когда по сигналу: «Атака!» из них были произведены залпы, часть фашистов была сожжена, а другая часть, не чувствуя под собой ног, в одночасье рассеялась по оврагу. На поле сражения оружие и снаряжение немцев были рассыпаны, как яблоки в урожайный год. В наступившем затишье 496-й полк без единого выстрела захватил окопы противника.

Но рано было думать, что фашисты угомонились накрепко. Через два дня они предприняли в том же районе отчаянную контратаку. Группа немецких автоматчиков численностью до 50 человек скрытно по лощине пробралась на левый фланг огнеметного взвода лейтенанта Кисельникова из 57-й ООР. Там за старшего оставался помощник командира взвода старший сержант Нещекин. Подпустив врагов поближе, он сам сжег залпом из огнемета 10 фашистов, остальные рассыпались в беспорядке. Контратаки на этом участке больше не возобновлялись.

Группа огнеметчиков из этой же роты с 8-ю фугасными огнеметами в районе села Жережань уничтожила до 70 вражеских пехотинцев, вместе с тем выведя из строя и противотанковую пушку. Вторая такая же группа в большом отлогом овраге, заросшем кустарником, южнее с. Лески огнем из ФОГов факельно зажгла этот овраг и истребила 50 фашистов. Третья группа в районе с. Ленино сожгла два танка и около ста вражеских пехотинцев, четвертая и пятая группы уничтожили соответственно —100 и 150 вражеских солдат.

Взвод лейтенанта Мищенчука из этой же прославленной 57-й ООР занимал важную высоту, с которой как на ладони были видны позиции врага. Фашисты шли на всяческие ухищрения, чтобы овладеть ею, но каждый раз их встречали слаженные залпы наших огнеметов. Немцы отступали, оставляя на поле боя обгоревшие трупы. Высота удерживалась огнеметчиками до наступления наших войск.

К той же поре наши воины так научились использовать бутылки с зажигательной смесью, что фашистские танкисты испытывали леденящий душу ужас, когда из полузасыпанной траншеи вдруг вздымался весь закопченный, перепачканный землей, советский солдат с бутылкой огнесмеси. Так, во время боев в районе Больших Лук сержант Ботовой затеял поединок с танком противника и после нескольких попыток сжег его. Другой вражеский танк был уничтожен в районе с. Бараново одним из средних командиров. А в районе с. Ревякино 2 немецких танка попали на бутылочное поле и были вынуждены повернуть обратно. Другие два немецких танка северо-восточнее с. Ваганово застряли на бутылочном поле и попали под губительный огонь противотанкового ружья.

Примерно в те же дни инженерными частями 143-й стрелковой дивизии посредством зажигательных бутылок было сожжено 5 мостов через реки Сосна и Тим, что приостановило на долгое время продвижение наступающих танков и пехоты противника.

На стыке 148-й и 8-й стрелковых дивизий враг вышел к стратегически важному узлу дорог, где были расположены три крупных населенных пункта: Важново, Ревякино и Редькино. Все строения и заборы в этих селах были каменными. Завязались ожесточенные схватки за каждый дом, за каждый двор. Бились не на жизнь, а на смерть. На подкрепление наших частей, ведущих уличные бои, была направлена 142-я отдельная рота ранцевых огнеметов под командованием капитана Куликова. Через несколько часов фашисты были выдворены из этих селений.

Так, впервые были применены на нашем фронте огнеметы. И, как видно, с завидным успехом.

В тех боях наша авиация широко использовала метание ампул АЖ-2 и связок зажигательных бутылок по местам расположения противника. Всего в те дни было сброшено до 3000 ампул АЖ-2. А запущенные с самолета

в ночь с 9 на 10 июля 1942 г. шесть крупных связок зажигательных бутылок вызвали большой пожар в деревне Студеный Колодезь. В следующую ночь военным инженером 2 ранга И. П. Павловым с борта самолета У-2 была сброшена 21 ампула на военные базы врага в селах Сталино, Щатинка. В стане немцев возник переполох, всполохи от пожаров распростерлись далеко по горизонту. А в последующие ночи с 11 на 12 июля и с 12 на 13-ое запущенные с самолетов ампулы вызвали крупные пожары в населенных пунктах Опытное поле, Бараново, Дубровка, Овечий Верх, Редькино, Ростань.

Только за одну ночь, с 16 на 17 июля, было совершено 12 самолето-вылетов У-2 с ампулами, в результате чего пожары заполыхали в селах Рождественское, Куликово, Камень, Солоничево, в которых были сосредоточены немалые силы гитлеровцев.

Когда Военный совет 13-й армии (командующий генерал-майор Н. П. Пухов, член Военного Совета бригадный комиссар С. Козлов, начальник штаба генерал-майор Петрушевский) подвел итоги боевых действий частей за 13 дней лета 1942 г. (с 28 июня по 10 июля), выяснилось, что в развитии атак большую помощь подразделениям оказывали войска химзащиты. В решении совета это было даже особо выделено:

«По действиям химвойск»

Химические подразделения наравне с другими спецвойсками успешно отражали атаки врага и не допустили его прорыва на Ливны.

Применение ФОГ-ов себя полностью оправдало и дало хорошие результаты. Уничтожено 500—600 человек вражеской пехоты, два танка и орудие. В нескольких случаях наступление противника благодаря действиям ФОГ-ов было задержано на несколько часов. Нужно только более скрытно ставить ФОГ-и и чаще менять их расположение.

Речь в этом документе шла об отважно действовавших в составе 13-й армии огнеметчиках из 57-й, 58-й, 86-й и 87-й отдельных огнеметных рот фугасных огнеметов.

Наша промышленность к тому времени освоила и форсировала выпуск огнеметов, росло и число подготовленных огнеметчиков. К примеру, в первой половине июля в состав Брянского фронта влились 85-я, 88-я, 89-я и 90-я ООР ФОГ из 3-го отдельного запасного батальона противохимической обороны.

Участок, который занимал Брянский фронт в тяжелых

оборонительных боях, имел важное стратегическое значение. По существу наш фронт был нацелен на Брянск, за которым открывался выход к Днепру. Кроме того, Брянский фронт стягивал значительные силы гитлеровцев, имел хорошо налаженную связь с партизанами, обосновавшимися в Брянских лесах. Поэтому не случайно, что у нас дважды побывали с проверкой представители Главного Военно-химического управления Красной Армии. Так, в течение 4-х дней, с 20 июля по 24 июля, в 13-й армии провели проверку состояния противохимической готовности начальник управления полковник К. А. Мацкевич и помощник 1-го отдела ГВХУ майор А. М. Кученков.

В ходе проверки было отмечено, что в частях своевременно составляются планы противохимической обороны и предусмотренные в них мероприятия в должной мере обеспечивают химзащиту войск, также умело разрабатываются сигналы химической тревоги, а личный состав хорошо знает правила и приемы использования средств химзащиты. Наряду с этим были выявлены и недостатки. В частности, в одном из полков 132-й стрелковой дивизии не был составлен план ПХО, а химическая разведка противника велась нерегулярно.

Аналогичная работа была проведена полковником К. А. Мацкевичем в частях и соединениях 48-й армии. В ней только что было завершено формирование своего штаба и некоторых дивизий, и потому уровень состояния химзащиты оказался намного ниже, чем в 13-й армии. О своих выводах полковник Мацкевич доложил командующему войсками Брянского фронта генерал-лейтенанту К. К. Рокоссовскому. При этом был произведен тщательнейший разбор состояния войск химзащиты фронта, после чего командующий предложил мне составить проект приказа по войскам фронта с указанием отмеченных положительных результатов и недостатков и представить ему на подпись. Приказ был выполнен в срок.

Как было указано выше, при переходе в наступление 28 июня 1942 г. противник своей левофланговой группой нанес удар в направлении Ливны и Тулы. Эти атаки были отбиты войсками формировавшейся в ту пору 38-й армии, соединениями 7-го танкового корпуса и 5-й танковой армии.

В этих условиях надо было как-то усилить оборону полков 38-й армии, которые, можно сказать, еще не имели опыта боев. С этой целью туда в срочном порядке были

переброшены 88-я и 90-я ООР ФОГ. Они были выдвинуты на рубеж деревень Озерки и Перекоповка. При выборе огневых позиций и установке фугасных огнеметов этих ООР мне оказал существенную помощь заместитель командира 78-го отдельного батальона химзащиты капитан В. М. Левин, человек редкой отваги и мужества. Позже, когда был создан Елецкий боевой участок, вставший на пути врага к Туле, в состав войск, оборонявших его, вошел и боевой отряд из 250 человек под его командованием. Этот отряд занимал оборону на фронте длиной два километра и удерживал все атаки врага.

В сентябре 1942 года 38-я армия, так и не пропустившая врага к Туле, была переподчинена Воронежскому фронту.

В составе войск Брянского фронта остались 3-я, 48-я, 13-я стрелковые и 2-я воздушная армии.

Вот как охарактеризовал этот период Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в своей мемуарной книге «Солдатский долг»: «По приказу Ставки мы приступили к созданию прочной обороны на своем участке».

В связи с переходом к обороне в каждой армии в больших масштабах создавались противотанковые и противопехотные огневые заграждения — огневые валы и бутылочные поля. В наиболее опасных направлениях ставились мино-огне-фугасные поля. Последние оборудовались совместно с инженерными войсками. В августе 1942 года были получены приказы Народного комиссара Обороны и директива заместителя Наркома Обороны СССР об усилении химической подготовки. Рассмотрев их, Военный Совет фронта издал свою директиву, в которой утверждал свой план мероприятий, а также приказ о проведении показного учения по применению зажигательных и дымовых средств в бою.

Вскоре произошли изменения в командовании. 27 сентября 1942 г. командующий войсками генерал-полковник К. К. Рокоссовский был отозван Ставкой Верховного Главнокомандования и назначен командующим Сталинградским фронтом. Вместо него на другой день прибыл генерал-лейтенант М. А. Рейтер, который в 1941 году был заместителем командующего Брянским фронтом. Членом Военного Совета был утвержден генерал-майор И. З. Сусайков, начальником штаба фронта генерал-майор Л. М. Сандалов, который год назад в звании полковника возглавлял штаб Брянского фронта. Таким образом, встре-

тились знакомые, имевшие определенное, устойчивое представление как друг о друге, так и о местности, и о войсках. Это служило условием быстрого усвоения задач и слаженности работы полевого управления Брянского фронта.

Как принято в таких случаях, я доложил новому руководству о состоянии химической защиты войск фронта, о действиях огнеметчиков и частей химзащиты, изложил данные по системе и протяженности противотанковых и противопехотных огневых заграждений, об обеспеченности войск средствами защиты, зажигательными бутылками, дымовыми шашками и т. д. При этом командование выделило ту часть доклада, в которой говорилось о подготовке командиров взводов химзащиты и ампулометных взводов при 78-м отдельном батальоне химзащиты.

Заслушав доклад, Военный Совет фронта дал исчерпывающе конкретные указания по дальнейшему совершенствованию организации химической защиты. Это придало импульс работе нашего отдела. Указывалось, что в первую очередь надо усовершенствовать химическую разведку. Обычно она велась войсковой разведкой. Данные выявлялись на допросах пленных, а также путем анализа показаний и сообщений наблюдательных постов и трофеев: гитлеровских документов и вооружения, боеприпасов и средств химической защиты. Она также производилась через агентурную, воздушную и радиоразведку. Кроме того, через политотдел зачастую поступали данные о намерениях противника от партизанских соединений, подпольных партийных комитетов и комсомольских организаций.

Очень нас выручала тесная взаимосвязь с разведотделом фронта. Кто бы ни работал его начальником — М. А. Кочетков, И. Н. Чекмазов, А. А. Хлебов, М. С. Маслов — каждый из них проявлял живейший интерес к работе нашего отдела. А Илья Михайлович Грачев, батальонный комиссар, бессменный военный комиссар разведотдела фронта, зачастую сам проявлял беспокойство, звонил к нам:

— Ну как вы там? Чем вам помочь?

В переработке материалов допроса пленных большую помощь оказал нам начальник информационного отдела полковник Шитов. Я до сих пор с неизбывной теплотой и благодарностью вспоминаю о неутомимых работниках штаба майорах П. А. Наумове и А. Школьнике, перевод-

чицах: старших лейтенантах Н. Салазкиной, М. Горемыкиной и В. Разумовой, чьи активность, знания и старательность не раз помогали нам раскрыть карты врага. Помнится, однажды старший лейтенант Салазкина (ныне Матюнина) и помощник начальника отдела химзащиты фронта майор Грисимов целых три дня, переходя из лагеря в лагерь, разыскивали одного пленного, располагавшего богатой информацией о химобеспечении противника и наконец обнаружили его в дивизионном лагере для военнопленных.

Чрезвычайно ценные сведения поступали и от начальника следственного отдела П. А. Наумова, который, будучи большим и тонким психологом, и прекрасно владея немецким языком, мастерски вел допросы пленных. Сам я неоднократно присутствовал на таких допросах. Насколько они были результативны можно судить по одному факту: в ходе одного допроса было выявлено участие в бою в районе Новгород-Северский 53-го химического минометного полка, его численность, характер вооружения, способы действия.

Помогало также взаимодействие с партизанами. К примеру, в партизанские отряды регулярно направлялись офицеры химслужбы фронта старший лейтенант Чеботарев и младший лейтенант Пятница, которые уточняли и дополняли данные о противнике через разведчиков партизанских соединений.

Кроме химической разведки и обработки данных, отдел химзащиты в оборонное время форсированно занимался обученем личного состава обращению с противогазами, накидкой, чулками и средствами дегазации. Проверка и подгонка противогазов велась с помощью стационарной фронтовой испытательной химлаборатории и через камеру газоокуривания. Было отрадно, что в ту пору снабжение химическим имуществом шло без перебоя.

В связи с переходом наших войск 19 ноября 1942 года в наступление под Сталинградом командованию Брянского фронта было предписано начать подготовку к наступлению. Срочно провели однодневные сборы командиров дивизий, полков и батальонов, их заместителей по политчасти. Кроме всего прочего, они совершенствовали свои знания по организации химзащиты, постановке дымовых завес и использованию зажигательных средств. Были также проведены пятидневные сборы начальников химслужбы дивизии и полков. Следует при этом отметить, что для

командиров дивизий, полков и батальонов постановка дымовых завес явилась совершенно новым, незнакомым делом, так как разрешение на нее поступило не так давно. Поэтому это их горячо заинтересовало. Я также старался ознакомить командиров артиллерийских частей и танковых частей с особенностями распространения дыма, чтобы исключить случаи нарушения артогня в бою, ориентации в вождении танков при применении дымовых завес.

Учитывалось также и то, что оперативно подвезти по такому глубокому снегу, какой лежал тогда, дымовые шашки и ручные дымовые гранаты к первой линии траншей очень сложно, поэтому запасы делались загодя.

Когда наш фронт занимал оборону, народные умельцы и изобретатели вовсю реализовывали свою фантазию и мастерство, рационализируя специальную технику и вооружение. К примеру, для проверки электролиний огневых заграждений лейтенантом Тихоновым был разработан специальный прибор, который затем нашел широкое распространение. Им также были созданы лыжи на которых устанавливались огнеметы. Это облегчало применение огнеметов зимой. Первый образец простейшего приспособления для дегазации, устанавливаемый на грузовой машине, был изготовлен старшим сержантом А. И. Куликовым. А старший лейтенант Р. С. Михайлоянц и техник-интендант Ш. А. Белкин создали «Подвесной дегазационный прибор — ПДП» — (взамен АХИ-5) с рассеивающим валиком на транспортной машине. Главным военно-химическим управлением Красной Армии изобретателям было выдано авторское удостоверение. Этот прибор и после войны с некоторым усовершенствованием стоял на вооружении частей химзащиты, а в настоящее время используется при обучении частей гражданской обороны.

Стационарной химлабораторией в течение лета 1942 года была разработана и изготовлена дистанционная стеклянная ампула «АСД-1». Заряженная горячей смесью, она оказалась чрезвычайно эффективной для поражения живой силы противника, его боевой техники. Ее разработали под руководством начальника стационарной фронтовой химлаборатории инженер-майора А. В. Губина опытные химики-инструкторы В. В. Бажанова и А. А. Воеводский

Пока шла подготовка к широкой наступательной кампании, отдельными армиями велись частные наступатель-

ные операции. При этом хорошо зарекомендовали себя огнеметно-зажигательные средства. Так, при наступлении 27—28 августа 48-й армии ФОГи, РОКсы и ампулометы были успешно использованы 6-й гвардейской стрелковой дивизией.

Потери фашистов были очень велики. В районе высоты 233,3 занятой врагом, 25-й гвардейский стрелковый полк применил для блокировки дзотов противника 3 ФОГа, 3 РОКСа и 3 ампуломета. От прямого попадания огня ФОГ-ов один вражеский дзот вместе с обороняющимися сгорел дотла, а из двух других загоревшихся дзотов фашисты бежали сломя голову. 29 августа в частной операции по овладению Мценским плацдармом на участке 3-й армии штурмовая группа огнеметчиков термитно-зажигательными шарами уничтожила 3 крупных дзота противника.

Той же ночью разведгруппа 137-й стрелковой дивизии устроила переполох в тылу врага, забросав блиндажи фашистов зажигательными бутылками в связках с ручными гранатами.

Еще пример. Ночью 10 октября 1942 года, накануне частной наступательной операции, огнеметы были расставлены перед дзотами противника на расстоянии 50 метров. Когда завиднелся рассвет и началась короткая артподготовка, 3-й батальон 4-го гвардейского стрелкового полка вступил в бой с применением ФОГов. За минуты были сожжены дзот и две пулеметные точки противника.

В тот же день в бою по захвату высоты 242,8 25-м гвардейским полком расчеты фугасных огнеметов и ампулометов, выступили вперед и, в коротком бою уничтожив взвод немцев, открыли простор для продвижения основных сил. За проявленную в этом бою отвагу к правительственной награде были представлены командир взвода ФОГов лейтенант П. В. Толстиков и шесть красноармейцев.

И днем и ночью применяла зажигательные средства 15-я воздушная армия фронта. Так, 25 августа 1942 года шесть самолетов ИЛ-2 с бомбами и два «ИЛа» с ампулами, снаряженными гранулированным фосфором, под прикрытием истребителей разбомбили вражеские аэродромы в Курске. На земле сгорело 16 самолетов врага, был взорван бензосклад, подожжены ангары и отдельные здания авиагородка, подавлено 9 точек зенитной артиллерии, повреждено 10 самолетов противника.

В тот же день 5 «ИЛов» с зажигательными бомбами и 2 «ИЛа» с ампулами атаковали аэродром противника в Старом Осколе. В результате было уничтожено 16 самолетов, повреждено 10 самолетов, взорвано бензохранилище. 27 августа пять наших «ИЛов» уничтожили на вражеском аэродроме в г. Орле 19 самолетов, 2 ангара и мастерскую по ремонту самолетов.

Особенно широко и эффективно использовали термитные средства партизаны. К примеру, как-то ночью они устроили засаду у перегона Клюковники-Колегаевка и остановили груженый железнодорожный состав противника. В ходе небольшого боя термитными шарами было сожжено 12 вагонов с боеприпасами, а железнодорожная полоса надолго выведена из строя.

Все приведенные примеры говорят о том, что к осени 1942 года войска Брянского фронта обрели определенные навыки и опыт по применению дымовых и огнеметно-зажигательных средств. А это было крайне важно для успехов в предстоящем наступлении.

НА ПЕРЕЛОМЕ

В первой половине января 1943 года план фронтовой наступательной операции был утвержден Ставкой. Определенные задачи ставились при этом перед химиками. Так, химики-разведчики включались в состав общевойсковой разведки. Также были установлены правила наблюдения через посты и сигналы химического оповещения. Одновременно предусматривалось вести метеорологическое наблюдение. И самое главное — следовало привести в боевую готовность средства индивидуальной защиты, противогазы, накидки, чулки и противоипритные пакеты, а также средства дегазации. Забегая вперед, скажу, что в то время средствами химзащиты войска фронта были снабжены полностью.

С этими задачами были в краткий срок ознакомлены все подразделения химзащиты фронта. Была приведена в состояние готовности подвижная группа стационарной фронтовой химлаборатории — АЛ-2. Кроме этих мер, при армиях создавались специальные команды для сбора трофейного химимущества и средств индикации и дегазации. Задачи, выдвинутые перед Брянским фронтом в этой наступательной операции в конце января 1943 года, были нелегки. Дело было вот в чем. После успешного окружения и уничтожения Острогожско-Россошанской группировки противника возникла настоятельная необходимость ликвидации его Воронежской группировки. Решение этой задачи было возложено на Воронежский и Брянский фронты. Указания Ставки были предельно конкретны: «Ударами по флангам противника с севера и юга в направлении на Касторное окружить и уничтожить противника на Во-

ронежском выступе и развивать наступление на Курск и Харьков». Противник на этом рубеже хорошо укрепил свои позиции, создав сеть бронированных и бетонированных сооружений. Войска Брянского фронта должны были ударить первыми и, пробив брешь в обороне неприятеля, расширять ее и широкой лавой с севера охватить крупную Воронежскую группировку врага.

Воронежско-Касторненская операция (такое она получила название) началась 26 января 1943 года мощным ударом 13-й армии на левом крыле Брянского фронта.

Как только забрезжил рассвет, гвардейские минометные части и артиллерия открыли сильный огонь по позициям противника, возвестив о начале наступления. Передний край вражеской обороны был покрыт сплошной серо-бурой стеной разрывов. Затем небо задрожало от гула наших самолетов. В атаку на врага устремились бомбардировщики 2-й воздушной армии.

В это время начальники химслужбы наступающих полков и дивизий совместно с представителями отделов химзащиты армии и фронта в последний раз выверяли рубежи дымопуска. Они были оборудованы химиками в ночь с 25-го на 26-е января и находились в 150—200 метрах от переднего края противника.

В 9 часов утра, когда затихли последние артиллерийские раскаты, и наши летчики, отбомбившись, взяли курс на полевые аэродромы, по сигналам командиров частей были устроены дымовые завесы. И через минуту-две под их прикрытием в атаку на врага пошли наши танки и пехота. Преодолев несколько рядов колючей проволоки, наши бойцы вслед за танками стремительно ворвались в передние траншеи врага. Немцы сопротивлялись отчаянно, судорожно цепляясь за каждый окоп, но уже ничто не могло остановить наступательного порыва наших войск. В первый день наступления особенно отличились пехотинцы из 307-й стрелковой дивизии под командованием генерала Лазько и танкисты под командованием подполковника Бregвадзе.

Таким образом, оборона противника была прорвана 148-й, 307-й, 132-й и 8-й стрелковыми дивизиями 13-й армии сразу на нескольких участках — Огрызково, Юрское, Юдино, Усть-Юрское между реками Кшень и Олым.

Уже в первый день операции подвижная группа генерала Глухова пробилась к селу Волово, а на другой день захватила его. Оно имело стратегическое значение. А 29

января к 12 часам дня Касторное, важный стратегический пункт врага, было очищено от гитлеровцев. В боях за этот город и одноименную железнодорожную станцию было уничтожено свыше тысячи немецких солдат и офицеров, до 40 орудий и 100 машин. Захвачено 3500 пленных, 15 танков, до 700 автомашин, 800 вагонов с имуществом. Части 13-й армии продолжали безостановочное наступление, захватывая село за селом. 4 февраля был уничтожен немецкий гарнизон в г. Колпны, а на следующий день части генерала Шкрылева ворвались в Щигры. В эти же дни были освобождены Фатеж, Поныри, Золотухино. А 20 февраля подвижная группа генерала Новосельского и части 13-й армии вышли к Мало-Боброво, Полозовка, Морщново, ст. Малоархангельск, Очки, Нижнее Гранкино, Дановка, Трофимовка, Дмитриев-Льговский, расположенным на подступах к Курску, и завязали бои за этот город. Войска 48-ай армии, расширяя порыв, к этому времени вышли на рубеж Залегошь, Ольховец, Алексеевка, Верхняя Гнилушка, Протасово.

На правом крыле фронта 20 февраля 1943 года, произведя перегруппировку, перешли в наступление 61-я и 3-я армии на участке Чегодаево, Нижнее Ущерево и после упорных боев овладели селами Сивково, Чегодаево, Кукуевка и Городище.

8 февраля войска соседа слева — 60-й армии Воронежского фронта, завершив разгром гитлеровцев и очистив от них Курск, продолжали преследовать противника к западу от него. 11 февраля эта армия была уже на подступах ко Львову.

Успехи радовали, тем более, что химическое обеспечение наступления войск Брянского фронта было осуществлено в полной мере: успешно организована химзащита, умело применены дымовые и зажигательные средства. Химразведка, наблюдение и оповещение велись с самого начала наступления. Также оперативно производился подвоз химимущества наступающим частям. Особо следует сказать о захваченных трофеях. После одного из боев были обнаружены огневые вражеские позиции с шестиствольными минометами и тяжелыми метательными аппаратами «40». В Курске был найден гитлеровский учебный пункт, на складе которого в огромном количестве были накоплены средства защиты, индикации, дегазации и сигнализации. Кроме того, была захвачена дегазационная машина противника.

Анализ показал, что гитлеровцы усиленно занимались подготовкой к химической атаке. Правда, это были изначальные выводы.

В этой наступательной операции Брянским фронтом дымовые завесы применялись более пяти раз на участке 13-й армии и один раз на участке 48-й армии. Во время боев в районе Гремячка-Ивановка с целью дезориентировать противника и отвлечь его огонь в сторону, ротой химзащиты 74-й стрелковой дивизии и взводом химзащиты 109-го стрелкового полка была поставлена ложная дымовая завеса на фронте протяженностью два километра. Дым шел около часа. Успехи были внушительны, противник вел в этом направлении сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, произвел 7 огневых налетов из шестиствольных минометов.

Также успешно использовали дымовые завесы для прикрытия перегруппировки наших сил и маскировки местонахождения войск военные химики 148-й стрелковой дивизии и 1921-го стрелкового полка 307-й дивизии.

На боевом участке Красный, Гриневка, Шишкино химики 132-й стрелковой дивизи поставили дымовую завесу на фронте в 3500 м. В течение получаса части дивизии под прикрытием завесы заняли удобные для атаки позиции, что явилось крайней неожиданностью для неприятеля. Враг был захвачен врасплох.

На западной окраине с. Афросимовка 8-й стрелковой дивизией была поставлена отсечная дымовая завеса для нейтрализации вражеских огневых точек, расположенных на западной опушке густого леса Борки, для прикрытия своего левого фланга. Дымопуск длился более двух часов, и имел исключительный эффект. Фашисты несколькими мощными артналетами по-пустому обрабатывали участок, где не было ни наших бойцов, ни нашей техники.

В Воронежско-Касторненской операции при прорыве вражеской обороны особенно отличалась 142-я рота ранцевых огнеметов из 307-й стрелковой дивизии. Ее действия в 14 случаях повергали противника в глубокое смятение, что исключило потери с нашей стороны. Только за пять январских дней 142-я рота уничтожила 24 фашистских солдата и офицера, 4 дзота, 1 танк, 1 станковый пулемет, 1 ручной пулемет, 12 вражеских солдат получили тяжелые ожоги.

Фашисты, испытав действия наших огнеметчиков, в страхе группами сдавались в плен. Так, на участке 142-й

РОКС было взято в плен 12 офицеров и 225 солдат противника. За образцовое выполнение заданий командования один человек из 142-й роты был награжден орденом «Красная Звезда», двое — медалью «За отвагу», 7 человек — медалью «За боевые заслуги».

Позже 142-я РОКС сражалась в составе 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

Повергали врага в панику и действия 141-й РОКС. Группа под командованием младшего лейтенанта Брантова в бою в районе пункта Городище 22 февраля уничтожила дзот противника с гарнизоном в 22 человека, а вторая — под командованием старшего лейтенанта Христенко — в тот же день выжгла дзот с тремя фашистами, создав условия для занятия высоты нашими подразделениями.

8 февраля подвижная группа фугасных огнеметов 87-й отдельной огнеметной роты поддерживала наступление 109-го стрелкового полка 13-й армии на врага, окопавшегося в деревне Алексеевка. Противник предпринял сильную контратаку во фланг наступающей роты и вынудил ее к отходу. Тогда на склоне одного взгорья было выставлено 4 наших фугасных огнемета, которые несколькими залпами обратили врага в бегство.

Должен сказать, что части химзащиты в основном выполнили свои задачи по химическому обеспечению войск Брянского фронта в Воронежско-Касторненской операции. Прежде всего, как показали события, должным образом была организована химзащита войск, умело, без суеты действовали химические разведчики и наблюдатели, слаженно работала система оповещения, каждый генерал, офицер и солдат имел индивидуальные средства защиты; армейские химлаборатории АЛ-2 и подвижная группа стационарной химлаборатории след в след двигались за полками второго эшелона стрелковых дивизий, готовые без промедления провести химический анализ в случае применения противником отравляющих веществ.

Успешно взаимодействовали со стрелковыми дивизиями и отдельные огнеметные роты. Позже они были сведены в отдельные моторизованные противотанковые огнеметные батальоны — ОМПТОБ.

Наша авиация и при дневном свете, и в сложных ночных условиях в широких масштабах бомбила фосфорными и термитными бомбами, зажигательными ампулами АЖ-2, бутылками с огнесмесью и «КС», уничтожая на вражеских

аэродромах самолеты, склады боеприпасов, бензохранилища.

Вместе с тем надо признать, не все было осуществлено так, как задумывалось. К примеру, для обеспечения наступления 61-й и 3-й армий были загодя подготовлены площадки для нескольких дымовых завес, но ветер вдруг резко переменил направление, и от задуманного пришлось отказаться. Это позволило противнику заметить маневрирование наших частей.

Но частые неудачи не заслоняли главного, того, что войска фронта в конечном счете прорвали оборону противника на 220 км в глубину и 160 км по фронту.

От гитлеровцев было освобождено 1472 населенных пункта, включая города Курск, Касторное, Щигры, Фатеж, Малоархангельск и крупные районные центры Дросково, Золотухина, Поныри и др. Только убитыми противник потерял несколько десятков тысяч солдат и офицеров, а пленных было более шести тысяч.

В качестве трофеев было захвачено более тысячи орудий и минометов, более 120 танков, около 8 тысяч автомобилей, более 7 тысяч винтовок, более тысячи пулеметов и т. п.

Многие генералы, офицеры и солдаты получили за Воронежско-Касторненскую операцию ордена и медали. Командующий войсками генерал-полковник М. А. Рейтер — орден Суворова I-й степени, член Военного Совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков — орден Красного Знамени, зам. командующего генерал-лейтенант Новосельский — орден Красного Знамени, начальник штаба генерал-лейтенант Л. М. Сандалов — орден Ленина. Меня тоже наградили орденом Красного Знамени. Первая в жизни награда призывала работать еще напряженней.

После завершения Воронежско-Касторненской операции летом 1943 года войска Брянского фронта, как писал в своей книге Л. М. Сандалов, перешли к обороне на рубеже между Ожигово и Ольховец с целью обеспечить направление Орел — Тула.

В то время произошли изменения в командовании фронтом. Командующим был назначен генерал-полковник М. М. Попов, членом Военного Совета генерал-полковник Л. З. Мехлис. Начальником штаба оставался Л. М. Сандалов, вдумчивый, широко мыслящий командир, обладаю-

---

[1] Л. М. Сандалов. На Московском направлении. с. 335.

щий способностью принимать решения, наиболее рациональные при сложных ситуациях.

На другой день после прибытия руководства, я доложил о результатах действий военных химиков в Воронежско-Касторнеской операции, сообщил данные по огневым заграждениям и химобеспечению войск.

В то время наш фронт готовился к Орловской наступательной операции. Продумывались участки прорыва, шла организация взаимодействия с соседними фронтами, уточнялись силы и средства для обеспечения наступления. Поэтому в заключение доклада я ознакомил командование фронта с проектом плана химического обеспечения предстоящей операции. Одобрив в основном проект плана, Военный Совет высказал ряд конструктивных предложений.

Денно и нощно ведя подготовку к наступлению, наш фронт ждал перехода в наступление противника на Курской дуге.

5 июля 1943 года немецко-фашистские полчища, как и ожидалось, ринулись к Курску. Конец этого события известен всему миру — враг был остановлен, а затем разгромлен силами Центрального и Воронежского фронтов.

Эхо Курской битвы прокатилось и на нашем участке. 12 июля 1943 года войска Брянского и Западного фронтов перешли в решительные действия в направлении г. Орел. На Брянском фронте первыми прорвали вражескую оборону 61-я и 63-я армии. Ломая упорное сопротивление противника, наши войска безостановочно шли вперед. Враг хорошо укрепил свои позиции: на протяжении многих километров участок обороны был оснащен дотами и дзотами. К слову замечу, что войскам химзащиты и на этот раз пришлось потрудиться в поте лица: от действий огнеметчиков во многом зависел успех боя.

С ожесточенными боями войскам 3-й и 63-й армий все же удалось 5 августа овладеть г. Орлом.

В ознаменование одержанных побед в столице нашей Родины Москве вечером 5 августа 1943 года был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют.

Войска фронта неотступно гнали врага с нашей земли и во второй половине августа подошли к Брянску. Враг и здесь организовал хорошо укрепленную оборонительную полосу. Опушки густых лесов были начинены всевозможными окопами, траншеями, дотами, дзотами, бронеколпа-

ками по последнему слову фортификации. Однако воля и настойчивость наших войск взяли свое, и город Брянск 17 сентября 1943 года был освобожден от фашистов неожиданным для противника фланговым ударом 11-й армии генерала И. И. Федюнинского. Большую помощь в тот момент оказали фронту партизаны, которые отрезали врагу пути отхода и обеспечения горючим и боеприпасами.

Затем продолжалось преследование врага по горячим следам силами подвижной группы и армий фронта. К 29 сентября подвижная группа достигла рек Порня и Сож, а 2 октября, освободив города Унеча, Кричев, Новозыбков, туда подошли и части 63-й армии.

В дальнейшем штаб фронта планировал выход к Днепру, но обстоятельства резко изменились. Об этом позже...

Анализируя действия войск химзащиты в Орловской операции, скажу, что во многом мероприятия проводились на основе опыта, приобретенного в Воронежско-Касторненской операции. Химическая разведка собрала много данных о деятельности немецких химических минометных полков, о подготовленности противника к применению химического оружия, о средствах защиты, индикации, дегазации.

Военный Совет фронта с одобрением отозвался о действиях в этой операции, но вместе с тем были обнаружены досадные просчеты в действиях отдельных начальников частей химзащиты. К примеру, в 63-й армии из-за неоперативности и неумения ориентироваться по обстановке начальника войск химзащиты были большие потери личного состава. Позже он был снят с должности.

После окончания Орловской и Брянской операций большой группе генералов, офицеров и солдат Брянского фронта были вручены награды. По приказу командующего фронтом я был тогда награжден орденом Отечественной войны I-й степени.

После тяжелых кровопролитных боев войска Брянского фронта приводили себя в порядок. На дворе стояла осень с тихими, голубыми рассветами, благостными, осиянными, солнечными днями и благоуханными нежными вечерами. Только в степи весной, когда расцветают тюльпаны, я видел и ощущал такое раздолье красок и запахов. И не верилось тому, что здесь, на Брянщине, шли бои, что чуть ли не каждый куст или дерево были свидетелями нещадных боев.

Со дня на день мы ожидали указаний Ставки относи-

тельно прорыва к Днепру, но проходил день, другой, третий, а Ставка молчала.

Наконец, в один из октябрьских дней командующий фронтом генерал армии М. М. Попов неожиданно вызвал к себе руководящих работников штаба и передал содержание телеграммы из Ставки. Как пишет об этом в ту пору начальник штаба Брянского фронта генерал-лейтенант Л. М. Сандалов в своей книге «После перелома»: «Нам предписывалось большую часть войск передать соседнему слева Центральному фронту генерала армии К. К. Рокоссовского, а фронтовому управлению Брянского фронта с 11-й гвардейской армией генерал-полковника И. Х. Баграмяна, 15-й воздушной армией генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Науменко, фронтовым танковым и артиллерийским корпусами, а также со значительной частью артиллерийских, танковых, инженерных и других специальных соединений, частей и учреждений, срочно передислоцироваться в район Великих Лук»[1].

Предстояло перебазироваться и частям химзащиты.

Вскоре пришла директива из Ставки о переброске полевого управления фронта на Прибалтийское операционное направление. Из директивы также следовало, что, с 15 октября 1943 года войска Брянского фронта, получившего название 2-го Прибалтийского, должны занять позиции и вступить в бои с противником. Сроки, несмотря даже на военную обстановку, были крайне жесткие. Во-первых, район Великих Лук — не ближний свет, да и перебросить столько людей и столько техники... Но оказалось, это вполне по силам высокоорганизованному коллективу штаба фронта, который возглавлял Леонид Михайлович Сандалов.

По директиве Генерального штаба на север своим ходом были отправлены два батальона химической защиты. В составе фронтового управления на новое место дислокации перебрались на автомашинах отдел химзащиты фронта и стационарная фронтовая химлаборатория. Полевой военно-технический склад перебазировался по железной дороге.

В то время, когда шла передислокация, я был вызван в Москву для доклада к заместителю Народного комиссара Обороны СССР, начальнику Главного Военно-химического управления Красной Армии генерал-лейтенанту

---

[1] Л. М. Сандалов. После перелома. М., Воениздат, 1983, с. 4.

В. В. Аборенкову о практике химического обеспечения наступательных операций Брянского фронта. Разговор состоялся долгий. Хорошо представляя себе значение наступления войск нашего фронта, генерал Аборенков детально изложил мне задачи войск химзащиты в предстоящих наступательных операциях и, поинтересовавшись настроением в войсках, сказал напоследок:

— Теперь вам предстоит, невзирая на всякого рода трудности, еще более активизировать действия, смелее вовлекать в дело все имеющиеся зажигательно-дымовые средства. От того, как вы будете действовать, зависит количество потерь с нашей стороны.

После разговора с ним я зашел к его заместителю по политической части генерал-майору И. Ф. Чухнову. Он пытливо расспрашивал меня о трудностях, о изобретениях химиков, о воинах-огнеметчиках, совершивших подвиги. В конце беседы он пообещал приехать на наш фронт и проверить уровень организации химической защиты войск. Затем у меня произошел разговор с первым заместителем начальника ГВХУ генерал-майором А. С. Кубасовым. Он делал особый упор на успехах, достигнутых отдельными огнеметными ротами и отдельными батальонами химзащиты. И почти всю вторую половину дня я провел у заместителя начальника ГВХУ по вооружению и снабжению генерала Т. И. Смердова. Ведь перед предстоящими сражениями вопросы снабжения войск химимуществом обретали особую остроту.

А вечером того же дня, 16 октября 1943 года, я был в гостях у бывшего начальника отдела химической защиты 13-й армии полковника Н. Ф. Успенского. Большей частью вспоминали о прошедших боях, о боевых соратниках. В какой-то момент Успенский увеличил громкость динамика, и мы услышали всем нам хорошо знакомый голос диктора Юрия Левитана, передававшего очередное сообщение Совинформбюро. Но вдруг что-то горячей волной ударило по сердцу, легкие застыли от нехватки воздуха... Что это? Мне присвоено воинское звание генерал-майора технических войск?! Радости моей не было границ. Высокая оценка моей работы призывала к еще большей ответственности и отдаче.

А на следующий день постоянное представительство Совета народных комиссаров Казахской ССР при Совнаркоме СССР по случаю присвоения мне воинского звания «генерал» устроило небольшой прием с участием руко-

водящих работников Главного военно-химического управления Красной Армии и Военной академии химической защиты.

На рассвете 18 октября я выехал со своей группой (автомашины везли полученное химимущество) через Ржев к месту нового сосредоточения войск нашего фронта. После продолжительных проливных дождей дорога представляла плачевную картину: глубокие выбоины, непролазная хлябь.

Прибыв на новое место дислокации, я зашел к начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Л. М. Сандалову, который, сердечно поздравив меня с присвоением генеральского звания, познакомил меня с обстановкой и задачами фронта.

В тот момент передний край обороны противника проходил по рубежу: Лопари, Чикуново, Холм, по восточному берегу р. Ловать до Авиново, Леготь, Касавицы, Царево, Чернушка, Бастрава, Полутина, Бачева, Гоярево, Глазыри, Шутово, по северному берегу озер Мал. и Бол. Иван, Каратай, Лахны, Рябчики, Макарово, Вукрыта, Самухина, Харны.

Нашему, 2-му Прибалтийскому фронту, в ближайшем времени совместно с Северо-Западным, Волховским и Ленинградским фронтами предстояло разбить северную группировку противника, освободить Ленинградскую область и, наступая на Опочку, Остров и Псков, не допустить отхода неприятеля на Двинск и Ригу. В первую очередь надо было овладеть Новоржевом, Опочкой, Себежом, ключевыми оборонительными пунктами врага.

Тогда в состав 2-го Прибалтийского фронта входили 3-я ударная, 6-я гвардейская, 22-я и 15-я воздушная армии. Ожидалось прибытие 10-й гвардейской армии и 3-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В тот же день я представился Военному Совету фронта. И командующий генерал армии М. М. Попов, и член Военсовета генерал-лейтенант Л. З. Мехлис также поздравили меня с присвоением очередного воинского звания и дали указания по химическому обеспечению предстоящих наступательных операций фронта.

На другой день вместе с офицерами отдела состоялось обсуждение деталей химического обеспечения наступательных операций фронта в направлении Идрицы, Лудзы, Гельбене, Валги.

Я проинформировал собравшихся, что по сообщениям

разведки на этом участке в июле 1941 года были захвачены немецкие секретные документы и химическое имущество 2-го батальона 52-го минометного химического полка противника. Исходя из этого, требовалось вести непрерывное химическое наблюдение и химическую разведку. Был составлен подробный план химической разведки противника, наблюдения и оповещения в войсках, а также решены вопросы обеспечения войск средствами индивидуальной химической защиты, разведки, индикации и дегазации.

Надо было срочно ехать в войска, чтобы ознакомиться с обстановкой и внести коррективы в план. И офицеры отдела разъехались по армиям, а я выехал в 3-ю ударную армию, которая за день до того провела успешную наступательную операцию.

Начальником химического отдела армии был мой старый знакомый полковник Михаил Федорович Доронин. Он участвовал в гражданской войне, закончил военную академию, а перед Великой Отечественной работал заместителем начальника Калининского военного училища химической защиты РККА, где я был командиром 2-го батальона. Он подробно доложил о состоянии химической защиты войск армии и о боевых действиях 13-го отдельного огнеметного батальона. В тот же день я представился командующему войсками 3-й ударной армии генерал-лейтенанту К. Н. Галицкому и информировал его о целях своего прибытия. Он весьма высоко отозвался о работе химического отдела армии и о 13-м ООБ.

Как позже выяснилось, 13-й отдельный огнеметный батальон сыграл важную роль при отражении контратак гитлеровцев в районе города Невель.

Тогда 3-я ударная армия стремительным ударом потеснила немецко-фашистские войска, оборонявшие этот город, и продвинулась далеко вперед в западном и северо-западном направлениях. Но противник вскоре оправился от этого удара наших войск, и организовал отчаянные контратаки.

13-й отдельный огнеметный батальон был придан для усиления 21-й гвардейской Невельской стрелковой дивизии. Огнеметные роты этого батальона были расположены на самых трудных и ответственных участках. И когда противник пустил в ход артиллерию и танки, огнеметчики, невзирая на опасность, под сильным огнем быстро и слаженно установили фугасные огнеметы и приготови-

лись к отражению натиска пехоты противника. Враг все-таки вклинился в позиции 59-го гвардейского стрелкого полка и по Ленинградскому шоссе двинулся в направлении г. Невеля. Бои шли яростные, порой дело доходило до рукопашной. И в этой ситуации огнеметчики держались стойко, в полную силу используя преимущество огнеметов. Так, на левом фланге 59-го гвардейского стрелкового полка 2-я огнеметная рота дала бой батальону и танкам противника. За считанные минуты было уничтожено два фашистских танка, более семидесяти солдат и офицеров противника. Пехота гитлеровцев была отсечена от танков и в спешном порядке ретировалась.

За день на этом участке было отражено семь атак противника. Не менее отважно действовали рука об руку бойцы дивизии и огнеметного батальона и на других участках.

В результате двухдневных боев частями 21-й гвардейской Невельской стрелковой дивизии и 13 отдельного огнеметного батальона было уничтожено свыше 500 солдат и офицеров противника, подбито артиллерией 5 его танков, подавлен огонь 5-ти его батарей, сожжено фугасными огнеметами 2 танка.

Мужество и хорошую выучку проявил в этих боях командир отделения огнеметчиков сержант Гадматулла Гизаттулин. При встрече он рассказывал мне о прошедших боях. «Велико было искушение, не мешкая, совершить огнеметание по приближающемуся врагу. Но тогда эффект был бы не тот. И вот, до боли в глазах вглядываясь в танки и следующую за ним пехоту фашистов, я сдерживал себя и только, когда уже огонь наших установленных фугасных огнеметов мог быть губителен, я приказал бойцам: «Огонь!» В этом противоборстве нервов и воли советский солдат оказался на высоте. Бойцы отделения Гизатуллина уничтожили танк и более 20 пехотинцев противника.

Как часто бывает на войне, рядом с радостью в одной упряжке ходит горе. Огнеметный батальон после этих боев не досчитался в своих рядах отважных и решительных воинов сержанта К. С. Ермакова, ефрейтора Г. П. Алексанова, рядовых Е. М. Атрашенко, Г. Шевякова.

Дивизия отстояла старинный русский город Невель, и через несколько дней ее офицеры и солдаты получили правительственные награды. Отрадно было узнать, что

в их числе было немало военных химиков. Так, командир 13-го огнеметного батальона капитан П. А. Гайдай и сержант Г. Г. Гизатуллин были награждены орденом Красного Знамени, инженер-капитан В. А. Фиш — орденом Отечественной войны 2-й степени, ефрейтор Н. П. Елизаров — орденом Красной Звезды, ефрейтор И. Т. Кузнецов, рядовые В. Ф. Алешин, М. И. Полина — медалью «За отвагу», рядовые И. Т. Лопарев и И. З. Фомичев — медалью «За боевые заслуги».

Вернувшись из этой поездки, я подробно информировал о положении дел в 3-й ударной армии и о подвигах огнеметчиков 13-го огнеметного батальона начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Л. М. Сандалова. Он выразил удовлетворение поворотом дел и ознакомил меня с подготавливаемой наступательной операцией 22-й армии. Затем коротко обрисовал сложившуюся обстановку. Особое внимание он обратил на необходимость активизации огнеметных подразделений.

Вновь предстояла срочная поездка в войска 22-й армии. Но прежде надо было утрясти вопросы снабжения армий фронта средствами индивидуальной химической защиты, разведки, индикации и дегазации. Для снабжения частей, в которых недоставало этих средств, необходимо было срочно перебазировать военно-технические склады № 945 и № 2031 в новый район. И я направил старшего помощника по снабжению инженер-подполковника Л. М. Мазелева в штаб тыла фронта с ходатайством о предоставлении для этой цели специального железнодорожного состава.

После этого я был с докладом у командующего генерала армии М. М. Попова и члена Военного Совета генерал-лейтенанта Л. З. Мехлиса. Они утвердили мои предложения относительно химического обеспечения войск фронта в предстоящих наступательных операциях.

Завершив все срочные дела, я выехал в 22-ю армию.

В октябре 1943 года 22-я армия оборонялась на правом фланге фронта. Проводились частные наступательные операции, но линия фронта выровнялась и долгое время держалась на одном уровне. Наше командование, учитывая этот факт, разработало план наступления 22-й армии и углубления ее в полосу обороны противника.

Наш «виллис» ехал по открытой степи, и взгляду открывались алмазно поблескивающие озерца и красивые березовые рощицы. Вообще эта местность, как я узнал

позже, была сплошь заболочена, но человек упорно и терпеливо осваивал этот край и превратил его в изумительный уголок. Гитлеровские летчики не вели себя вольно, как в первые годы войны, назойливо охотясь буквально за каждой машиной, будь то военная, гражданская или санитарная. Мы беспрепятственно добрались до 22-й армии.

Начальником химического отдела армии был хорошо знакомый мне еще по Брянскому фронту подполковник Петр Иванович Дегтярев.[1] Высокорослый, плечистый, всегда подтянутый, Петр Иванович отличался спокойным, выдержанным характером и добрым нравом. Он в любой ситуации стремился докопаться до сути и всегда придавал значение деталям. В этом я еще раз убедился, когда он докладывал мне о разработанном отделом плане химического обеспечения предстоящей наступательной операции.

Во второй половине дня я представился командующему 22-й армией генерал-лейтенанту В. А. Юшкевичу и доложил ему о цели прибытия и порядке работы в войсках.

На рассвете следующего дня мы были уже в 319-й стрелковой дивизии, где на КП нас встретил начальник химической службы майор А. С. Смоликов. Выслушав его доклад, я предложил проехать в полк, находившийся на передовой, чтобы непосредственно на месте проверить готовность солдат и офицеров. 89-й стрелковый полк, который мы подвергли проверке, долгое время находился в обороне и имел развитую систему инженерных сооружений, поэтому мы довольно скоро добрались до первой его траншеи.

Из беседы с бойцами я установил, что они настроены на наступление и полностью обеспечены надлежащими средствами индивидуальной защиты. Химическая разведка и наблюдение тоже были организованы на уровне требований времени. Для дегазационных работ были

---

[1] Подполковник П. И. Дегтярев, род. в 1907 г., с 1928 г.— в рядах Красной Армии. Ранее работал на заводе. Окончил Высшие химические курсы и два курса заочного факультета военной академии им. М. В. Фрунзе. Награжден орденом Красной Звезды. После войны П. И. Дегтярев в звании генерал-майора технических войск работал долгое время начальником химического отдела Московского военного округа. В настоящее время является начальником штаба гражданской обороны Московского института хим. машиностроения.

устроены камеры-ямы, камеры-бочки, а санитарная обработка личного состава производилась в наскоро, но добротно сооруженных банях.

О сложившемся благоприятном впечатлении, которое произвели на меня посещения полков на передовой, я доложил затем командующему генерал-лейтенанту В. А. Юшкевичу. Я также отметил хорошие знания и выучку начальника химотдела П. И. Дегтярева, его помощников: майора Самуила Львовича Кошелевского, Георгия Ивановича Щербины, капитана Павла Леонтьевича Шишко и инженера-капитана Николая Дмитриевича Жукова.

Об этих выводах по прибытии в штаб фронта я доложил командующему фронтом генералу армии М. М. Попову и начальнику штаба генерал-лейтенанту Л. М. Сандалову. Они заинтересованно выслушали мое сообщение и долго расспрашивали меня о том, как настроены бойцы, как обеспечены противогазами и другими средствами защиты. Затем они ориентировали меня на необходимость проведения подобной работы в 3-й ударной армии, которая готовилась к наступлению.

Уже будучи в 3-й ударной, я узнал, что 22-я армия перешла в наступление и, прорвав глубокоэшелонированную оборону противника, продвинулась вперед на 10—12 километров.

Наступление 3-й ударной армии было назначено на 2 ноября 1943 года. Главный удар должны были нанести 28-я и 146-я стрелковые дивизии, а 46-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло развить успех.

При повторном посещении этой армии я решил побывать в дивизиях, от которых зависел успех предстоящей операции.

И вновь после проверки я провел совещание с работниками химотдела армии и в своем докладе основной упор сделал на всемерном и эффективном использовании зажигательно-дымовых средств.

В первую поездку мне не удалось побеседовать с некоторыми работниками отдела, и на этот раз я решил вернуть упущенное.

Помощники начальника химотдела армии подполковник Г. В. Остапчук, инженер-майор А. И. Буйкин и инженер-подполковник Рыбаков имели большой опыт работы в химических войсках и зарекомендовали себя энергичными, знающими специалистами. Все они были выпускниками Военной академии химической защиты.

После совещания я побывал в блиндаже у Доронина, и мы с ним вспомнили о работе в Калининском военном училище химзащиты, о боевых соратниках: полковнике Иосифе Викторовиче Индюшкине, батальонном комиссаре Иване Ивановиче Баталове, работниках учебного отдела В. А. Полетаеве и Г. В. Лобанове, командирах батальонов Я. С. Лапузо, А. Д. Кумец, Л. А. Плюсове, а также о бывших курсантах.

Не часто на войне бывают такие минуты, когда спокойно и безмятежно унесешься в мирное время, и отступает тяжесть забот военных дней, и на душе легко и радостно одновременно.

После 3-й ударной я выехал в 6-ю гвардейскую армию, которая готовила наступление севернее города Невель. Там меня встретил начальник химического отдела гвардии подполковник Роман Тимофеевич Антоненко, который подробно информировал меня о положении дел и представил работников отдела гвардии майора А. Э. Дранникова, гвардии капитана П. С. Курланова, гвардии капитана Я. М. Дерещука.

Как только забрезжил рассвет, мы отправились в 51-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Личный состав дивизии показал хорошее умение пользоваться противогазом, накидкой и чулками и другими средствами защиты. По окончании проверки доложил о ее результатах командующему армией гвардии генерал-лейтенанту И. М. Чистякову.

По возвращении в штаб фронта я узнал, что войска 3-й ударной армии, в стремительном натиске смяв оборону противника, углубились на 40—50 км в расположение врага, овладели пунктами Турки-Перевоз, Жадро, Юрово, Шилово, Бордино, Лапури, Веселки, западным берегом рек Уша, Долыссица, Пугачиха и вышли на западную оконечность озер Долысское, Суховщина, Пашки.

И вновь в этих боях прославился 13-й отдельный огнеметный батальон. Он стал образцом дисциплинированности, верности воинскому долгу и проявил себя как часть, где героизм и самоотверженность стали нормой поведения каждого солдата и офицера.

Как выяснилось, 28-я, 146-я и 46-я гвардейские дивизии, сломив сопротивление противника, на некоторых участках вышли ему в тыл. Враг был настолько ошеломлен действиями наших войск, что поначалу не мог оказать даже маломальского сопротивления. Но спустя не-

которое время он подтянул части с других направлений и со стороны пунктов Королево, Шевелево предпринял яростные контратаки на позиции 100-й отдельной стрелковой бригады, которая закрепилась на участке Печище — Борок. Противник стремился как можно скорее закрыть узкую горловину прорыва или в, крайнем случае, сузить ее. И в эти часы командующий 3-й ударной армией генерал-полковник Чибисов приказал 13-му батальону перейти на участок 100-й стрелковой бригады. Оперативно, без суеты батальон занял оборону на позициях 1-го, 2-го, и 4-го стрелковых батальонов и сходу включился в бой. Враг наседал, превосходя наших впятеро. Но умелые действия наших пехотинцев и огнеметчиков увенчались успешным отражением нескольких атак врага. Захлебывалась одна атака за другой. Остервеневшие немцы шли и шли вперед, словно пьянея при виде обороняющихся наших бойцов. И отходили, усеивая поле боя грудами обгоревших и подстреленных пехотинцев.

Можно было представить всю трудность и сложность создавшегося положения, зная, что наши воины без пищи и отдыха несколько дней кряду отбивали бесчисленные атаки превосходившего в живой силе противника.

Когда враг уяснил, что ему не удастся совершить намеченное, он ослабил натиск и усилил атаки на других участках. Тогда командарм, сообразуясь с создавшейся обстановкой, приказал 13-му отдельному огнеметному батальону пойти на помощь нашим частям, удерживавшим захваченные участки в районе деревни Лешни. Батальон в спешном порядке по осенней распутице, обходя озера и болота, вытаскивая из хляби автомашины и повозки с фугасными огнеметами и другим вооружением, продвинулся на участок между двух наших дивизий. Здесь же произошло перераспределение сил. 1-я рота с 110-ю фугасными огнеметами поступила в распоряжение командования 18-й гвардейской стрелковой дивизии, а 2-я и 3-я роты перешли в подчинение командира 146-й стрелковой дивизии в районе деревни Стайки. Не прошло и получаса после их прибытия, как они сразу же включились в бой.

Упомянутые дивизии теперь прочно удерживали оборону на своих участках.

И несколько позже батальон переживал радостное событие: многим отличившимся офицерам и солдатам батальона были вручены правительственные награды. Орден Боевого Красного Знамени был вручен командиру

2-й огнеметной роты старшему лейтенанту А. П. Горячеву, орден Отечественной войны 2-й степени — командиру взвода этой же роты лейтенанту И. Е. Малышеву, орден Красной Звезды — заместителю комбата по политической части капитану Г. Д. Падва, медаль «За отвагу» — командирам отделений старшему сержанту П. В. Виноградову, сержанту П. В. Чалышеву, огнеметчикам рядовым А. А. Буковскому, М. М. Кутьину, снайперу ефрейтору В. М. Овчинникову, парторгу 2-й огнеметной роты рядовому И. И. Жеребцову, санинструктору старшему сержанту М. И. Заметаевой, медаль «За боевые заслуги» — огнеметчикам рядовым В. С. Кинишеву, И. В. Королеву, С. Е. Щенкову, повозочному рядовому В. Н. Климову, повару рядовой П. Г. Гавриловой.

Войска 3-й ударной медленно шаг за шагом отвоевывали пункт за пунктом, пока наконец противник, сняв с других направлений 8 пехотных дивизий, не приостановил ее движение. При этом 13-й отдельный огнеметный батальон направлялся командованием на самые опасные и решающие участки.

Так, к примеру, взвод лейтенанта Александра Илларионовича Беленко был переведен на участок в районе деревни Кривые Озерки, где оборонялась 21-я гвардейская стрелковая дивизия. И вот 19 декабря, невзирая на мертвящий холод и глубокие снега, противник предпринял отчаянную контратаку при поддержке трех танков и самоходного орудия. Огнеметчики лежали на земле, зарывшись в снег, вокруг было открыто, голо, и немцы шли вперед безоглядно. Враг удивился тишине, почуял, что наши что-то готовят. Он не знал, что наши части подкреплены огнеметчиками. Лейтенант Беленко выжидал до тех пор, пока фашистские танки не приблизись настолько, что можно было безошибочно уничтожить их. Это был явный риск, но риск, как оказалось, оправданный. Командир был уверен в своих подчиненных и делал ставку на внезапность и неожиданность. И когда началось массированное огнеметание, фашисты словно очумели. Один их танк был подожжен сразу же, другие повернули назад. А пехота, сопровождавшая танки, понесла большие потери. С наступлением темноты контратаки немцев возобновились, но огнеметчики стойко отражали натиски врага. В этом бою отличились лейтенант А. И. Беленко, сержант Кондрашов, младший сержант Комденков, стар-

шина Жуков, ефрейторы Зенков, Скрябин, Стрелков, Горчаков, Косов, рядовой Стаюнин.

Итак, сформированный в сентябре 1943 года в 3-й ударной армии 13-й отдельный огнеметный батальон за короткий срок зарекомендовал себя боевым и отважным коллективом, проявив героизм и мастерство на самых танкоопасных направлениях. В начале октября, удерживая рубежи под Новосокольниками, огнеметчики батальона снайперским огнем уничтожили более 60 фашистов. В боях за пункты Святая Гора, Бараново взвод огнеметчиков вступил в бой с усиленной разведгруппой врага и, уничтожив большую часть его живой силы, взял в плен 7 солдат и офицеров противника.

3 октября батальон был переброшен в район г. Невеля для усиления обороны наших войск на танкоопасном направлении. И здесь он продемонстрировал беззаветную отвагу и отличную выучку. Только в течение 21 октября огнеметчики совместно с гвардейцами 21-й стрелковой дивизии отбили семь яростных атак противника. При этом особо отличилась 2-я огнеметная рота. В тех боях бойцы роты отстаивали Ленинградское шоссе в районе Ширново-Павлючки и подорвали 97 фугасных огнеметов противника, один танк.

Только в течение 20 дней декабря командование 3-й ударной армии трижды перебрасывало батальон туда, где возникала опасность прорыва немецких войск, и всюду — в районе Торчилово, Турки-Перевоз, Торжок и Гатчино — огнеметчики с честью справлялись с порученным боевым заданием. Так было 19 декабря в районе северо-восточнее Гатчино, когда огнеметчики отбили несколько танковых атак противника, так было 23 декабря, когда два взвода 3-й роты огнеметного батальона отразили атаку вражеской пехоты силою до роты.

Страна высоко оценила подвиги огнеметчиков, наградив высокими правительственными наградами 81 офицера и солдата 13-го огнеметного батальона.

В конце декабря 1943 года этот батальон был выведен в резерв армии и расположился в деревне Гатчино.

В те дни зарекомендовали себя отличными действиями и огнеметчики 18-го отдельного огнеметного батальона. 30 ноября 1943 года прибыл по железной дороге в город Великие Луки, где был определен в резерв командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта. А через три

дня был придан в распоряжение 6-й гвардейской армии.

1-я рота этого батальона была направлена в 96-й стрелковый корпус и, прибыв 14 декабря в район Титово — Нива, заняла позиции с 110-ю фогами, 2-я рота на стыке шоссейных дорог у деревни Самозваново установила 192 фога.

С первых же дней огнеметные роты вступили в бой с противником. Немецкое командование уделяло этим районам большое внимание и постоянно перебрасывало туда все новые и новые подразделения.

В ожесточенных схватках с фашистами пали смертью храбрых заместитель командира огнеметного батальона по политчасти капитан В. А. Евдокимов, начальник штаба капитан И. М. Чабанов, командир взвода лейтенант С. И. Привезенцев, огнеметчики сержанты И. Т. Попанов, А. Т. Ящуревский, В. И. Сумкин, М. И. Крайний, рядовые Ф. Ф. Никишин, К. М. Жукин, Н. И. Курилов, А. М. Данильченко, Н. Н. Еремин.

В результате смелых действий батальон только за декабрь уничтожил 150 фашистов. Многие офицеры и солдаты батальона были награждены орденами и медалями. Ордена Красной Звезды был удостоен старший сержант В. И. Виноградов, ордена Славы III степени — старший сержант Ф. Г. Зимин, медали «За отвагу» — огнеметчики Н. И. Гришин, С. А. Жариков, И. А. Черниговцев, Г. И. Карпов и другие.

Здесь следует отметить, что многие бойцы батальона были необстреляны, неопытны, в бой шли, как говорится, «с марша». Но их необычайное упорство в борьбе за родную землю и помощь бывалых воинов — коммунистов и комсомольцев — дали результаты неожиданные и превзошедшие всякие ожидания. Батальон показал себя в этих боях отважным, дружным и боеспособным коллективом.

В связи с поступившей директивой Генерального штаба 18-й огнеметный батальон 3 января 1944 года был выведен в резерв Ставки Верховного Главнокомандования и сосредоточен в районе деревни Кабак, а позже передислоцирован в деревню Сопки-Горки северо-западнее станции Назимово.

12 января 1944 года 18-й отдельный огнеметный батальон был реорганизован в 18-й отдельный моторизован-

ный противотанковый огнеметный батальон и приступил к боевой подготовке по специальной программе Главного военно-химического управления Красной Армии.

В конце декабря 1943 года в состав войск 2-го Прибалтийского фронта вошла 10-я гвардейская армия. Вместе с нею прибыла 206-я отдельная рота ранцевых огнеметов.

Эта рота, командиром которой являлся старший лейтенант Николай Иванович Сызарев, в боях под Смоленском проявила мужество и героизм.

Тогда противник предпринимал активные разведывательные поиски усиленными разведгруппами. Так, на рассвете 6 февраля немцы проникли под прикрытием холмов и лощин в тыл 93-го стрелкового полка, где находились и огнеметчики 206-й роты. Немецкие разведчики захватили врасплох огнеметчика Пучурошвили и стали вытаскивать его из траншеи. Изловчившись, Пучурошвили вытащил огнемет и огневой струей из него мгновенно сжег двух немецких лазутчиков, остальные, сбивая огонь с горящей одежды, бросились бежать, но их скосил автоматный огонь других огнеметчиков. Точно так же немецкие разведчики пытались взять в плен огнеметчика Хайдарова, но тот, вывернувшись, огнем из ранцевого огнемета уничтожил 7 фашистов.

Огнеметное отделение сержанта С. П. Петрова действовало в составе 87-го гвардейского стрелкового полка. И когда фашисты перешли в контратаку при помощи танков и самоходного орудия, его подразделение выдержало осаду, уничтожив 18 немецких солдат и один танк.

Огнеметчики А. Г. Кузнецов, Кондуров и Ягушев в составе лыжного батальона совершили рейд в расположение противника и в первой же стычке сожгли из огнемета семь фашистов, а затем Ягушев сел на немецкий пулемет и уничтожил из него тридцать фашистов.

Второй взвод огнеметчиков во главе с лейтенантом С. М. Пузановым наступал на дзот противника на высоте 218,5, который поливал густым свинцовым огнем нашу пехоту, не давая ей придвинуться ни на шаг. Тогда огнеметчик Петров подобрался с огнеметом прямо к дзоту и спалил его огнем, уничтожив его гарнизон из 7 немецких солдат и офицеров.

В боях под Смоленском отличились также огнеметчики старший сержант Дошинбаев, рядовые Архипов, Рябчиков.

Естественно, прибытие к нам такого боевого и отважного подразделения, прошедшего суровые испытания, было встречено как войсками, так и командованием с особой радостью.

Во второй половине октября 1943 года противник продолжал удерживать рубежи на Новоржевском направлении, а на Идрицком на отдельных участках усиленно контратаковал, стремясь сдержать дальнейшее продвижение наших войск. В первой линии у противника было 12 пехотных дивизий, и оперативная плотность достигла 16,1 километров на одну дивизию.

В этих условиях настораживало отсутствие данных о наличии у противника отравляющих веществ и средств их применения.

Я кропотливо изучил все разведывательные данные, поступившие от начальников химических отделов армий, соседних фронтов и ГВХУ. Но они были не полны и не раскрывали положения о наличии отравляющих веществ у противника. И тогда я направился к своему давнему другу: начальнику разведотдела штаба фронта генерал-майору М. С. Маслову. Он принимал активное участие в гражданской войне, окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Расположившись в его блиндаже и внимательно изучив карту обстановки, мы рассмотрели различные варианты поиска разведданных о имеющихся у противника химических средствах нападения и защиты. А потом приняли решение по всем видам разведки и договорились о включении их в план разведотдела фронта.

Затем я побывал у начальника политуправления фронта генерал-майора Афанасия Петровича Пигурнова и также попросил его помочь через партизан раздобыть интересующие меня данные. С просьбами усилить химическую разведку в тылу у противника и тщательно исследовать захваченные боеприпасы на предмет выявления мин и снарядов с отравляющими веществами я обратился к командующему артиллерией фронта генерал-лейтенанту Петру Никитичу Ничкавому и к командующему бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-майору М. Л. Чернявскому. В тот же день я связался с начальником химотдела 15-й воздушной армии полковником А. С. Поповым и запросил новые данные о намерениях противника в химическом отношении.

Вскоре эти меры дали себя знать.

Успешные действия армий фронта в ноябре, и особен-

но 3-й ударной армии, обусловили появление данных о возможностях противника в применении химического оружия.

Так, сотрудник Новоржевской фельдкомендатуры Г. Хорст сообщил о принятом на вооружение немецкими войсками новом оружии — шестиствольном реактивном миномете «Небельверфер», смонтированном на бронированном полугусеничном вездеходе с зенитным пулеметом. Это оружие обслуживалось специальными частями. Другой пленный, унтерштурмфюрер 2-й роты 21-й пехотной дивизии Густав Шюльке расширил наши сведения об этом нововведении немцев. Он рассказал, что видел 3 установки «Небельверфер», установленные в овраге в полукилометре от села Минцево. Их обслуживало 15—20 человек. Снаряды для этого миномета были белого цвета, длиной в 50 сантиметров. Содержимое снаряда — белый порошок с запахом, близким к запаху карбида. Новое оружие предназначалось для дымопуска и газовых атак. Как выяснилось позже, по приказу Гитлера это оружие было предназначено для химического нападения на Англию в ноябре 1943 года.

По данным разведотдела перед войсками фронта действовало 96 таких шестиствольных минометов.

Пленные также сообщили, что в 12-й, 331-й и 93-й пехотных дивизиях противника химическая подготовка ведется на высоком уровне. В 331-й и 93-й пехотных дивизиях, к примеру, систематически проводятся противогазовые тренировки с нахождением в противогазе в течение 1,5 часа, а в 12-й дивизии — ежедневные получасовые противогазовые тренировки. Подгонка противогазов в этих дивизиях производилась газокуриванием. Пленный 558-го пехотного полка 331-й дивизии показал, что в полку имелись курсы по подготовке унтер-офицеров и химических разведчиков. Войска противника также в этот период были полностью обеспечены противогазами, накидками и лозантином.

Кроме того, во время наступления наших войск были захвачены небольшие склады гитлеровцев с химическим имуществом в селах Паново, Колки, Невель, Менохино. В районе Прудок был обнаружен вражеский склад, где хранилось 70 ящиков с дымовыми шашками, 135 дымовых гранат, 140 пакетов с учебным отравляющим веществом слезоточивого действия.

Все эти факты свидетельствовали, что немцы вели

планомерную подготовку к применению по команде средств химического нападения.

Теперь стало ясно, что предстоит сделать в ближайшее время.

В первую очередь я передал указание всем начальникам армий фронта усилить химическую разведку и наблюдение за противником, принять все меры к своевременному вскрытию подготовки противника к химической атаке и предупреждению своих войск о химической опасности.

Мне думается, для более четкого представления о мерах, принимаемых нашими войсками для химзащиты в тот период, необходимо кратко остановиться на описании характера наших действий.

На первой линии наших траншей за неприятелем вели круглосуточное наблюдение войсковые наблюдатели, среди которых были бойцы из химизированных отделений, проинструктированные командирами подразделений и химинструкторами.

В звене полк-дивизия химическое наблюдение велось постами химнаблюдения, оповещения и связи из взводов и рот химзащиты. Кроме того, химнаблюдение велось всеми расчетами зенитных орудий и минометов, танковыми экипажами.

Такого рода химическая разведка и наблюдение, производимая химизированными подразделениями, была эффективна и сыграла большую роль в обеспечении химической защиты войск.

Достаточно сказать, что из химизированных подразделений всегда выделялись в разведывательные группы, выдвигаемые наступающими частями, бойцы, которые были хорошо знакомы с химвооружением и средствами химзащиты противника. При надобности они могли сразу установить готовность противника к применению отравляющих веществ и сигнализировать об этом руководству.

Организованно производилась и химзащита тыловых частей, которой непосредственно занимался начальник штаба тыла генерал-майор И. И. Левушкин. Такая работа тоже была очень важна, ибо не исключалось применение противником отравляющих веществ в диверсионных целях.

Таким образом, в конце 1943 года химическая защита и разведка в войсках нашего фронта была организована на уровне требований времени.

В тот момент нашему, 2-му Прибалтийскому фронту предстояло, ведя частные наступательные операции, сковать силы, противника, создав предпосылки для будущих широкомасштабных операций. При этом прошедшие боевую закалку под Воронежем, Орлом и Брянском войска химзащиты фронта действовали слаженно и оперативно, служа подспорьем регулярным войскам в наступлениях и при отражении атак противника.

В январе 1944 года на наш фронт прибыл заместитель начальника Главного военно-химического управления Красной армии генерал-майор технических войск И. Ф. Чухнов. Мы сердечно встретились с ним. Не могу не отметить воинской доблести этого человека. Невзирая на подстерегавшую опасность, он в первый же день был на передовой, побеседовал с бойцами и командирами, проверяя их готовность к химической защите войск. Не оставил он без внимания и войска второго эшелона фронта. А потом он вплотную занялся проверкой состояния отдельных батальонов химзащиты. Несколько часов генерал Чухнов пробыл в 206-й отдельной роте ранцевых огнеметов, где подолгу беседовал с огнеметчиками, расспрашивая их о житье-бытье, об успехах, о трудностях.

На третий день пребывания И. Ф. Чухнова на нашем фронте началась одна из наступательных операций. Командующий фронтом и генерал-майор И. Ф. Чухнов наблюдали за происходящим с НП. Разворачивался один из рядовых боев, все шло по инструкции. Была устроена дымовая завеса, под ее прикрытием пошли в атаку танки и пехота. Когда наши тридцатьчетверки скрылись из глаз в сизой пелене, Чухнов повернулся к командующему: «Научились-таки пользоваться завесой?». Маркиан Михайлович зарделся: «Как же, за плечами Воронеж, Орел, Брянск!» Я обрадовался: лучшей оценки работы войск химзащиты и не придумаешь.

Вечером состоялось заседание Военного Совета. Командующий сообщил об итогах дня, вынес на обсуждение несколько злободневных вопросов. В заключение заседания выступил генерал-майор И. Ф. Чухнов. Мягко улыбнувшись, он обвел взглядом присутствующих. «Ну что ж,— начал он,— должен сказать, что работа по химзащите у вас поставлена хорошо. Умело применяются дымы, огнеметно-зажигательные средства. Да и бойцы заражены оптимизмом. Теперь, товарищи, главная задача,— не успокаиваться на этом, а так применять средства химза-

щиты, чтобы максимально приуменьшить потери личного состава. Не надо также забывать о химразведке. Вовремя раскрыть замыслы врага — вот к чему надо стремиться в любой час дня и ночи. Ведь не исключено, что враг может пойти на применение отравляющих веществ. Надо думать, в сложившейся ситуации это для него — один из шансов исправить положение. Об этом говорят и данные разведки. Поэтому, товарищи, надо смотреть в оба. Наша оплошность обойдется нам дорогой ценой».

Выступление генерала И. Ф. Чухнова, его замечания и предложения намного оживили работу отдела химзащиты фронта.

А через месяц, в марте, была получена директива Ставки об усилении боевой готовности войск фронта в противохимическом отношении и обеспечении частей средствами химзащиты. Особое внимание уделялось усилению химической разведки, наблюдения, оповещения, специальной подготовки подразделений и частей химзащиты, улучшению организации санитарно-дегазационных пунктов, химзащиты тыловых объектов. Категорически предписывалось иметь в дивизиях до 500—1000 штук противогазов сверх фактического наличия личного состава и до пятидесяти процентов полностью заряженных ранцевых дегазационных приборов сверх нормативной потребности.

В войсках началась активная работа по выполнению директивы. Улучшение дел не замедлило заявить о себе. Так, в записке от 3 июля начальника отдела химзащиты 10-й гвардейской армии гвардии полковника П. А. Тарабана указывалось, что в соединении укомплектованность личным составом подразделения химзащиты доведена до 100 процентов, автотранспортом до 82 процентов, тягловой силой — до 60 процентов. В дивизии был также высок уровень подготовки химинструкторов.

Все эти меры принимались, на мой взгляд, по двум существенным причинам: во-первых, не исключалось внезапное химическое нападение противника; во-вторых, войскам нашего фронта предстояли наступательные бои.

В конце марта была получена директива Генерального штаба об использовании артиллерийско-минометных, авиационных и пехотных дымовых средств в наступательном бою и различного рода операциях.

В отличие от предыдущих директив такого характера, в этой содержались конкретные указания по применению дымов в более широких масштабах, чем раньше. Тот-

час же следом за ней был издан приказ по войскам 2-го Прибалтийского фронта. В нем прежде всего предлагалось всем командующим армиями провести показательные учения на темы: «Наступление усиленного стрелкового батальона при прорыве оборонительной полосы противника с использованием артиллерийских, минометных, авиационных и пехотных дымовых средств» и «Наступление усиленной стрелковой роты за дымом и в дыму». На учение по первой теме привлекались командиры дивизий и полков, по второй — весь офицерский состав полка. Батальонными учениями должны были руководить командиры корпусов, а ротными — командиры стрелковых полков. Контроль за исполнением как директивы, так и приказа был возложен на начальников отделов химзащиты фронта и армий. Надо отметить, что в течение апреля все запланированные учения были проведены. Войска фронта были готовы к тому, чтобы в любой час приступить к боевым действиям с применением дымов.

Весной, 23 апреля сменилось командование 2-м Прибалтийским фронтом. Командующим был назначен генерал армии А. И. Еременко, членом Военного Совета генерал-лейтенант В. Н. Богаткин.

Об Андрее Ивановиче Еременко и Владимире Николаевиче Богаткине я был ранее немного наслышан от своих товарищей. Теперь пришлось узнать их по ходу службы. Трудно было представить себе двух людей, так отличающихся характерами, как они. Андрей Иванович, внешне спокойный и уравновешенный, мог в какой-то миг вспыхнуть, проявить недовольство. Владимир Николаевич, напротив, был крайне вежливым и сдержанным человеком. Можно было поразиться богатству его знаний, цепкости его памяти. В то же время он не выносил проявлений чванства и бюрократизма.

Два качества объединяли этих людей: скромность и деловитость. А. И. Еременко обладал большим военным опытом и гибкостью мышления, В. Н. Богаткин с завидной легкостью проникал в суть явлений, устанавливал связи между ними. Дополняя друг друга, они прекрасно ладили между собой. Все это положительным образом отразилось на действиях нашего фронта.

Мой доклад о состоянии войск химзащиты фронта был воспринят новым Военным Советом с одобрением. В конце доклада был задан вопрос:

— Достаточно ли у нас средств для оперативного определения применения гитлеровцами ОВ?

Я рассказал о фронтовой стационарной химлаборатории, о средствах индикации, дегазации.

Затем командующий поинтересовался тем, что предпринимается для химического обеспечения войск в предстоящем наступлении. Я изложил свои соображения. По моим подсчетам, в предстоящих боях большую роль сыграет то, как мы используем дымы и огнеметы. Моя уверенность подкреплялась тем, что я несколько раз выезжал на передовые позиции и изучал местность, где предполагалось наступать нашим войскам. Вокруг, насколько хватало глаз, вдоль и поперек распростерлись балки и лощины, блестели озерца. Большую часть местности занимали болота. На взгорках прорастал мелкий кустарник. В этих условиях трудно маневрировать танками. Поэтому исключить большие потери личного состава можно было только умелым использованием дымовых завес и зажигательных средств.

— Ну, что ж,— сказал в заключение командующий.— Времени для подготовки предостаточно: май, июнь и часть июля. Претворяйте план в действие.

Через месяц командующий фронтом и начальник штаба решили ознакомиться с положением дел по химзащите. Выехали на полигон. Начальник стационарной испытательной химлаборатории инженер-майор А. А. Воеводский неспешно, умело продемонстрировал методы быстрейшего определения присутствия на местности и в воздухе ОВ, показал, насколько увеличилась дальность стрельбы из фугасных и ранцевых огнеметов на основе разработанной лабораторией новой рецептуры огнесмеси. Инженер-майор К. В. Бажинов убедил всех в преимуществе нового метода дымопуска: одновременным поджиганием дымовых шашек в нескольких местах он добился густой и эффективной дымовой полосы. Дым серой пеленой окутал даже НП командующего. Кто-то, покашливая от дыма, шутливо сказал: «Ну что ж, есть у нас чем выжать слезы у фрица!» Все засмеялись.

Проверка закончилась успешно.

В это время шло пополнение войск фронта. Из 1-го Прибалтийского к нам прибыла 4-я ударная армия. В ее составе был и 12-й отдельный огнеметный батальон, прославившийся в оборонительных боях на рубеже Усвяты Смоленской области. Тогда 47-я стрелковая дивизия, в

которую входил батальон, находилась в обороне. Ежедневно в разведку к немцам уходили группы, которые включали в себя, кроме кадровых разведчиков, огнеметчиков из 12-го батальона. Вылазки таких групп повергали противника в глубокое смятение. Их действия носили разнообразный характер, но заключительный аккорд был одинаков: после выполнения задания огнеметчики поджигали склады врага с боеприпасами и продовольствием. Немцев охватывала паника, они открывали беспорядочную стрельбу. Такие вылазки деморализующе действовали на врага, вынуждая его держать крупные силы в небольших деревнях.

В одной из таких операций особенно отличилось огнеметное отделение старшего сержанта Багрова. Забравшись в тыл врага вместе с несколькими разведчиками, это подразделение оказалось в кольце фашистов. Во время завязавшейся перестрелки к немцам прибыло подкрепление. У огнеметчиков было на исходе горючее. Видя такое дело, Багров дал приказ прорваться к своим. Было уничтожено немало фашистов, до последнего израсходовано горючее, прежде чем бойцы перешли на нашу территорию. Через несколько дней все бойцы этого отделения вместе с командиром были награждены медалью «За отвагу».

Кроме того, бойцы 12-го отдельного огнеметного батальона были инициаторами снайперского движения.

Так, ефрейтор Пелагейкин за один час уничтожил восемнадцать фашистов, ефрейтор Громов — двенадцать, а красноармеец Бутенков — четырнадцать.

Вот с какими бойцами предстояло воевать бок о бок. Становилось легко от мысли, что командиры и бойцы этого подразделения в состоянии выполнить любой приказ, способны изменить ход любого боя.

В начале июля 1944 года был утвержден план наступательной операции 2-го Прибалтийского фронта «с задачей прорвать оборону противника на трех участках: в полосе 10-й гвардейской армии — озера Але, Каменное (фронт прорыва 7,5 км), 3-й ударной армии — озера Каменное, Хвойно (фронт прорыва 10 км); 22-й армии — озера Братилово, Нещердо (фронт прорыва 13 км) — и концентрированным ударом 10-й гвардейской и 3-й ударной в направлении Опочка, Зилупе, Себеж, 22-й армии во взаимодействии с 4-й ударной армией в направлении Освея, уничтожить противостоящую группировку противника, а

затем, развивая стремительное наступление, мощными охватывающими ударами расчленить, окружить и уничтожить вражескую группировку»[1].

Нашему, 2-ому Прибалтийскому, и 3-ему Прибалтийскому фронтам предстояло окружить и разбить группировку противника в Прибалтике. Это лишило бы немцев возможности перебросить войска для помощи группе армий «Центр».

Начало наступления планировалось на 10 июля.

План химического обеспечения этой фронтовой наступательной операции предусматривал химическую защиту войск фронта, широкое применение дымовых средств и использование 12-го отдельного огнеметного батальона фугасных огнеметов и 206-й отдельной роты ранцевых огнеметов.

Кроме всего прочего, особое внимание обращалось на следование транспорта с запасами химического имущества за наступающими войсками.

Для ликвидации последствий возможного химического нападения за каждой армией следом шел отдельный батальон химической защиты. Батальон, кроме того, имел и вторую задачу — прикрывать дымами важнейшие объекты фронта и армий (железнодорожные узлы, переправы через реки и озера, склады и базы).

Немцы возлагали большую надежду на сеть хорошо укрепленных оборонительных рубежей — «Пантера», «Рейер» («Цапля»), «Цесис». Враг длительное время возводил эти фортификационные сооружения, состоящие из бесчисленного количества противотанковых рвов, завалов, траншей, дотов, дзотов и танковых надолб. При этом были привлечены к делу как немецкие военные инженеры, так и специалисты из оккупированных стран. Сооружались эти рубежи в основном силами военнопленных. Фашистская пропаганда не раз хвастливо заверяла, что с них начнется большое поражение русских и новое наступление на Ленинград. Частям 10-й гвардейской, 3-й ударной, 22-й и 4-й ударной армии предстояло рассеять этот миф. Первые две армии были нацелены на Резекне, а 22-я и 4-я ударная — на Дугавпилс.

Так как исключительное внимание уделялось продвижению вперед 10-й гвардейской армии, командующий

---

[1] А. И. Еременко. Годы возмездия — 1943—45. «Наука», Москва, 1969, стр. 292.

фронтом приказал группе офицеров, в которую входил и я, выехать в эту армию.

На рассвете 10 июля 1944 года отдельные группы 30-й, 85-й, 7-й и 119-й гвардейских стрелковых дивизий этой армии начали разведку боем. Стоял сухой солнечный денек. Слабый ветерок приятно холодил лицо, но по всему чувствовалось — палящий зной не за горами. Наверно, тогда каждый из нас мечтал до полудня изгнать врага с насиженных позиций. Пока сухой перещелк винтовочных выстрелов и сливающиеся в единый гул автоматные и пулеметные очереди не перебивались артиллерийскими раскатами. Поступили донесения, что на некоторых участках наши разведывательные отряды быстро овладели передовыми траншеями и окопами противника. Но враг оборонялся ожесточенно, словно настигнутый в логове волк, который знает, что от расплаты ему не уйти.

В 19.00 под нами и кругом вздрогнула земля, сплошная неистовая канонада вперемешку с ярко вспыхивающими зарницами возвестила о начавшейся артподготовке. И тотчас следом раздался тяжелый гул наших самолетов, взявших курс на позиции врага. С НП было хорошо видно, что наша артиллерия и авиация наряду с обычными пустили в ход дымовые снаряды, мины и бомбы. На горизонте плотной пеленой вздымались высокие дымовые завесы, похожие издалека на серые густые чащи лиственных лесов. В атаку под прикрытием завес пошли усиленные стрелковые батальоны.

По плану химического обеспечения наступления 10-й гвардейской армии предусматривалось создать три двадцатиминутные дымовые завесы на участке наступающих 30-й, 85-й, 7-й, 119-й гвардейских стрелковых дивизий и 19-го гвардейского стрелкового корпуса севернее озера Але в полосе Бородулино-Никулино, Корнилково-Грихнов, отметка 182,5— Гусево на фронте длиной от 2-х до 5-ти километров. Кроме того, на участке наступающих 15-го и 7-го гвардейских стрелковых корпусов планировалась постановка дымовых завес 82-мм дымовыми минами и 122-мм дымовыми снарядами, запуск с самолетов на позиции врага гранулированного фосфора, вызывающего дымовой эффект. Эти шаги предпринимались для того, чтобы ввести противника в заблуждение относительно главного удара наших сил. На языке военных это называлось — ослепить огневые точки и наблюдательные пункты противника.

Погода благоприятствовала нашим планам, и поставленные дымовые завесы позволили дивизиям первого эшелона и армейским подвижным группам 10-й гвардейской быстро продвинуться в глубину обороны противника. При этом, как и задумывалось, все 14 крупных огневых точек и наблюдательных пунктов противника в точно назначенное время были ослеплены дымовыми минами и снарядами. Было похоже на то, что враг поверил, что за дымовыми завесами кроются наши крупные силы и ведут огонь. Дым быстро распространился по позициям противника, чувствовалось, что фашистские артиллеристы растерялись, потеряв четкую видимость. Многие орудия и минометы врага молчали, а стрелявшие вели огонь неточно, с большими недолетами и фактически усеивали минами и снарядами свои передовые позиции.

Хорошо поработала и наша авиация. Ею был подожжен лес западнее Саурих. Лес был большой, в нем могло укрыться не одно крупное соединение противника. Поэтому наше командование решило лишить немцев возможности закрепиться на этом участке. Отступающих фашистов поверг в дикий ужас вид стремительно приближающегося с тыла пожара. Многие из них сдались в плен.

Успешно преодолев передние линии вражеской обороны и уничтожая в ожесточенных схватках полки 93-й, 19-й и 15-й пехотных дивизий СС, 30-я, 85-я, 7-я и 119-я гвардейские стрелковые дивизии 10-й гвардейской армии освободили крупные населенные пукты Андрюшино, Пусторожка, Поречье, Загорье, Аверково, Спиридово. Всю ночь и весь последующий день шли кровопролитые бои, и только к исходу 12-го июля войска 10-й гвардейской развалили оборону противника на рубеже «Пантера», а 15-го июля они при поддержке 15-й воздушной армии взяли город Опочку, начальное звено фашистского тылового оборонительного рубежа «Рейер» («Цапля»).

По мере того, как наши войска продвигались вперед, многие немцы стали сдаваться в плен. Я присутствовал на их допросах. Один из пленных, рядовой 2-го батальона 42-го немецкого пехотного полка И. Н. Кловинш рассказал о том, что при появлении дымовой завесы командир батальона майор Рейнхольц приказал: «Главные силы отвести назад, так как за дымовой завесой следует ожидать сильную атаку русских при поддержке танков». Приказ был выполнен, продолжает Кловинш. Оставив небольшой

заслон, мы отошли на 4 километра. А потом догадались, что завеса ложная, остановились и закрепились.

В захваченном в те дни нашими войсками документе-бюллетене № 23 говорилось: «В последнее время противник перед наступлением начал применять дымовые завесы. Так было в районе озера Але. Этим он достиг того, что наблюдательные пункты оказались ослепленными, и наша артиллерия лишилась всякой корректировки, в результате чего бездействовала. Войска же в полосе дымовой завесы лишились всякого управления. Все это обеспечило противнику успех наступления».

Немцев встревожили факты применения нашими войсками дымов, по данным нашей разведки, они разрабатывали меры для ослабления их воздействия.

К тому времени я добрался до фронтового КП. Хорошие вести поступали и из других армий. 3-я ударная под командованием генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича прорвала оборону противника в районе озера Каменное и Хвойно и стремительно направлялась к крупному опорному пункту немцев — г. Себеж и Ленинградскому шоссе. Одно из ее соединений —79-й стрелковый корпус генерал-майора С. Н. Переверткина — обошло с севера город Идрица и в коротком бою овладело этим крупным узлом железных и шоссейных дорог. Армия генерала В. А. Юшкевича за сутки освободила до 100 населенных пунктов.

Войска 22-й армии под командованием генерал-лейтенанта Г. П. Короткова за это же время освободили с боями более 200 населенных пунктов, в том числе крупные села Лапути, Швары, Ясоновец, Силково, Князева Могила, Дмитрова, Ботвинники, овладев районами озер Ясное и Ковалево. Впереди был город Освея. 4-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева на рассвете 11-го июля под прикрытием дымовых завес форсировала реки Ница и Дрисса в районе Суосаново, Переки и Плыщино, заставив отступить 389-ю, 87-ю и 24-ю пехотные дивизии противника. А на другой день войска этой армии на плечах врага ворвались в г. Дрисса, а к вечеру вышли на рубеж Красново, Голубово, Дрозды. 17 июля в образовавшийся прорыв был введен 5-й танковый корпус генерал-майора М. Г. Сахно. Это способствовало тому, что 4-я ударная за день продвинулась в глубину обороны противника на 25 километров, освободив более 50 крупных населенных пунктов, уничтожив более тысячи вражеских солдат и офицеров, несколько со-

тен его танков и орудий. 17 июля 22-я армия генерала Короткова Г. П. быстрым обходным маневром обошла город Освею и Освейское озеро, преградив путь отступления нескольким крупным соединениям противника. Ей на помощь пришел 5-й танковый корпус генерала Сахно. Окруженная группировка врага была разбита за несколько часов горячего боя.

На другой день, 18 июля 1944 года в 4 часа 30 минут воины 130-го латышского корпуса под командованием генерал-майора Д. К. Бранткална, действовавшего в составе 22-й армии, первыми перешли границу Латвии и вступили на латвийскую землю. Это событие воспринималось всеми с особым волнением. Ведь взятие Латвии по существу предполагало начало освобождения Прибалтики, изгнание врага с севера нашей земли...

В тот день почти все войска нашего фронта перешли границу Латвии.

В ходе наступления во всех армиях фронта успешно применялись дымы и огнеметно-зажигательные средства. Командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко позже в своей книге воспоминаний «Годы возмездия» отмечал исключительную эффективность дымового прикрытия войск при переправах через реки Дрисса и Сарьянка.

Особенно отличилась в наступательных боях 206-я отдельная рота ранцевых огнеметов. Каждый ее взвод был придан соответственно полку 29-й гвардейской стрелковой дивизии.

2-й взвод этой роты под командованием младшего лейтенанта Павла Митрофановича Савчука в составе 90-го гвардейского полка отражал контратаки противника в районе железнодорожной станции Истална, имевшей большое стратегическое значение. Левый фланг взвода не имел непосредственного соприкосновения с соседним 87-м гвардейским полком. Между частями образовался прорыв длиною в 1 километр. Это не осталось незамеченным вражеской разведкой. Противник силой до батальона пехоты при поддержке самоходного орудия, умело используя лощины и леса, скрытно вошел в этот прорыв и вышел в тыл наших частей. Видя такое дело, младший лейтенант Савчук принял решение вступить в бой с противником, впятеро превосходившим их по численности. Он разделил взвод на три группы и выслал их навстречу врагу. Сам он возглавил отделение, выступившее против

наиболее многочисленной группы противника, наступающего с помощью самоходного орудия.

Первая наша группа под командованием помкомвзвода старшего сержанта Савицкого, состоящая из трех огнеметчиков, затаилась в небольшой лощине, заросшей невысоким густым кустарником. Когда фашисты спустились по склону в низину, огнеметчики пропустили их мимо себя и затем открыли огонь. Восемь вражеских солдат были уничтожены сразу, остальные в панике разбежались.

Вторая наша группа, состоящая из пяти огнеметчиков, схоронившись за высокой рожью, скрытно приблизилась к движущейся группе немцев и дала залп. Одиннадцать сожженных трупов вражеских солдат осталось на месте, а с полсотни фашистов с загоревшейся одеждой скрылись в ближайшем лесу.

Третья группа, которой командовал Савчук, сожгла три дома, возле которых противник успел установить пулеметные точки. При этом смело и отважно сражался красноармеец Соколов, который из огнемета поджег дом, затем, захватив вражеский пулемет, уничтожил взвод гитлеровцев.

Поняв бесплодность своих атак, фашисты численностью в 100 человек стали отходить к северу, задумав стороною обойти станцию Истална и ударить во фланг 90-го гвардейского стрелкового полка. Савчук разгадал намерения врага и решил устроить засаду. Он спешно собрал взвод и разъяснил задачу. Огнеметчики в ускоренном темпе пересекли железнодорожную линию восточнее будки стрелочника, форсировали реку и заняли оборону на опушке леса, возвышавшейся над местностью, ниже станции Истална. Вскоре показались и гитлеровцы. Они шли уверенно, споро, не подозревая об опасности. Когда вражеские солдаты приблизились к опушке, огнеметчики открыли огонь из всех видов имеющегося оружия. Но это не остановило гитлеровцев. Они безоглядно и отчаянно шли вперед, заходя во фланг обороняющихся. В ходе затяжного боя враг был обескровлен и уничтожен. В этих схватках беззаветную храбрость проявили младший лейтенант Савчук, старший сержант Савицкий, красноармейцы Кокорин, Проценко, Михеев, Петров, Фафурдинов, Сизов, Коротков, Аркунов и другие.

Так на разных участках фронта огнеметные подразделения и войска химзащиты вносили посильный вклад в дело победы над врагом.

ЗАРЯ СВОБОДЫ НАД ПРИБАЛТИКОЙ.

Войска фронта безостановочно шли вперед, захватывая один населенный пункт за другим. 10-я гвардейская армия генерала М. И. Казакова двигалась с боями к Резекне, 4-я ударная армия генерала П. Ф. Малышева — к Даугавпилсу. Наши авиация и артиллерия наносили ощутимые удары по этим опорным пунктам врага. Подвижные группы армий обходными маневрами вышли в тыл немецких войск, оборонявших эти города, и, подорвав железнодорожные и шоссейные дороги, лишили врага путей отступления. А в 4 часа утра 27-го июля 7-я, 8-я и 119-я гвардейские стрелковые дивизии 7-го гвардейского стрелкового корпуса 10-й гвардейской армии в тяжелых кровопролитных боях овладели городом Резекне (Режица). При взятии города им помогали 391-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии и многие другие артиллерийские и специальные соединения. Войскам, участвовавшим в освобождении города Резекне и им помогавшим, приказом Верховного Главнокомандующего от 9 августа 1944 года было присвоено наименование Режицких. 4-я ударная армия во взаимодействии с 5-м танковым корпусом, вбиваясь клином в оборону противника, 26-го июля подошла вплотную к Даугавпилсу. В осаде окопавшегося немецкого гарнизона принимали участие 200-я, 311-я, 319-я и 325-я стрелковые дивизии. При этом следует отметить умелые боевые действия группы майора Мансурова, состоящей из инженерно-саперного батальона. Эта группа, сменив части 14-го стрелкового корпуса в районе Эргли, прикрыла правый фланг 83-го стрелкового корпуса. Затем она продвинулась в направлении станций Кудрайно,

Старый Форштадт и вышла на северо-восточную окраину Даугавпилса. Город был взят штурмом наших войск с трех сторон 27-го июля в 8 часов 30 минут. Воинским частям, взявшим этот город, было присвоено почетное наименование Двинских.

14-й, 83-й и 100-й стрелковые корпуса неотступно продолжали преследование врага, в основном по шоссе Даугавпилс — Рига. В качестве гарнизона г. Даугавпилс остались 12-й огнеметный батальон и 19-я штурмовая инженерно-саперная бригада. В тот же день 12-ому огнеметному батальону было поручено очистить территорию от активизировавшихся в тылу наших войск остатков противника. Но вскоре выяснилось, что это орудуют не вражеские группы, а целое войсковое соединение, на уничтожение которого позже была выделена целая дивизия 60-го стрелкового корпуса.

После Даугавпилса противник решил задержать наше наступление у г. Плявинас, и раз за разом переходил в контратаку. В южной оконечности города приступы врага отражали воины 1-й, 2-й и 3-й огнеметных рот 60-го стрелкового корпуса.

В одном из боев под Плявинасом отличились взводы младшего лейтенанта Зинченко и лейтенанта Сотникова. Вот как это произошло.

Противник, выждав некоторое время, решил контратаковать десантом автоматчиков на танках и бронетранспортерах. Командиры взводов еще раз приказали бойцам приготовить огнеметы, проверить запасы огнесмеси. Танки и бронемашины неспешно приближались, лениво переваливаясь с кочки на кочку. На их башнях виднелись оскаленные лица вражеских автоматчиков. Было видно, что фашисты явно навеселе, они время от времени оживленно гоготали, указывая рукой на позиции, занятые нашими бойцами. Когда немецкие машины приблизились настолько, что стали видны затуманенные взгляды гитлеровцев, раздался залп из фугасных огнеметов. Языки пламени побежали по одежде немецких десантников, несколько танков завертелось на месте, а остальные машины повернули назад.

Вскоре взорвался бензобак одного из танков — видно, огонь проник и туда. Вражеские автоматчики, истошно крича, спрыгивали с машин, падали на землю и катались, пытаясь сбить огонь. И тут их настигал огонь наших автоматов.

Так же отважно действовали бойцы и командиры других огнеметных подразделений. Ефрейтор Ведьманов слыл в своей роте опытным, находчивым и храбрым воином, не раз выполнявшим ответственные задания командования.

Однажды в его распоряжение была выделена группа огнеметчиков для захвата «языка». Ночью группа переправилась на противоположный берег реки Западная Двина, а к утру привела «языка» — крупного рыжеволосого немца, который передал нам ценные сведения о намерениях противника.

Так, огнеметчики 12-го огнеметного батальона ФОГ помогли частям 60-го стрелкового корпуса очистить от немецких захватчиков левобережье Западной Двины протяженностью в 15 километров.

Во время наступления наших частей подразделения химической разведки неотрывно следовали за ними, имея целью установить подготовку противника к химическому нападению. Трофеи, которые им попадались, были разнообразны и давали пищу для размышлений.

Так, на участке 10-й гвардейской и 4-й ударной армии в ходе Лубанско-Мадонской операции было установлено участие в боях 1-го и 3-го дивизионов многоствольных минометов 70-го химического минометного полка резерва главнокомандования противника.

В районе деревни Заволны действовали 4 батареи шестиствольных 300 миллиметровых минометов, а в районе деревни Ласыршики — 3 батарей тяжелых метательных аппаратов калибра 280 мм. В селе Орлово 17 июля был обнаружен большой артиллерийский склад из 1840 реактивных дымовых и фугасных мин. Днем позже химическая разведка 51-го отдельного батальона химзащиты в районе деревни набрела на склад с химимуществом, в котором содержались 600 дымовых шашек № 6 и 415 немецких противогазовых фильтров ЕЕ-1.

Эти факты свидетельствуют о том, что гитлеровцы тщательно и планомерно подготовляли неожиданное химическое нападение. Только стремительный натиск наших войск не позволил свершиться их планам.

Враг отступал, но с каждым разом сражения становились яростнее, отчаяннее. Поступили сообщения, что войска 1-го Прибалтийского фронта приближаются к Риге. Наши же войска с огромным трудом пробивались с боями через лесисто-заболоченную низменность. В ходе Лубанско-Мадонской наступательной операции наши наблю-

датели установили, что среди частей противника особенно активизировались подразделения 70-го химического минометного полка, который имел возможности применения отравляющих веществ.

28 августа в 7 часов 30 мин. было зафиксировано 10 залпов из трех десятиствольных минометов по району, где скопились наши войска. В тот же день после полудня было установлено 24 выстрела тяжелого метательного аппарата калибра 280 мм из района лесной опушки восточнее Бриньди. 30 августа раздались несколько залпов дымовыми минами из многоствольных вражеских минометов по району Удри, где пересекались стратегически важные шоссейные дороги. Цель задымления была не установлена.

Эти факты говорили о том, что немецкое командование агонически вводит в действие последние резервы, пытаясь как-то выправить положение. В этих условиях фашисты в любой момент могли пустить в ход отравляющие вещества.

Эта мысль тогда всем не давала покоя, и пришедшие в начале октября директивы Генштаба «Об усилении химической разведки противника» и «О необходимости держать в наличии во взводах химической защиты стрелковых полков по две конно-дегазационных повозки при любом некомплекте частей» послужили для войск химзащиты конкретным и неотложным руководством к действию.

Немецкие войска безудержно катились на юго-запад, с особой исступленностью отстаивая каждую деревню, каждый городок. Тяжелые бои завязались под Лубаной и Крустпилсом. Мужественно сражались добровольцы-сибиряки из 19-го стрелкового корпуса, осаждавшего Лубану. Только к полудню 7 августа они сжали в тиски врага и ворвались в город. Крустпилс был взят частями 130-го Латышского стрелкового корпуса 8 августа в 12 часов дня.

Теперь Ставка нацеливала войска нашего 2-го Прибалтийского фронта на взятие Риги. Предполагалось, что поддержат войска 1-го и 3-го Прибалтийского фронтов. Противостояли нам 16-я и 18-я немецкие армии и группа армий «Нарва». Их поддерживала 3-я танковая армия из группы армий «Центр».

Фашистское командование понимало, что под угрозой падения последние форпосты его войск в Прибалтике, поэтому бросало все силы и резервы для удержания этого важного стратегического и продовольственного района,

связывавшего Германию со скандинавскими странами, поставщиками стратегического сырья.

Нашим войскам на пути к Риге предстояло одолеть четыре основных оборонительных рубежа. Передовые части уже овладели рубежом «Валга», вышли к южной оконечности рубежа «Цесис». Впереди были рубежи «Сигулда» и «Рижский». Наши войска продвигались с трудом, преодолевая в день 5—6 км.

Успешно развивалось наступление 1-го Прибалтийского фронта генерала армии И. Х. Баграмяна. Он уже теснил врага в 25 км юго-восточнее Риги.

Однако вскоре положение изменилось. Судя по всему, гитлеровское командование приняло решение начать постепенный отвод войск в Германию и с этой целью укрепляло войска, противостоящие армиям 1-го Прибалтийского.

Разведка донесла, что ослаблена оборона немцев на нашем участке. Командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко, исходя из того факта, что наши части понесли большие потери при преодолении оборонительных рубежей врага и оскудели запасы боеприпасов, решил главные силы фронта сжать в кулак севернее железной дороги Эргли-Рига и неожиданно ударить по войскам, оборонявшим Ригу.

За все время действия наших войск на подступах к Риге специальные части химзащиты и огнеметные подразделения отработанно и умело применяли дымовые завесы, огневые валы, дымовые мины и снаряды.

Позже, когда были подведены итоги работы химической службы 10-й гвардейской армии в наступательных операциях под Редицей, Даугавпилсом, Лубаной, Мадоной, было отмечено 234 случая стрельбы немцев многоствольными минометами и 34 случая применения ими тяжелых метательных аппаратов. Стрельба велась преимущественно фугасными минами, реже — дымовыми. Обычно многоствольные минометы враг использовал в начале наступления наших войск и на 3—4 позициях в оборонительных рубежах. Метательными аппаратами он, как правило, обрабатывал передний край нашей обороны.

Из показаний военнопленных и захваченных документов было установлено, что эти минометы принадлежат 70-му химическому минометному полку из резерва главнокомандования вермахта.

Постами наблюдения 10-й гвардейской армии было также зафиксировано 70 случаев применения противником дымовых средств, 11 случаев — огнеметно-зажигательных средств.

Большую пищу для размышлений представили и захваченные документы противника: устав химзащиты всех родов войск, плакат-листовка о способе дегазации, директивы, указания, наставления по химзащите, таблица отравляющих веществ, 15 различных образцов химимущества и 12 мелких складов фашистов, допросы 179 военнопленных.

Кроме того, на участках 3-й ударной и 22-й армий было обнаружено большое количество дымовых и зажигательных мин и снарядов, противогазов и других средств защиты, дегазации, индикации, наличие запасов отравляющих веществ.

В 11 часов 22 сентября 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта сильным ударом прорвали оборону врага на полосе «Цесис» и взяли курс на Ригу.

Упорные бои продолжались уже несколько дней, враг пятился, но отчаянно, судорожно цеплялся за каждый укрепленный пункт.

И вдруг все изменилось. Ставка неожиданно решила направить главные силы 1-го Прибалтийского фронта на Мемель, чтобы не дать отойти прибалтийской группе немецких армий в Восточную Пруссию. А нам было предложено перебазироваться на место 1-го Прибалтийского и с 3-м Прибалтийским фронтом продолжать продвижение к Риге.

Немцы отступали, в растерянности оставляя порой в городах и поселках большие склады химических боеприпасов и имущества. Не раз случалось, что наши воины обнаруживали в помещении бывшей школы или сельсовета такой склад, где хранились совершенно не распечатанные противогазы или мины в нераскрытых ящиках. Военнопленные признавали, что ужас как среди офицеров, так и среди солдат настолько велик, что не возникает и мысли о применении дымовых завес. Эти сообщения вселяли в душу радость.

Наши войска день за днем продвигались в направлении шоссе Рига-Елгова, но скорость движения была небольшая —5—6 километров, на некоторых участках до 12-15 километров. Это объяснялось тем, что приходилось преодолевать лесисто-заболоченную Рижско-Елговскую ни-

зменность, во многих местах заминированную и напичканную заграждениями. О наступлении танками не могло быть и речи, а наша авиация и артиллерия бездействовали, так как враг окопался в основном в небольших хуторах и лесах.

Помню, нас 13 октября очень воодушевило сообщение о том, что войска 3-го Прибалтийского фронта освободили от врага восточную часть Риги и идут нам на помощь. А вечером и другая большая радость поселилась в наших сердцах: по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении столицы Латвии — города Риги — войсками 3-го Прибалтийского фронта и правого крыла 2-го Прибалтийского фронта. В тот же день салютовала Москва, отмечая это событие.

Но на южной и западной сторонах Риги, на так называемом рижском обводе, враг продолжал отчаянно сопротивляться, укрепившись на заранее подготовленных позициях. Почти все силы нашей артиллерии и авиации были пущены в ход. Лишь к утру 15 октября после тяжелых, выматывающих силы без остатка боев, 10-я гвардейская армия генерала М. И. Казакова завладела Задвинье — остальной частью Риги.

Остатки разгромленных немецких армий группы «Север» отошли на Курляндский полуостров и объединились там в группу армий «Курляндия». Укрепившись на заранее подготовленном оборонительном рубеже по линии Вешняй, Прекуле, Юрмалциемс, прижатый войсками 1-го и 2-го Прибалтийского фронтов, противник оказал яростное, поистине фанатичное сопротивление нашим войскам. Их стойкость, как было установлено позже, объяснялась приказом немецкого командования о том, что будет расстреливаться каждый солдат и офицер, если покинет оборонительные рубежи. Вот с каким обращением к войскам выступило немецкое командование: «Речь идет о жизни и смерти Германии. Наши позиции в Курляндии представляют волнорез, о который разобьются волны русского наступления. Курляндия — это форпост Восточной Пруссии».

И действительно, сопротивление немецко-фашистских войск было чрезвычайно ожесточенным. Каждый километр давался с трудом. Но несмотря на это наши войска, измотанные продолжительными боями, шаг за шагом продвигались вперед. Только с 27 октября по 5 ноября 1944 года войска левого крыла фронта освободили 500 населенных

пунктов, в том числе г. Ауце, станцию Лайжува и пять крупных железнодорожных станций.

И тут, как ожидалось, начался сезон проливных дождей. Наземные войска лишились поддержки авиации, стало труднее маневрировать артиллерией. Продвижение вперед замедлилось. При этом также необходимо указать на следующий факт: по силе сопротивления, огневой насыщенности и количеству контратак бои тех дней не имели себе равных в течение всего 1944 года.

Тогда в составе нашего фронта были 1-я ударная армия (командующий генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев, член Военного Совета генерал-майор Д. Е. Колесников, начальник штаба генерал-майор А. К. Кондратьев), 22-я армия (командующий генерал-лейтенант Г. П. Коротков, член Военного Совета генерал-майор А. М. Катков, начальник штаба генерал-майор Н. С. Дронов), 42-я армия (командующий генерал-лейтенант В. П. Свиридов, член Военного Совета генерал-майор А. Е. Хмель, начальник штаба генерал-майор В. М. Крылов), 10-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник М. И. Казаков, член Военного Совета генерал-майор П. Ф. Иванов, начальник штаба генерал-лейтенант Н. П. Сидельников), 19-й танковый корпус (командир генерал-лейтенант И. Д. Васильев, начальник штаба полковник И. Е. Шавров), 15-я воздушная армия (командующий генерал-полковник авиации Н. Ф. Науменко, начальник штаба генерал-лейтенант авиации А. А. Саковнин), а также два артиллерийских полка и пять отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов.

Но переход к позиционным действиям наше командование решило использовать для перегруппировки сил неожиданного удара во фланг противника на Мушумуйжа между реками Джукстe и Абава силами 1-й ударной и 22-й армий. Помощь им должны были оказать 19-й танковый корпус, 28-я артиллерийская дивизия, а также две гвардейские минометные бригады и три гвардейских минометных полка.

Однако сроки этого массированного удара переносились со дня на день из-за зачастивших дождей и туманов.

Противник сосредоточил на этом направлении 15 дивизий, 6 отдельных полков, 21 отдельный батальон.

Немецко-фашистские военные инженеры, использовав в полную силу свой опыт и фантазию, до предела усовершенствовали систему оборонительных сооружений. Гит-

леровцы установили несколько линий траншей, которые связывались или сходились на пулеметной площадке. Подход к траншеям прикрывался проволочными заграждениями, противотанковыми и противопехотными минными полями. Чтобы преодолеть эти препятствия и одержать победу, от каждого нашего бойца требовалось большое напряжение сил, высокое мастерство, решительность и отвага. Что, впрочем, они и продемонстрировали.

21 декабря к наступательным операциям перешли армии левого крыла нашего фронта и правого крыла 1-го Прибалтийского. Их начало отмечалось сильной огневой обработкой нашей артиллерией позиций врага. Противник оказался в замешательстве и, приняв эти действия за главный удар, срочно подтянул к этому участку значительные силы. Немецкое командование, не считаясь с потерями, бросало в бой все новые и новые силы, привлекая к делу даже резервы.

Это облегчило задачу армиям генерал-лейтенанта Н. Д. Захватаева и генерал-лейтенанта Г. П. Короткова. В течение недели их армии, прорвав усиленную оборону гитлеровцев на тукумском направлении на фронте 20 километров, продвинулись на 10 километров в глубину. Это грозило немцам по меньшей мере окружением части сил. Противник срочно перебросил туда новые дивизии, вернув даже те, которые были готовы к посадке на суда в портах Лиепая и Вентспилс.

Во второй половине декабря и в течение всего января войска Прибалтийских фронтов приостановили свое продвижение, а затем и вовсе перешли к позиционным действиям.

Результаты боев были отрадны: противник потерял убитыми и ранеными 23.267 солдат и офицеров, нашими войсками было захвачено в плен 1116 солдат и офицеров врага, уничтожено 189 его танков и самоходных орудий, 91 самолет, 314 орудий, 189 минометов, 937 пулеметов, 118 автомашин.

А 6 февраля 1945 года по решению Ставки 6-я гвардейская, 4-я ударная и 51-я армии 1-го Прибалтийского фронта были приданы 2-му Прибалтийскому фронту, а командующим нашего фронта был назначен Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, занимавший в то время пост командующего Ленинградским фронтом. Произошла реорганизация командного состава фронта. В этом я усматриваю, что немалую роль сыграло то, что меня долгое

время связывала совместная работа с членом Военного Совета фронта генерал-лейтенантом В. Н. Богаткиным, начальником штаба генерал-полковником Л. М. Сандаловым и начальником политуправления генерал-майором А. П. Пигурновым. Начальник отдела химзащиты ленинградского фронта генерал-майор Власов был направлен в распоряжение начальника Главного военно-химического управления Красной Армии.

12 февраля, через два дня после вступления маршалом Л. А. Говоровым в командование фронтом, меня вызвали к нему в новое фронтовое КП для доклада.

Леонид Александрович задавал вопросы по ходу доклада, подробно интересовался характером действий войск химзащиты, готовностью химиков и огнеметных частей к боевым действиям; степенью обеспеченности дымовыми средствами стрелковых дивизий, артиллерии, авиации.

Подробно изложив о состоянии войск химзащиты в тот момент, о результатах применения дымовых завес в Режицко-Двинской, Лубанско-Мадонской, Рижской операциях, я не обошел и наших недостатков.

В заключение нашей беседы маршал Л. А. Говоров дал указание всемерно усилить бдительность и привести войска фронта к боевой готовности в химическом отношении. Он приказал отдельные батальоны химической защиты подготовить к ведению разведки, дегазации и дымопуска, а 12-й отдельный механизированный огнеметный батальон и 206-ю отдельную роту ранцевых огнеметов к активным действиям против врага.

Утром следующего дня, не мешкая, я приступил к выполнению указаний командующего. Были направлены соответствующие инструкции в батальоны химзащиты, в 12-й огнеметный батальон и 206-ю роту ранцевых огнеметов.

Примерно 14 февраля командующий фронтом вновь вызвал меня к себе. После моего доклада о прибытии он пригласил меня к большому продолговатому столу, на котором лежали карты. Он тут же спросил, какими дымовыми средствами располагает фронт, о возможной протяженности и продолжительности дымопуска, о численности сил, необходимых для выполнения мероприятий по созданию дымовых завес.

Я подробно ответил на его вопросы, Леонид Александрович все это аккуратно записал в свою тетрадь.

Потом он ознакомил меня с планом предстоящей наступательной операции фронта на лиепайском направле-

нии и предложил составить план его химического обеспечения.

На другой день он утвердил этот план, который был составлен с учетом изменения обстановки за счет ввода в бой немцами частей, готовящихся к отправке в Германию.

Леонид Александрович напутствовал:

— Езжайте в части и там на местах руководите действиями войск химзащиты и специальных частей. От вас зависит во многом, какие у нас будут потери, насколько мы продвинемся.

По плану предстоящего наступления предполагалось силами 6-й гвардейской и 51-й армий произвести прорыв обороны противника на Либавском направлении между реками Вента и Вартава. После часовой артиллерийской и авиационной подготовки должна была последовать атака пашей пехоты и танков под прикрытием дымовых завес. За два дня до этого на ряде других участков войска нашего фронта должны были произвести частные наступательные операции с целью маскировки главного удара.

Весь наш отдел выехал на передовую для оказания помощи на местах. В 10-ю гвардейскую армию выехал мой заместитель — старший помощник по оперативно-разведывательной работе, а я направился в 6-ю гвардейскую.

По прибытии на армейский КП, я представился командующему 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанту И. М. Чистякову и информировал его задании маршала Л. А. Говорова.

Генерал И. М. Чистяков, тотчас же пригласил начальника штаба, и мы, сообща, обсудили план химобеспечения предстоящей операции.

— Необходимо использовать все виды дымопуска — приговаривал при этом командущий армией.

Наступление началось 20 февраля в 10 часов 50 минут. А 23 февраля армии генералов И. М. Чистякова и Я. Г. Крейзера, поддержанные 19-м танковым корпусом, разгромили значительные силы немцев и заняли город Приекуле, крупный опорный пункт противника. Войска химзащиты успешно справились с поставленной задачей и обеспечили продвижение пехоты и танков на 25—30 км.

По окончании этой операции командующий фронтом Маршал Советского Союза Л. А. Говоров вручил мне орден Ленина за выслугу лет и боевые заслуги.

В течение марта проводились частичные наступатель-

ные операции, а 1-го апреля 1945 года 2-й Прибалтийский фронт был упразднен. Его войска были включены в состав Ленинградского фронта, командующим которого оставался маршал Л. А. Говоров.

Пришел цветущий май. Над рейхстагом было вооружено Знамя Победы. Но бои на отдельных участках продолжались. Все разговоры среди командного состава и в войсках касались предстоящей капитуляции немецко-фашистских войск.

На рассвете 7 мая маршал Л. А. Говоров подписал ультиматум командованию курляндской группы фашистских войск о немедленной, полной и безоговорочной капитуляции. Этот ультиматум был передан в эфир на волне вражеской радиостанции. Интересно, что примерно в те же часы (2 часа 41 минута) в городе Реймсе Главнокомандование германскими вооруженными силами в лице фельдмаршала Йодля подписало предварительный протокол капитуляции. Об этом сообщили по телефону из Ставки Верховного Главнокомандования всем командующим фронтами. Кроме того, стало известно, что начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов передал главам английской и американской военных миссий в Москве письмо, содержащее требование о подписании 8 мая в Берлине акта о безоговорочной капитуляции Германии, взамен временного акта, подписанного в Реймсе Йодлем.

Как только были получены эти сообщения, Л. А. Говоров и В. Н. Богаткин приняли решение составить краткую листовку с обращением к немецко-фашистским частям в Курляндии сложить оружие и сдаться в плен. В течение часа эти красные листочки были разбросаны над Курляндским полуостровом.

Командующий фронтом приказал подготовить помещение сборного пункта для пленных фашистских генералов и офицеров. Он также дал указание составить перечень вопросов для проведения допроса пленных.

Всю вторую половину дня 7 мая на фронте царило затишье, только изредка то там, то тут раздавались одна-две очереди и снова все стихало. Как выяснилось позже, в тот день в штабе группы армий «Курляндия», в штабах ее соединений спешно уничтожали важнейшие оперативные документы.

На рассвете 8 мая, в 7 часов утра, станции радиоперехвата фронта вдруг поймали радиограмму:

«Главнокомандующему 2-м Прибалтийским фронтом.

Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта.

Командующий войсками группы «Курляндия» Гильперт, генерал пехоты»[1].

И передать невозможно, какое всеобщее ликование и радость вызвала весть о капитуляции врага. Улыбки и слезы были почти у каждого на лице. Не верилось, что за плечами трудные тернистые дороги Тульщины, Рязанщины, Курска, Орловщины, Брянщины, леса и болота Прибалтики.

Немного позже была перехвачена вторая радиограмма, гласившая:

«Циркулярно. Всем, всем... Всем военноморским силам Востока. Ввиду принятия капитуляции седьмого мая сорок пятого года в 16.00 часов всем военным и торговым кораблям причалить к берегам, флаги спустить. Существующую до сих пор форму приветствия отменить.

Штаб военно-морских сил Востока»[2].

Затем состоялся обмен радиограммами о порядке подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции и о встрече уполномоченных с обеих сторон в Эзере.

Командующий Ленинградским фронтом маршал Л. А. Говоров назначил уполномоченным с советской стороны начальника штаба Ленинградского фронта генерал-полковника М. М. Попова, а Гильперт — начальника тыла «Курляндской» группы генерала Раузека. В 22 часа 6 минут 8 мая 1945 года генерал Раузер подписал протокол о полной и безоговорочной капитуляции и порядке сдачи в плен частей немецко-фашистской группы армий «Курляндия».

По приказу Маршала Советского Союза Л. А. Говорова все командующие родами войск и начальники специальных войск через два дня после капитуляции приступили к допросам военнопленных. Мне лично пришлось допросить командира 70-го химического минометного полка и его подчиненных, а также офицеров, занимавшихся химической службой в немецко-фашистских войсках.

Приступая к допросам, я решил первым делом установить, был ли готов 70-й химический минометный полк к

---

[1] Герой Советской Родины. Б. В. Бычковский. Командующий фронтом (о Маршале Советского Союза Л. А. Говорове) .Издательство политической литературы. Москва. 1973. стр. 108.

[2] Там же.

применению отравляющих веществ. Но на все мои вопросы офицеры и солдаты гитлеровцев отвечали либо отрицательно, либо говорили «не знаю, не посвящен». Поэтому установить, насколько фашисты были готовы к применению ОВ в Прибалтике, оказалось затруднительным. И вместе с тем было предельно ясно, что средства защиты, разведки, индикации и дегазации у гитлеровцев были в наивысшей степени готовности вплоть до капитуляции. Уже после войны я узнал об опытах гитлеровцев, по разработке эффективных химических и биологических отравляющих веществ. Для таких работ были сооружены специальные полигоны. Я видел такие помещения: гигантские, растянувшиеся на сотни метров боксы, каждый из которых был предназначен для воздействия определенного отравляющего вещества. В такой бокс фашисты заводили людей без противогаза и пускали газовую струю. Пары газа действовали удушающе и через несколько минут ни одного военнопленного не оставалось в живых. Кровь застывает в жилах, когда узнаешь и о других злодеяниях фашистов.

Итак, тяжелая, изнурительная, кровопролитная война закончилась впечатляющей победой советского народа, его доблестной Красной Армии.

Движущееся время высвечивает все новые и новые грани происшедшего: суровую повседневность фронтовых будней, реалий военного быта, лица боевых товарищей.

Безгранична радость за свой народ, в немыслимой борьбе отстоявший свою свободу, свое будущее. Велика гордость за партию Ленина, которая привела народ к победе.

Но в то же время непередаваема печаль за товарищей по оружию, павших на долгом и тернистом пути войны. С особым чувством читаешь строки знаменитого стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

...Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:
Что недаром боролись —
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

И возвращаясь памятью к тем мрачным безднам, преодоленным советским человеком на войне, думаешь с гордостью о том, что люди даже в самых безвыходных обстоятельствах вновь и вновь находили силы для борьбы, обнаруживали решимость к действию, когда оно, казалось, немыслимо.

Канула в Лету самая бесчеловечная и самая жестокая война всех времен и народов. Мне, военному химику, отрадно отметить, что в этой войне далеко не последнюю роль сыграли наши химические войска. Начиная от первого приказа № 0285 от 13 августа 1941 г. Народного комиссара Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР тов. И. В. Сталина до последней директивы начальника Главного Военно-химического управления Красной Армии, они были в боевом напряжении, в неусыпной бдительности к происках врага, в силу своих возможностей приближая желанный миг победы.

Я не раз задавал себе вопрос: почему гитлеровские войска, будучи максимально готовы к применению отравляющих веществ, не прибегали к ним в минуту агонии?

Ответ приходит неоднозначный. Тут сказались следующие обстоятельства:

1. Германия к моменту вероломного нападения на Советский Союз и в ходе войны не имела в своем распоряжении таких отравляющих веществ, боевые свойства которых давали бы безусловный стратегический успех. Видимо, немецкая химическая наука еще не предоставила в руки военного командования эффективно действующих отравляющих веществ, и производственные возможности промышленности не позволяли тогда изготовить необходимое количество химических боеприпасов.

2. Боевая готовность наших Вооруженных Сил в химическом отношении была настолько высокой, что враг не мог рассчитывать на какие-нибудь серьезные успехи.

3. Наша промышленность в необходимой мере обеспечивала наши войска средствами защиты, разведки, индикации и дегазации.

4. Добровольное общество содействия авиации и химии (ОСОАВИАХИМ) подготовило все население Советского Союза к защите от химического оружия.

5. Гитлеровцы боялись неизбежного возмездия.[1]

Отзвучали победные салюты, и советский народ приступил к решению новых задач — ликвидации в короткий

[1] «Правда», 1977, 11 января.

срок последствий войны, восстановлению народного хозяйства и дальнейшему развитию экономики.

Началась реорганизация Советской Армии. В момент капитуляции группы немецких войск «Курляндия» в составе Ленинградского фронта было около десяти армий. Затем часть их была расформирована, другая часть передана соседним военным округам. Большинство из них были приданы Ленинградскому военному округу. Когда Ленинградский фронт был переформирован в Ленинградский военный округ, меня оставили на должности начальника отдела химзащиты округа. Примерно в те же дни вышел приказ о награждении меня орденом Боевого Красного Знамени.

По окончании соответствующей работы с капитулировавшими войсками немецко-фашистских армий группы «Курляндия» командование Ленинградского фронта получило директиву Генерального штаба о переходе на мирное положение и сокращении личного состава войск. В связи с этим штаб Ленинградского фронта, ставший штабом Ленинградского военного округа, вплотную приступил к такой трудоемкой, кропотливой и одновременно радостной работе, как демобилизация личного состава.

Я пережил довольно грустные минуты, расставаясь с боевыми друзьями, с которыми делил тяготы войны. И сейчас я преисполнен особого благодарного чувства к А. И. Кислову, В. В. Быстраве, П. И. Волосевичу, В. Я. Гришимову, А. Л. Новицкому, Н. П. Сагань, Л. П. Наумову, Ф. М. Маслову, И. Д. Бобовникову, М. М. Кучинской, М. А. Позднуховой, А. И. Орловой, которые с огромной верой в торжество добра в жестоких переплетах отстаивали этот солнцеликий, неповторимый мир, отдав самые лучшие годы жизни, годы молодости войне.

Хотя производилось сокращение Вооруженных Сил СССР, в мире не все было спокойно. Сброшенные по приказу правительства США атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, попросту послужили началом так называемой «холодной войны» против Советского Союза и стран народной демократии.

В этих условиях задачи повышения боеготовности войск обретали актуальный характер.

В новых условиях были поставлены новые задачи. Укрепление армии и флота проводилось с учетом возможностей быстро развивающейся экономики, достижений науки и опыта войны.

С учетом всего этого и строился план боевой и политической подготовки личного состава войск Ленинградского военного округа.

В соответствии с этим планом я наметил программу выездов в войска, расположенные в местах постоянного расквартирования.

В этих контрольных инспекционных выездах мне бросилось в глаза следующее благоприятное для химических служб явление: война обусловила то, что на всем ее протяжении ответственность за состояние химической подготовки несли общевойсковые командиры, и теперь в условиях мирного времени это было возведено в неписаный закон.

Таким образом то, что не могли совершить в мирное время бесчисленные предписания и приказы, в кратчайший срок произвела практика, военные действия, военное положение.

В химическом отделе округа сформировался дружный, слаженный коллектив. Многие воевали на тех же фронтах, что и я, поэтому мы быстро находили общий язык.

Труднее всего было решить вопрос с жильем для работников отдела. Город-герой Ленинград представлял собой тогда гнетущее зрелище. Обломки дымоходов, остатки гигантских пепелищ, руины разбомбленных зданий, целые кварталы разрушенной до основания территории — вот во что превратили гитлеровцы наш город-красавец. Но такова природа советского человека, человека-созидателя: когда, через несколько месяцев, я уезжал по предписанию в Военную академию химической защиты, было любо-дорого смотреть на очищенные улицы, на выросшие кварталы новых жилых зданий, на отремонтированные старые с историческим прошлым здания.

Прибыв в академию, я сразу же зашел к ее начальнику генерал-лейтенанту технических войск Д. Е. Петухову и доложил о прибытии. Мы с ним затем обнялись как старые боевые товарищи, которых связывала закваска огневая, фронтовая. Впервые мы с ним познакомились в 1930 году, когда учились вместе на Высших химических академических курсах РККА. Затем в ноябре 1941 года я был непосредственным подчиненным Петухова, когда он являлся начальником химического управления войск Юго-Западного направления. И позже мы расстались, когда Брянский фронт был ориентирован на Прибалтийское направление.

Было чрезвычайно радостно видеть его в добром здравии, и как бывает, начались воспоминания. Память раз за разом восстановила образы хорошо знакомых и бесконечно дорогих боевых товарищей, с которыми в одном строю пройдены трудные дороги войны. Вспомнили, как 6 декабря 1943 года мы предоставили все необходимые средства химзащиты пошедшим в наступление под Москвой 3-й и 13-й армиям. Ведь тогда немцы были чрезвычайно близки к применению химического оружия.

От воспоминаний затем перешли к насущным делам и задачам.

Задачи академии химической защиты того времени сводились в основном к созданию такого учебно-воспитательного процесса, который со всей полнотой впитал бы в себя многогранный боевой опыт. Академия была призвана готовить высококвалифицированных военных инженеров, в совершенстве знающих боевые и технические свойства специальных родов войск, военное искусство, тактику, организацию и новую технику армий важнейших капиталистических государств.

Инженерный факультет, которым я должен был руководить, еще не имел хорошо организованного учебно-методического плана занятий. На это в первую очередь и указал мне начальник академии генерал-лейтенант Д. Е. Петухов.

В тот же день я представился начальнику политотдела академии полковнику З. Г. Галимханову, заместителю начальника академии генерал-майору технических войск Л. А. Плюсову. С Плюсовым я имел давнее знакомство: в свое время он командовал курсантским дивизионом в Калининском военном училище химической защиты, а я — курсантским батальоном ПХО. Вновь возникла дружеская, откровенная беседа. По моем прибытии на факультет мне представились начальники курсов М. М. Березовский, А. Я. Орленко, Б. М. Рыкунов, офицеры с богатым боевым опытом и широкими познаниями военного химического дела. Инженер-майор Березовский был знаком мне по 2-му Прибалтийскому фронту, когда он служил начальником химической службы гвардейской стрелковой дивизии.

На другой день произошло знакомство с личным составом курсом. Большинство из них были активные участники Великой Отечественной войны, имевшие достаточно высокий уровень общеобразовательной и военной подготовки. Среди них было много коммунистов.

Началась напряженная деятельность по реорганизации учебного процесса на основе новых уставов и наставлений. Начальники курсов, преподаватели активно работали над обновлением учебных материалов. Одновременно развертывалась работа по созданию учебников, обобщающих опыт минувшей войны. Были пересмотрены старые учебные планы и программы, увеличены сроки обучения. Постоянная забота командования и политического отдела академии, кафедр об организации учебного процесса, старание слушателей овладеть социально-экономическими оперативно-тактическими и военно-специальными дисциплинами обеспечивали высокие результаты учебы.

На инженерном факультете в те годы слушатели обучались двум специальностям: инженер-химик и инженер по вооружению. Такая специализация кадров в последующем существенно повлияла на развитие дегазационной техники, огнеметно-зажигательных и дымовых средств, техническое переоснащение химических войск.

При этом надо отметить, что главной задачей академии химической защиты того времени было обобщение опыта войны. На основе этого вырабатывалось единство взглядов на организацию и осуществление мероприятий противохимической защиты в войсках, разработку задач химвойск в различных условиях боевой обстановки. Большое внимание в учебном процессе уделялось также изучению новых образцов вооружений и техники, практике их эксплуатации и совершенствованию средств химической защиты. Это было обусловлено и появлением новых видов отравляющих веществ в армиях ведущих капиталистических держав.

На высоком уровне была и партийно-политическая работа с личным составом академии. С учетом современного характера боя с применением новых видов оружия и техники, с частым изменением боевой обстановки были предъявлены повышенные требования к общефизической подготовке личного состава академии. В частности, на нашем факультете было много спортсменов-разрядников, участвовавших в составе сборной команды академии в первенстве военных вузов.

Необычайно радостным событием в моей жизни запечатлелось участие в военном параде войск Московского гарнизона в честь 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, когда я шел во главе 2-го батальона Военной академии химической защиты, состо-

явшего в основном из слушателей инженерного факультета.

Весной 1946 года поступил приказ о моем назначении на должность заместителя начальника управления химического вооружения и снабжения сухопутных войск. Тяжело было расставаться с соратниками-академиками, профессорами, докторами и кандидатами наук, высокообразованными и, в то же время, на редкость скромными товарищами. Но жизнь военного подчинена народу.

За это время произошли большие изменения в материально-технической базе военной мощи нашего государства. Учебные заведения все еще испытывали потребность в теоретически подготовленных кадрах. И в мае 1949 года я был назначен старшим преподавателем военно-химического дела кафедры общей тактики и оперативной подготовки Военно-инженерной Краснознаменной академии им. В. В. Куйбышева. Через год в этой академии была организована кафедра противохимической защиты, начальником которой назначили меня. Я руководил ею четыре года, после чего в связи с появлением атомного оружия, коренной перестройки учебного процесса и специализации профессорско-преподавательского состава меня вновь перевели на должность старшего преподавателя. Проработав на этой должности два года, я ушел в запас.

В настоящее время я принимаю посильное участие в работе партийных организаций и комиссии ветеранов войны Фрунзенского района г. Москвы.

В последнее время на Западе поднимаются голоса за применение химического оружия. Бесчеловечными, антигуманными по своей сути можно назвать эти воззрения.

В настоящее время только Пентагон имеет в своем арсенале «бесшумной смерти» 3 млн. единиц химических боеприпасов. Более 90 различных типов и видов химических боеприпасов хранится на складах не только на территории США, но и в Западной Европе, преимущественно в ФРГ, а также в Японии и регионе Тихого океана, на бортах американских кораблей, бороздящих воды многих морей и океанов. По признанию американского конгрессмена Дж. Лича, у США уже сейчас имеются запасы нервно-паралитического газа, достаточные для того, чтобы «погубить все живое на земле». Не успокаиваясь на этом, Белый дом выколачивает все новые ассигнования на производство химического оружия, в частности, его нового поколения — бинарного. Но химическое оружие нет только

содержится на складах, но и активно применяется в различных районах земного шара. Общеизвестны масштабы бесчеловечной химической войны во Вьетнаме. А теперь в документах Пентагона планируется «возможность вести крупномасштабную химическую войну в Европе против стран Варшавского Договора». Специалисты сейчас авторитетно утверждают, что запасы химического оружия США уже сейчас превышают 150 тысяч тонн и 55 тысяч тонн современных высокотоксичных отравляющих веществ нервно-паралитического действия, а на осуществление долгосрочной программы химического перевооружения американской армии предусматривается ассигновать еще 10 миллиардов долларов!

Память — категория живая, вечная. Как бы ни куролесила судьба, в какие бы жизненные круговерти ни бросало человека Время, но придет день и час, когда Память завладеет им с полной и неотвратимой силой, обратится по большому счету к его разуму и сердцу.

Сейчас, когда тихо светится взгляд от голубизны мирного неба, когда слух улавливает только веселое журчание горного ручья, ублаготворенное дыхание пойменных лугов, когда вечные диалоги снежных горных вершин прерываются только весенним громыханием долгожданного грома и причудливыми молнийными просверками, а задумчивая грусть лазоревой степи — росистыми каплями благодатного дождя, когда гомон и звонкий переклик детских голосов доносится из каждого двора, а трудовой человек с неугасимой, идущей из глубины души улыбкой идет на работу — память с обостренной болью возвращает меня к полям ратных подвигов нашего народа в недавней войне. Она призывает в силу возможностей воскресить в воспоминаниях и доброе, и светлое, и тяжелое, и грустное — все то, что связывало тебя с боевыми соратниками в пламени былых сражений. Пусть эти воспоминания не будут литературным перлом и в некоторых своих ипостасях отойдут от широко распространенного взгляда на жанр военных мемуаров, пусть не всегда ровен голос рассказчика, но если в пору, когда во всем мире идет отчаянная милитаризация, когда заходит речь о войне в космосе, о химической войне, они побудят молодого читателя решительней приобщиться к борьбе за мир, встать в ряды борцов за него, то автор сочтет свою задачу выполненной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава I
В КРАЮ ЛИМАНОВ И ЛЕГЕНД 6

Глава II
ГОДЫ ЮНОСТИ И БОРЬБЫ 28

Глава III
РЕСПУБЛИКА ПУТЬ НАМ УКАЖЕТ . . . 49

Глава IV
ЖЕЛТЫЙ НЕУКРОТИМЫЙ ЗМЕЙ 72

Глава V
И ВЕРИЛ МИР 91

Глава VI
В ГРОЗНОМ 41-М 109

Глава VII
ПЕРЕД БРОСКОМ 133

Глава VIII
НА ПЕРЕЛОМЕ 151

Глава IX
ЗАРЯ СВОБОДЫ НАД ПРИБАЛТИКОЙ . . 187

Шакир Джексенбаев

«...И ГОРЕК ДЫМ ВОЙНЫ»

Документальная повесть

Редактор А. Соловьев
Мл. редактор Г. Испулова
Худ. редактор С. Макаренко
Художник Е. Селиванова
Техн. редактор Г. Ахинова
Корректор А. Мусаева

ИБ №2980.

Сдано в набор 11.01. 85. Подписано в печать 26.04.85. УГ 17300. Формат 84×108 1/32. Бумага № 3. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Тираж 50 000 экз. Усл. п. л. 10,9+0,21 вкл. Уч.-изд. л. 11,81. Усл. кр.-отт. 11,0. Заказ № 239. Цена 70.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.